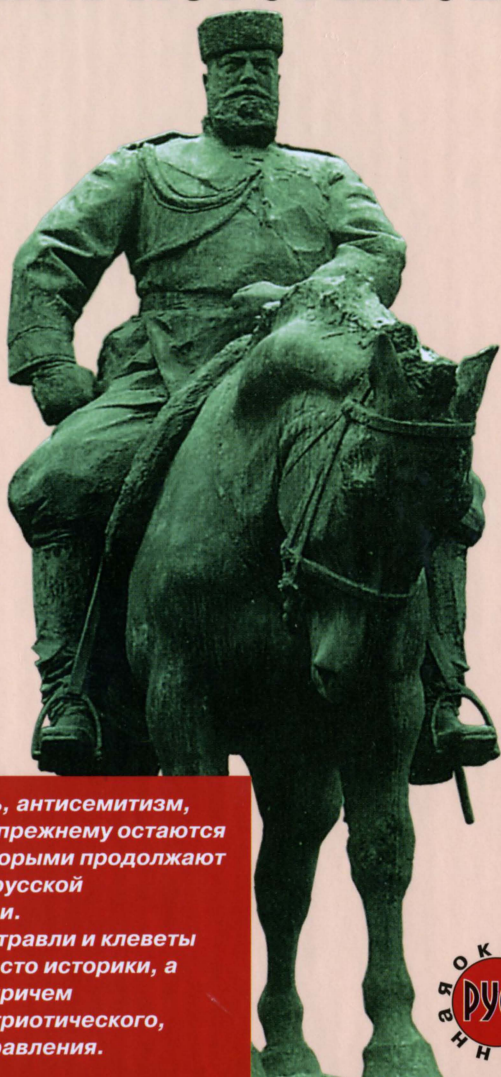

Виктор Бразев

ТРАВЛЯ РУССКИХ ИСТОРИКОВ

Великодержавность, антисемитизм, черносотенство по-прежнему остаются теми жупелами, которыми продолжают пугать нас недруги русской национальной мысли.

Объектом нападок, травли и клеветы оказываются не просто историки, а историки русские, причем государственно-патриотического, национального направления.

Виктор Бразев

ТРАВЛЯ РУССКИХ ИСТОРИКОВ

Москва
Алгоритм
2006

УДК 930/82-95
ББК 63.3
Б 87

Сканирование: vtrakhankov
Обработка: Vitautus

Брачев В.С.

Б 87 Травля русских историков. — М.: Изд-во Алгоритм, 2006. — 320 с. — (Оклеветанная Русь).

ISBN 5-9265-0236-5

В книге В.С. Брачева показаны преследования и издевательства, которым подвергались известные русские историки С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и др. за свою национально-патриотическую позицию и великодержавный подход в освещении российской истории. В наше время подобным же гонениям подвергся со стороны «демократических» кругов петербургской общественности и науки один из самых значительных историков современности И.Я. Фроянов. Как указывает автор, определенным слоям научной и околонучной интеллигенции чрезвычайно не нравится, когда Россия предстает в истории во всем своем величии и могуществе.

**УДК 930/82-95
ББК 63.3**

ISBN 5-9265-0236-5

© Брачев В.С., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема репрессий против историков, еще совсем недавно казавшаяся неактуальной, сейчас вновь привлекает внимание общественности. То, что произошло в 2000—2001 годах с деканом исторического факультета Санкт-Петербургского университета И.Я. Фрояновым, а сегодня происходит с известными российскими историками О.А. Платоновым и М.В. Назаровым, наводит на мысль о хорошо организованном погроме русской исторической науки национально-патриотического толка.

Инициаторами травли И.Я. Фроянова, закончившейся уходом ученого сначала с должности декана истфака (2001 год), а затем и с должности заведующего кафедрой (2003 год), были представители оголтелой, прозападно настроенной так называемой прогрессивной общественности Москвы и Петербурга, ориентированной на правый фланг политического спектра современной России («Демократический выбор России», «Яблоко», «Союз правых сил»), — и тут же поддержанные рядом тесно связанных с ними петербургских историков либерального толка. Им удалось добиться решения ВАК (в декабре 2004 года) о прекращении «по ходатайству

Санкт-Петербургского государственного университета» деятельности возглавляемого И.Я. Фрояновым диссертационного совета. Что же касается власти, то она в этой ситуации вела себя вяло, равнодушно взирая на травлю выдающегося русского историка.

Тщательно спланированная и, несомненно, щедро оплаченная кампания против известного ученого в средствах массовой информации, дикие обвинения, выдвинутые против него (антисемитизм, великодержавный шовинизм, черносотенство, ксенофобия и национал-большевизм), — все это по своему размаху превзошло организованные в свое время шумные пропагандистские кампании против С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и связанного с ними круга старой профессуры. Следует отметить, что характер обвинений — и это, пожалуй, самое важное в этом деле — не претерпел с тех пор серьезных изменений. Великодержавность, антисемитизм, черносотенство — по-прежнему остаются теми жупелами, которыми продолжают пугать нас недруги русской национальной мысли.

Объектом нападок, травли и клеветы оказываются не просто историки, а историки русские, причем государственно-патриотического, национального направления. Во всяком случае, преемственность организаторов и участников травли И.Я. Фроянова с «неистовыми ревнителями» конца 1920-х — начала 1930-х годов не подлежит сомнению.

Не успело затихнуть «дело Фроянова», как на-

чалась новая пропагандистская анти-русская акция, направленная против О.А. Платонова и М.В. Назарова. Ее организаторами стали московские «правозащитники» А. Брод и В. Новицкий. Слово «правозащитники» взято здесь в кавычки не случайно, ибо как могут считаться защитниками прав человека те, кто совершает противоправные действия, нарушающие основные законы страны?

Статья 29 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину России свободу мысли и слова. Как справедливо пишет Ю. Мухин в своей статье «Не те следователи» (газета «Дуэль», 20 сентября 2005 года): «В России каждый может быть фашистом, коммунистом, еврейским расистом и кем угодно. Это его право думать, как он хочет». Другое дело — преступления на почве расизма, но ими должны заниматься никак не общественные правозащитные организации, а прокуратура!

Однако, обвиняя Платонова и Назарова в «русском фашизме» и антисемитизме, Брод и Новицкий призывают применить к ним санкции, которые обычно применяются к преступникам, — то есть наши «правозащитники» уже сами вынесли этим историкам приговор и разыскивают лишь компетентных лиц, готовых привести его в исполнение. Впрочем, не дожидаясь появления судебных приставов, Брод и его подельники начали исполнять приговор самостоятельно: объявив всероссийскую акцию «Город без фашистских книг», они требуют изъять из продажи издания «идеологов российского неонацизма» — и что удивительно, книжные магазины подчиняются

требованиям этих «правозащитников» так, как будто распоряжение исходит от официальных органов власти!

Понятно, что к разряду «идеологов неонацизма» борцы за свободу личности относят всех тех, кто придерживается взглядов, отличающихся от их собственных...

Между тем, русские историки национально-патриотического толка никогда не стояли на позициях фашизма и огульного осуждения всего еврейского народа. Еврейский вопрос рассматривался ими «не как расово-национальный (с чем обычно и связана возможность возбуждения национальной вражды и ненависти), а как политический, нравственный и духовный». Это определение дано, кстати, в постановлении прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении М.В. Назарова (см. газета «Русский вестник», № 19, 2005 год). В том же постановлении сказано, что главный интерес вызывает у М.В. Назарова не еврейский вопрос как таковой, а роль евреев в русской истории, и он пытается объективно разобраться в этой проблеме. Подобные слова можно отнести ко всем русским историкам национально-патриотического толка.

Можно с уверенностью утверждать, что программы российской исторической науки, которые периодически проводятся определенными силами в нашей стране, имеют совсем иные цели, чем защита от антисемитизма или от «русского фашизма», — и в данной книге приводятся наглядные примеры этого.

Часть I

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 1920-Е ГОДЫ

1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ 20-х гг.

Судьба русской национальной историографии после 1917 года не отделима от так называемого русского вопроса. «Только ненависть и презрение может вызвать прежняя царская Россия. Новая, свободная рабоче-крестьянская Россия, иное объединение трудящихся является нашим путем»¹, — утверждал, выступая в 1922 г. на XI съезде РКП(б), один из видных тогдашних партийно-советских функционеров, ярый украинский националист Н.А. Скрыпник (1872—1933). Еще жестче был поставлен вопрос на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), призвавшем к «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма»². Этот вопрос, заявил здесь Г.Е. Зиновьев (Апфельбаум), «мы должны безусловно поставить ребром»³, и потребовал, чтобы партия

¹ 11-й съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 74.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 694.

³ Там же. С. 604.

«каленным железом прижгла всюду, где есть хотя бы намек на великорусский шовинизм»¹.

Таким образом, было положено начало целенаправленной политики игнорирования национальных интересов русских. Правда, надо отметить, что особенно рьяно проводилась эта антирусская политика все же только в 1920-е гг., когда как никогда сильны были надежды Кремля на мировую революцию. Специфика подхода большевиков к русскому вопросу определялась в это время «новой, — говоря словами И.В. Сталина, — ситуацией в международном положении, тем, что мы должны здесь, в России, в нашей федерации национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелый резерв нашей революции, и тем усилить их доверие, тягу к нашей федерации»².

Революционный романтизм 1920-х гг. доходил до того, что не считалось даже нужным скрывать, что по мере освобождения «угнетенных народов» от капиталистического рабства они тут же должны будут присоединиться к СССР как к «отечеству мирового пролетариата и трудящихся всего мира». «СССР — это ныне прообраз будущих социалистических штатов всего мира, где не будет угнетения, как экономического, так и национального», — говорилось в обращении Ис-

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 607.

² Там же. С. 494.

полнительного комитета Коммунистического Интернационала по случаю 10-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Заканчивается же оно следующими словами: «Да здравствует восстание трудящихся во всем мире!»¹ «Два класса столкнулись в смертельном бою. Наш лозунг — Всемирный Советский Союз!» — распевала комсомольская молодежь того времени². «Всякая страна, совершившая социалистическую революцию, входит в СССР»³, — отмечала в связи с этим Малая советская энциклопедия (1930).

Нацеленность Советского государства на всемирную революцию неизбежно вызывала критическое отношение к истории в те годы. Однако опыт человечества свидетельствует, что историческая память и осознание сопричастности к деяниям предков — необходимое условие жизнестойкости и выживания народов. Лишить народ исторической памяти, национального самосознания, значит уничтожить или победить его. И большевики должны были признать это. «Восемь-девять лет тому назад, — писал в 1927 г. М.Н. Покровский, — история была почти совершенно изгнана из нашей школы — явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и

¹ Правда. 6—7 ноября 1927 г. С. 1.

² Вдовин А. Русские в XX веке. Факты, события, свидетельства. М., 2004. С. 26.

³ Вольфсон М. Патриотизм // Малая советская энциклопедия. Изд. 1-е. М., 1930. Т. 6. С. 356.

подростков занимали исключительно современностью...»¹

Далеко не лучшим образом обстояли дела и с преподаванием истории в высшей школе, причем и здесь во многом был виноват все тот же М.Н. Покровский. «Когда в наших вузах леваки стали снимать лекционные курсы и заменять их только практическими занятиями, Покровский приветствовал это и провел через ГУС учебные планы вузов, построенные на этом принципе (Дальтон-план и пресловутый бригадно-лабораторный метод. — *Б.В.*), и лишь в 1926 году отошел от этой позиции»², — констатировал в этой связи А.В. Фохт.

Покровский написал и учебник по истории, одобренный властями. «Сейчас трудно найти человека, — отмечал в 1924 г. Н.Л. Рубинштейн, — который, интересуясь историей, не читал бы работ М.Н. Покровского. Мало кто заглядывает в Ключевского, а учащиеся и вовсе не знают о недоброй памяти учебнике Платонова»³.

Итак, на смену «недоброй памяти» учебнику С.Ф. Платонова и учебникам других буржуазных

¹ *Покровский М.Н.* Предисловие к сборнику статей «Русская историческая литература в классовом освещении» (Т. 1. М., 1927) // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 1. С. 120.

² *Фохт А.В.* Ошибки М.Н. Покровского в вопросах преподавания истории // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского; Сб. ст. / Под ред. А. Сидорова. М., Л., 1940. Ч. 2. С. 500, 505—506.

³ *Рубинштейн Н.Л.* М.Н. Покровский — историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10—11. С. 189.

авторов пришла марксистская «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского. Написана она под тем углом зрения, что история есть нечто иное, чем политика, опрокинутая в прошлое. Правда, на публичное оглашение этого сомнительного тезиса М.Н. Покровский решился только в 1928 году, когда в связи с общей оценкой трудов дореволюционной буржуазной историографии взял да и заявил, что «история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»¹. И хотя, строго говоря, слова эти сказаны в адрес буржуазных историков, настойчивые призывы как самого М.Н. Покровского, так и его учеников к более тесной увязке тематики исторических исследований со злобой дня, задачами социалистического строительства и борьбой на идеологическом фронте СССР не оставляли на этот счет никаких сомнений.

В основу своего курса М.Н. Покровский положил тезис об особой роли в истории торгового капитала. Именно он, по его мнению, собственно, и являлся подлинным руководителем и организатором всего русского исторического процесса. Романовскую монархию М.Н. Покровский всецело связывал с торговым капиталом, якобы одержавшим при поддержке «помещиков-крепостников» убедительную победу в гражданской

¹ Вестник Коммунистической Академии. 1928. Т. XXVII. С. 5—6.

войне в начале XVII в. (Смута). В XVIII веке наряду с торговым капиталом растет и крепнет капитал промышленный, противоречиями между которыми и объяснял М.Н. Покровский русскую историю XVIII — начала XX вв., используя в качестве своеобразного ключа к пониманию событий этого времени динамику хлебных цен в России и реакцию на них торгового капитала.

Однако самый большой грех учебника М.Н. Покровского — это все же не ошибочная концепция, а его обличительный характер. М.Н. Покровский не ограничивается простым освещением русской истории с точки зрения экономики и классовой борьбы. Нет, он ее еще и обличает, «вскрывая в ней действие своекорыстных интересов, классовый смысл в идеях, политике, положении групп населения и отдельных личностей»¹. М.Н. Покровский заявляет, что патриотизм и национализм для него — равнозначные понятия, и как интернационалист недвусмысленно дистанцируется от них, заключив в кавычки слова «русские» и «Русское государство».

Усердие революционных хулителей России было так велико, что еще в середине 1920-х гг. они готовы были объявить наш народ родоначальником русского фашизма, «который, оказывается, больше чем на десятилетие старше ев-

¹ Дубровский А.М. А.А. Жданов в работе над школьным учебником истории // Отечественная культура и историческая наука, XVIII — XX вв.: Сб. ст. Брянск, 1996. С. 129.

ропейского»¹. «Все, что было в русской жизни темного, некультурного, вся на- кипь тяжелой и мучительной русской истории — все это цепко держалось за царизм. Звериный национализм и зверская церковность, кулачские и сословные вождедения — все это тянулось к «подножию трона» и там искало опоры и защиты от неотвратимого хода истории, от неотвратимых веяний времени, от развала изжившего себя социально-политического строя. Все это создавало русский фашизм или черносотенство»².

Естественно, что искать русских фашистов при столь широком определении этого понятия долго не пришлось. Ими у него буквально кише- ла русская земля. «Русский фашизм, представ- ленный в Думе, — отмечал С.Б. Любош, — край- ними партиями и националистами, представлял удивительную смесь. С одной стороны, оплотом этого фашизма было «Объединенное дворянст- во», главные представители которого заседали, впрочем, не здесь, а в Государственном совете, составляя там правое крыло... С другой стороны, «Союз русского народа» проявлял демагогиче- ские наклонности, стараясь привлечь к себе тем- ные народные массы, рабочих, железнодорож- ных служащих и городскую голытьбу. Большую роль в этих фашистских организациях играло православное духовенство».

¹ Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925. С. 29.

² Любош С.Б. Последние Романовы. С. 239.

Николай II, негодует С.Б. Любош, «открыто носил на своем мундире почетный знак Союза русского народа, отличие погромщиков и наемных убийц»¹. Этого ему, конечно, С.Б. Любош и его единомышленники простить не могли. «Царь Николай II был одним из самых некультурных русских людей... Только в самых заброшенных углах России, где еще не вымерли герои «темного царства», можно было встретить такую жалкую отсталость»².

Все, что было в России отжившего, «все обреченное, разлагавшееся, отсталое и бессильно злобное в своем чувстве обреченности — все это чувствовало в последнем обреченном царе свое близкое, родное. Не было такого отпетого прощелыги из союзной чайной, не было такого убожества, обозленного за свою никчемность, который не чувствовал бы в последнем царе родственную душу»³, — заключал он. Особую ненависть у интернационалистов вызывали царские генералы — «усмирители» Польши и Кавказа, «завоеватели» Средней Азии. Характеристика генерала А.П. Ермолова как «яркого представителя колониальной политики России», «залившего кровью кавказских народов значительную часть Кавказа»⁴, может считаться типичной для этого времени.

«Я разучил по книгам сейчас, Россия, историю злую твою!» — так реагировал на эти откоро-

¹ Любош С.Б. Последние Романовы. С. 240.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 240.

⁴ Ермолов А.П. // МСЭ. Изд. 1-е. Т. 3. М., 1930. С. 101.

веня М.Н. Покровского и его школы комсомольский поэт той поры Джек (Яков) Алтаузен¹ и ничтоже сумняшеся предлагал немедленно «расплавить Минина»:

«Я предлагаю Минина расплавить.
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить.
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Им это было бы под статью.
Подумаешь, они спасли Расею.
А может, лучше было б не спасать?»²

И Джека Алтаузена можно понять. Ведь история, которой пичкала учащихся и студентов Страны Советов школа М.Н. Покровского, это действительно была «злая история», предназначение которой, в отличие от истории «буржуазной», прививавшей любовь к Родине, как раз и состояло в том, чтобы внушить учащимся негативное восприятие исторического прошлого дореволюционной России: «для того, чтобы ненавидеть их, надо знать, как жили они!»³

Таково было отношение в те годы новой власти и ее интеллигентской obsługi к истории своей страны...

В те же годы выходит в свет сборник «Русская историческая литература в классовом освеще-

¹ Алтаузен Джек. Безусый энтузиаст // Октябрь. 1929. Кн. 1. С. 57.

² Алтаузен Джек. Вступление к поэме // 30 дней. Иллюстрированный ежемесячник. 1930. № 8. С. 68.

³ Алтаузен Джек. Безусый энтузиаст // Октябрь. 1929. Кн. 1. С. 57.

нии» под редакцией М.Н. Покровского, где новоиспеченные историки-марксисты дают уже самый настоящий бой «шовинистическому свинству» знаменитых русских историков: К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. С.М. Соловьев, утверждал здесь З. Лозинский, смотрел на процесс образования Русского государства «глазами националиста-великорусса. Он отрицает сколько-нибудь значительное влияние других народностей, кроме великоруссов, на ход русской истории, утверждая, что на Восточной равнине не наблюдалось даже развитого провинциализма»¹.

И содержание сборника, и кавычки при слове «русская» история ясно указывают на то, что русскому народу его авторы отказывали в праве на свою национальную историю. О том, как крайне неблагоприятно складывались для русского этноса идеологические установки правящей верхушки, свидетельствует характерный для того времени эпизод. Выступая на состоявшемся в 1927 году Всероссийском съезде краеведов, московский историк С.В. Бахрушин в духе времени призвал своих коллег энергичнее собирать сведения о быте и культуре народов разных национальностей Советского Союза, «забыв» в то же время упомянуть среди них о самой крупной народности — русской.

«Все это хорошо, — возразил С.В. Бахрушину

¹ Лозинский З. Историк великодержавной России С.М. Соловьев // Русская историческая литература в классическом освещении. М., 1927. Т. 1. С. 243.

саратовский профессор С.Н. Чернов, — и очень нужно. Но не следует среди разных национальностей нашего Союза забывать еще одну национальность — русскую. Нужно предоставить и ей право позаботиться о фиксации исчезающих явлений быта, а также выходящих из употребления вещей. Почему слово «русский» почти исчезло теперь из употребления?» — вопрошал С.Н. Чернов и получил в ответ от своих более «понятливых» коллег упреки в «великодержавной вылазке».

Неудивительно, что по обвинению в русском шовинизме в январе 1929 года С.Н. Чернов был уволен из Саратовского университета¹. Вся вина профессора состояла в том, что, оказывается, на своих лекциях он с нескрываемой симпатией говорил о Дмитрии Донском и русской победе на Куликовом поле²...

7 сентября 1930 г. известный в то время пролетарский поэт Демьян Бедный опубликовал в «Правде» свой очередной поэтический фельетон под названием «Слезай с печки!», полный нескрываемого презрения к русскому народу, его менталитету, национальному характеру, истории и культуре.

«Сладкий храп и слюнищи возжею с губы,
В нем столько похабства!
Кто сказал, будто мы не рабы?
Да у нас еще столько этого рабства...

¹ Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. 1993. № 4. С. 136.

² Кобрин В. Кому ты опасен, историк? С. 147.

Чем не хвастались мы?
Даже грядущей килой,
Ничего, что в истории русской гнилой,
Бесконечные рюхи, сплошные провалы.

А на нас посмотри:
На весь свет самохвалы,
Чудо-богатыри.

Похвальба пустозвонная,
Есть черта наша русская — исконная,
Мы рубили сплеча,
Мы на все назывались.

Мы хватались за все сгоряча,
Сгоряча надрывались,
И крихтели потом на печи: нас — «не учи!»,
Мы сами с усами!..

Страна неоглядно великая,
Разоренная рабски-ленивая, дикая,
В хвосте у культурных Америк, Европ,
Гроб.

Рабский труд — и грабительское дармоедство,
Лень была для народа защитное средство,
Лень с нищетой, нищета с мотовством,
Мотовство с хватовством.

Неуменье держать соседства,
Рабский труд
Развратила господская плеть,
Вот какое наследство надо нам одолеть»¹.

Дело тут совсем не в том, насколько справедливы традиционные обвинения русских в якобы присущей им лени и рабской психологии, а в том, что прозвучали они не из уст иностранца и не со страниц записок какого-нибудь заезжего

¹ *Бедный Демьян. Слезай с печки // Правда. 6 сентября 1930 г. С. 5.*

руссофоба, а в самой России, или, вернее, уже СССР, со страниц центрального органа правящей партии, что было, разумеется, недопустимо. Можно, конечно, презирать свой народ, но чтобы публично афишировать — этого позволить себе не могли, казалось бы, даже большевики. Тем не менее позволили, и никто из партийных идеологов того времени не заметил прокола «Правды» и не возмущился. Скорее наоборот. Стихотворения-фельетоны Д. Бедного нашли полную поддержку у Л.З. Мехлиса, Е.М. Ярославского (Губельмана) и редактора «Правды» М.А. Савельева¹.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что за поруганную интернационалистом Демьяном Бедным честь русского народа вступился грузин. Речь идет, конечно же, об И.В. Сталине. Однако до этого Демьян Бедный успел опубликовать все в той же «Правде» еще один свой опус под весьма красноречивым названием «Без пощады», в котором призвал трудящихся к борьбе не только против явных врагов Советской власти, но и врагов, так сказать, тайных в лице «подлецов и лжецов-патриотов» начиная «от Гомера, философа Платона и историка Карамзина до вредителя Рамзина». Объявить людей, любящих свое Отечество и готовых ради него не только пожертвовать своим благополучием, но и отдать за него в случае необходимости свою жизнь,

¹ Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938. Документы. Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 91.

подлецами — это было, конечно, говоря современным языком, круто. Но это, как говорится, еще не все.

Мы уже знаем, каким злобным нападкам подвергался со стороны интернационалистов в конце 1920-х — начале 1930-х гг. памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади в Москве как символ возрождения и величия так ненавистного им русского духа. Но Демьян Бедный в этом отношении превзошел, кажется, всех.

«...Нет Минина, «жертва» была не напрасной,
Купец заслужил на бессмертье патент,
И маячит доселе на площади Красной,
Самый подлый, какой может быть, монумент!

.....
Крепкий Минин стоит раскорякой,
Перед дворянским кривлякой,
Голоштаным воякой,
Подряжая вояку на роль палача.

И всем видом своим оголтело крича:
— В поход, князь! На Кремль! Перед нами добыча!
Кричит с пятернею одной у меча, а другой пятернею тыча,
На гранитный надгробный шатер Ильича!!!»

Этого Демьян Бедный терпеть, конечно же, не хотел, а поэтому взял да и предложил ничтоже сумняшеся «взорвать динамитом» так ненавистный ему и его единомышленникам памятник русской славы: слишком уж больно было ему наблюдать, как

«На краски октябрьского чудо-парада,
Ухмыляясь бронзовым взором глядят,
Исторически два казнокрада,
Никакой тут особенно нет новизны,

Патриоты извечно по части казны,
Неблагополучны.

Патриотизм с воровством нераз-
лучны,
Разберись ныне, кто вороват
Сам Димитрий Пожарский,
Или Димитрия брат!»¹

Желая как можно сильнее уязвить националь-
ное чувство русских, Демьян Бедный в свойствен-
ной для него нагло-хамской манере завел
речь о том, что более естественным с историче-
ской точки зрения было бы, если бы на Красной
площади стоял памятник не Минину и Пожарско-
му, а... крымскому еврею Хозе Кокосу, который
помог Ивану III в свержении ордынского ига:

«При помощи чьей махинации,
Завербован в союзники Менгли-Гирей,
Кто помог предку будущих русских царей?
Кто, рискуя, пускался на все комбинации?

Ради дела далекой придавленной нации?
Хозя Кокос! Крымчак! И к тому же еврей!
Да на памятник в честь торжества над Ахматом
Был бы кафский еврей кандидатом», —

резюмировал поэт².

Это было уж слишком — и разразился скан-
дал! 6 декабря 1930 г. фельетоны Д. Бедного
срочно были обсуждены на заседании Секрета-
риата ЦК ВКП(б). В специальном постановлении
по поводу этих позорных публикаций говори-
лось: «ЦК обращает внимание редакции «Прав-

¹ Бедный Д. Без пощады // Правда. 5 декабря 1930 г. С. 3.

² Там же.

ды» и «Известий», что за последнее время в фельетонах тов. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании «России» и «русского» (стихотворения «Слезай с печки», «Без пощады») и объявлении «лени» и «сидения на печке» чуть ни национальной чертой русских («Слезай с печки»).

Перетрусивший поэт 8 декабря 1930 г. пишет письмо И.В. Сталину, в котором он уверял вождя, что все написанное им соответствует линии ЦК. Создается впечатление, что он, видимо, действительно не очень хорошо разбирался в политике партии. В своем ответе от 12 декабря 1930 г. И.В. Сталин со свойственной ему грубоватой прямоотой разъяснил поэту, в чем заключается его ошибка. Существует, заявил вождь, «новая (совсем «новая» троцкистская «теория»), которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь... Видимо, эту «теорию» пытаетесь и вы теперь применять к политике ЦК ВКП(б) в отношении крупных русских поэтов... Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию... Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю... Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительную историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме

России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердце русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способной двигать горами, способной творить чудеса»¹.

Очевидно, продолжал далее И.В. Сталин, разъясняя поэту позицию ЦК ВКП(б), что, «проделав Октябрьскую революцию», русские рабочие «конечно, не перестали быть русскими», и, следовательно, обвинять русских в лени, а прошлое России объявлять «сосудом мерзости и запустения» есть не большевистская критика, а самая что ни на есть «клевета на русский народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата»².

Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1930 г. было одним из первых сигналов того, что положение И.В. Сталина в руководстве страной укрепилось и безудержному поношению космополитами-интернационалистами всего русского скоро будет положен конец. Однако услышан этот сигнал был не сразу и далеко не всеми. Пока же тон в стране во всем, что касалось исторической науки и идеологии, по-преж-

¹ Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938. Документы. Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 91.

² Там же.

нему задавали квазиинтернационалисты, ориентированные на мировую революцию.

Как ни странно, эти квазиинтернационалисты и пламенные революционеры, яростно критикуя «буржуазную» либеральную русскую историографию, во многом переняли от нее свой антигосударственный пафос. От так называемой освободительной историографии, в частности дореволюционной кадетской, унаследовала школа М.Н. Покровского и характерную для нее неприязнь ко всему русскому, национальному, что, конечно же, не было случайностью. «Вы готовы, — с горечью замечал в связи с этим, обращаясь к либеральной братии, Н.А. Бердяев, — были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности»¹. В сущности, так оно и было.

«Школа Покровского, — заявил в 1944 г. на совещании историков в ЦК ВКП(б) директор Института истории академик Б.Д. Греков, — своими оценками грозила морально разоружить народ. А разве не занимались тем же и до школы Покровского? Конечно, на иной лад и манер. Долго уже на палитре историков лежат только две крас-

¹ Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М., 1990. С. 91.

ки — белая и черная, которыми историки пользуются весьма усердно. А между тем жизнь многокрасочна. Партия давно призывает историков покончить с «покровщиной», суть которой не только в самом Покровском и его «школе», а и в его предшественниках»¹. Нельзя не согласиться с Б.Д. Грековым. Нигилизм советских да и постсоветских историков в отношении дореволюционного прошлого своей страны имеет, конечно же, куда более глубокие корни, нежели «ошибки» М.Н. Покровского и его учеников.

На кого прозрачно намекал в своем выступлении академик Б.Д. Греков, мы, таким образом, уже знаем. Что же касается определения царской России как «тюрьмы народов», приписываемого обычно В.И. Ленину, то стоит заметить, что оно было в большом ходу не только у марксистов, но и у злейших врагов большевизма — кадетов. Это же относится и к столь популярной для школы М.Н. Покровского теме исторической вины русских перед другими народами Российской империи. «Еще в досоветское время, — пишет в связи с этим отечественный историк Генрих Иоффе, перебравшийся в 1990-е годы в Канаду, — идея «вины России» (тюрьма народов) перед инородцами, но, пожалуй, прежде всего перед евреями, подпитывалась идеологически-

¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) 1944 г. Заседание 10 июня. Выступление Б.Д. Грекова // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 90.

ми и политическими интересами антицаристских (в России) и антицаристских вперемежку вместе с антироссийскими (на Западе) сил»¹.

Вот, оказывается, какие глубокие корни имеют истерические крики ряда представителей радикально настроенной сегодняшней российской интеллигенции об угрозе русского фашизма, их настойчивые призывы к покаянию русских перед другими народами как собственно в самой России, так и на всем пространстве бывшего СССР!

2. НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НАУКИ: С.Ф. ПЛАТОНОВ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Урон, нанесенный исторической науке в 1920-е годы школой М.Н. Покровского, мог бы быть куда большим, если бы не активное противостояние ей со стороны так называемой старой профессуры, продолжавшей на первых порах играть видную роль на университетских кафедрах и в Академии наук и после 1917 года. Естественным центром, или скорее символом, этого притяжения суждено было стать в 1920-е годы русскому историку академику Сергею Федоровичу Платонову².

¹ *Иоффе Г.* Рецензия на: А.И. Солженицын. Двести лет вместе. Кн. 2. М., 2002 // Новый журнал. Нью-Йорк, 2003. Кн. 231. С. 309.

² *Брачев В.С.* Крестный путь русского ученого. Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005.

Родился он 16(28) июня 1860 года в городе Чернигове в семье типографского служащего. В 1869 году семья переехала в Петербург. После окончания в 1882 году историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов был оставлен профессором К.Н. Бестужевым-Рюминым при университете для подготовки к профессорскому званию. Крупнейшими вехами творческой биографии С.Ф. Платонова стали его магистерская («Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник») (1888) и докторская («Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI — XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время») (1899) диссертации.

Особенно важное значение в этом плане имела докторская диссертация С.Ф. Платонова, сразу же поставившая его в ряд с наиболее выдающимися русскими историками: В.О. Ключевским, Д.И. Иловайским, М.А. Дьяконовым, А.С. Лаппо-Данилевским. Возглавив в 1890 году, после Е.Е. Замысловского, кафедру русской истории Санкт-Петербургского университета, С.Ф. Платонов воспитал на ней целую когорту первоклассных историков: А.Е. Преснякова, С.В. Рождественского, С.Н. Чернова, Б.А. Романова, П.Г. Любомирова, А.И. Заозерского.

Нельзя не сказать и о напряженной административной деятельности С.Ф. Платонова в дореволюционные годы в качестве декана историко-филологического факультета (1900—1905)

Санкт-Петербургского университета и директора Женского педагогического института в 1903—1916 гг. Впрочем, к 1917 году С.Ф. Платонов во многом уже отошел от дел, сохранив за собой минимум часов в университете, и лишь Октябрь 1917 года с его общественными катаклизмами заставил чуть было уже не ушедшего на покой ученого снова встать в ряды, говоря его словами, «повседневных работников»¹.

Грозная опасность, нависшая в связи с революционными событиями 1917 г. над архивными и культурными ценностями, побудила С.Ф. Платонова не только вернуться к активной административной деятельности, но и подвигла его на, в общем-то, неординарный шаг: в мае 1917 г. он неожиданно вступает в Лигу русской культуры П.Б. Струве².

По замыслу ее организаторов, Лига должна была объединить вокруг себя «все общественные слои, дорожающие традициями русской духовной культуры» и в «противовес разлагающему влиянию антипатриотических и интернационалистических идей» сыграть роль оплота национального возрождения. Сам П.Б. Струве шутя говорил, что Лига русской культуры есть в иностранных словах выраженное понятие «Союза русского народа». «В этой шутке, — отмечал С.Л. Франк, —

¹ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 281.

² Лига русской культуры. Пг., 1917. С. 4—5.

содержалась горькая мысль, что в старой России патриотизм и национальное сознание стали монополией демагогических реакционных кругов — тогда как сами носители русской культуры и освободительных идей его чуждались»¹.

«Русской культуре, — отмечал в июне 1917 г. В. Шульгин, — грозит в настоящее время серьезная опасность. Ненависть ко всему, что связано с прошлым, в революционное время сильна. Ведь сейчас люди, которые желают выслужиться перед толпой, поносят не только вчерашних владык, они поносят всю русскую историю»².

«Вещи, — вторит ему П.Б. Струве, — следует безбоязненно называть своими именами: мы переживаем неслыханный в мировой истории кризис идеи науки и государства, и место, где разыгрывается эта бесовская трагедия национально-государственного отступничества, — есть душа русского народа». В результате «тяжелых испытаний», выпавших на его долю «в наши дни», в «широких народных массах оказался утраченным тот здоровый патриотический инстинкт, без которого невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства»³.

Несомненно, что присущее инициатору Лиги

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 116.

² Лига русской культуры. Пг., 1917. С. 9.

³ Там же. С. 7.

критическое мировоззрение, основывающееся «не на каких-то партийных принципах, но только на заботе о конкретной судьбе России...»¹ и присущий П.Б. Струве «либеральный консерватизм», в результате чего он «одинаково ценил» и «свободу человеческой личности и мощь организованного в государство народа»², импонировали С.Ф. Платонову и были созвучны его собственному мировоззрению историка-государственника, прямо писавшего в 1918 г. о «мраке нашей современности» и ужасах «того распада, который сводит на нет плоды векового народного труда»³.

В пореформенный период, благодаря широкому распространению образования в народе, интеллигенция теряет свой исключительно дворянский характер. В условиях сознательного отстранения ее от общественных и государственных дел русская интеллигенция, отмечал он, «привыкла к осуждению правительственных порядков и взглядов и, следуя космополитическим убеждениям западников, стала переносить свое отрицание современной политической системы на особенности русской жизни вообще. Отсюда было уже недалеко до утраты того горячего патриотического чувства, которым была богата и

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 221.

² Полторацкий Н.П. П.Б. Струве как политический мыслитель. Лондон; Торонто: Заря, 1981. С. 54.

³ Ежемесячный журнал. 1918. № 2—3. С. 208.

сильна старая Русь и которым сравнительно стали бедны ближайшие к нам поколения интеллигенции»¹.

«В период Февральской революции и Временного правительства, — показывал С.Ф. Платонов на допросе от 31 января 1930 г., — стало совершенно для меня, Дружинина, Чечулина (историк — умер) и других ясно, что слова Дурново из его записки: «Раз началась революция, дойдет до торжества крайних партий», сбываются. Такая точка зрения была и среди других ученых кругов. Неспособность к твердой власти Временного правительства, общее положение страны — наличие фронтов, демократизация (фактическая) армии и проблема социальной революции при полной неподготовленности нашей страны — вопросы ставит прямо и конкретно. Все мы, т.е. я и мои единомышленники, считали необходимостью конституционного строя во главе с твердой властью, которая одна только и может спасти страну...»² «Народную бурю, — считал С.Ф. Платонов, — надобно выдерживать, как выдерживают здоровые листья на крепком стебле» (письмо С.Д. Шереметеву от 21 августа 1917 г.)³.

Важно подчеркнуть, что на государственно-патриотических позициях стоял в это время не

¹ Платонов С.Ф. Учебник. Курс русской истории. СПб., 1910. Ч. 2. С. 201.

² Академическое дело, 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 43.

³ С.Ф. Платонов. Переписка с историками в 2 томах. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова (1883—1930). М., 2003. С. 230.

один только С.Ф. Платонов, но и большинство университетских русских историков. «Считаю, — отмечал в своем письме к нему М.К. Любавский, — что все происходящее есть кара Божия нашей буржуазии и интеллигенции. Буржуазии за то, что временем войны воспользовалась для наживы, и интеллигенции — за ее легкомыслие, с которым она расшатывала институт монархии, смешав его с личностью монарха. Думаю, что и народу придется расплачиваться за то, что остался таким бессильным, каким был в XVII веке, с тою же небогобоязненною натурою, о которой говорит Котошихин»¹.

Участие С.Ф. Платонова в «Лиге русской культуры», пусть даже символическое, важно еще и в том смысле, что оно выявляет глубинную сущность не только исторических общественно-политических взглядов С.Ф. Платонова, но и мотивы «соглашательства» этого «монархиста» с большевиками в первые послереволюционные годы — ярко выраженный патриотизм и государственность. Характерно в этом плане выступление С.Ф. Платонова, относящееся к началу 1919 г., на одном из собраний «Кружка молодых историков» в университете. По словам присутствовавшего на собрании Ю.Г. Оксмана, выступление профессора свелось к тому, что «Февральскую и Октябрьскую революции нужно рассматривать как крушение России с ее культурой и вообще великорусской национальности»².

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. № 3434. Л. 11а.

² Архив ФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Т. 5. Л. 18.

Не судьбой романовской династии, а судьбой России были озабочены наши историки-государственники в февральско-октябрьские дни 1917 года. «Революция, — пояснял свою мысль М.М. Богословский, — плохой порядок, но все же порядок, сменила беспорядком и потому может быть для нас гибельна»¹.

«Пессимист и я. Не пугают меня теоретические кликуши, пугает «стихия», некультурная и слепо-злая и эгоистичная. Очень она стала заметна... Ну, да что же можно делать нашему брату, кабинетному ученому в настоящую минуту? Только ждать», — отмечал в апреле 1917 года С.Ф. Платонов в письме к С.Б. Веселовскому².

Однако продолжался этот выжидательный период недолго. Развал государства и реальная опасность, нависшая в связи с этим над русской культурой и самим существованием единого русского народа, — вот что подвигло С.Ф. Платонова, забыв о своем духовном завещании и уже загодя приобретенном участке на Миусском кладбище, вновь встать после Октябрьской революции 1917 года «в ряды повседневных работников»³.

¹ Черепнин Л.В. Академик Михаил Михайлович Богословский // Исторические записки Т. 93. М., 1974. С. 246—247.

² С.Ф. Платонов — С.Б. Веселовскому. 12 апреля 1917 года // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 189.

³ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 281.

Как и для большинства его коллег, сама эта революция оказалась полной неожиданностью для С.Ф. Платонова. Дело в том, что Россия, по его мнению, была совершенно не подготовлена к «социальной революции» ни с какой точки зрения. Отсюда вывод ученого о случайном характере «Октябрьского переворота», победа которого объясняется им «общей в то время русской действительностью, войной и различного рода кризисами»¹.

Так продолжалось около полугода, пока известный большевик Д.Б. Рязанов не привлек Платонова вместе с другими архивистами и историками к работе над организацией Главархива. Беседы с ним по разным вопросам той политической минуты внесли некоторую ясность в понимание С.Ф. Платоновым происходивших событий.

Впрочем, ясность эта была не полная и в целом период «недоуменного, но горячего осуждения коммунистического режима» продолжался до 1920 года, когда он окончательно втянулся в правильную работу по управлению Петроградским отделом Главархива и стал «сотрудничать» в других советских учреждениях, одним словом, превратился в «участника общей работы»². Хронологически период окончания «горячего осуждения» С.Ф. Платоновым «коммунистического режима» совпадает с окончанием Гражданской

¹ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка. С. 33.

² Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 199.

войны, и тут его, казалось бы, можно понять: сама жизнь заставила профессора превратиться в «участника общей работы» с коммунистами.

Но представляется, что это было бы слишком поверхностное суждение о мотивах примиренческой позиции С.Ф. Платонова к большевистской революции. Корни ее значительно глубже и связаны с общеисторическими взглядами С.Ф. Платонова и его круга. На большевиков и их политику С.Ф. Платонов смотрел, прежде всего, как историк-государственник, видевший в них реальную силу, способную навести порядок в измученной войной и революцией стране. Показателен в этом отношении его разговор с сослуживцем по Центрархиву А. Изюмовым. «Это было, по-видимому, в самом начале 1920 г., — вспоминал Изюмов, — мы вместе вышли из Архивного управления в Ваганьковском переулке. С.Ф. Платонов сам начал говорить о том, что он не возлагает никаких надежд на Белое движение — «кто в лес, кто по дрова, а здесь централизованность и полное единомыслие»¹. А где «централизованность» и «единомыслие», там и сила, без которой, конечно, ни о каком «государственном порядке» и умиротворении общества не может быть и речи. С.Ф. Платонов не только это понимал, но и умел ценить.

¹ Изюмов А. С.Ф. Платонов. Случайные встречи // Гуверовский институт при Стэнфордском университете (США). Архив. Коллекция Б.И. Николаевского. № 776-8. № 7.

Твердая, устойчивая власть, государственный порядок — вот что привлекало С.Ф. Платонова в большевизме. «Общий ход жизни, — отмечал он, — поддерживал мое «примиренчество», вопросы питания и вообще снабжения теряли свою остроту, террористические выпады власти прекратились, и мне казалось, что гражданский строй получил устойчивые и мирные формы... Являлась надежда на то, что страна постепенно изживает переходный период смуты». Практическая же работа С.Ф. Платонова с новой властью еще более убедила его в том, что «новый порядок есть действительно порядок. В нем многое может не нравиться, но его нельзя не признавать, поскольку он охватывает те стороны жизни, которые имеют значение не классовое или партийное, а общенародное, поскольку для него надо работать не за страх, а за совесть»¹.

2 апреля 1918 г. в Петрограде был образован Центральный комитет по управлению архивами, преобразованный 1 июня 1918 г. в Главное управление архивным делом (ГУАД) во главе с представителем Наркомпроса РСФСР Д.Б. Рязановым. Правой рукой Д.Б. Рязанова — его заместителем — стал С.Ф. Платонов, возглавивший организованное 1 июня 1918 г. Петроградское отделение Главархива².

В этом же году С.Ф. Платонов становится ди-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 200.

² РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 127. Л. 1об.

ректором Археологического института (1918—1923), а 31 декабря 1918 г., после смерти графа С.Д. Шереметева, коллеги избирают С.Ф. Платонова председателем Археографической комиссии.

Из других обязанностей общественного порядка, которые взвалил на себя в эти годы С.Ф. Платонов, можно отметить его председательство в созданной в 1919 году по инициативе Г.Я. Красного и И.А. Блинова Комиссии при наркомпросе РСФСР по изучению и изданию документов судебных процессов XIX века в России по обвинению еврейских сектантов в ритуальных убийствах. С самого начала еврейская часть комиссии (С.М. Дубнов, Л.Я. Штернберг, Г.Б. Слиозберг, вскоре его сменил С.Г. Лозинский) стала рассматривать предполагаемую публикацию как свое, чисто еврейское дело, с прицелом создать в дальнейшем на ее основе крупный еврейский исследовательский центр¹. Отсюда ряд недоразумений и несогласий между русской (С.Ф. Платонов, И.А. Блинов, В.Г. Дружинин, Л.П. Карсавин) и еврейской частью Комиссии. В разгоревшейся в связи с этим дискуссии между ними С.Ф. Платонов настаивал на том, чтобы передавать публикуемые документы буква в букву, ибо нельзя, отмечал он, забывать, что «следует соблюдать полную объективность в вопросах племенных. Публикуемые документы могут вызвать

¹ Бухерт В.Г. Из воспоминаний современников о С.Ф. Платонове // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 302.

остроту племенных разногласий. Надо считаться с тем, что будущие читатели — будет ли это, например, Замысловский или изувер-еврей — все равно могут сказать, что комиссия произвольно исправляет текст»¹.

Однако поддержки у еврейской части комиссии точка зрения С.Ф. Платонова не нашла. «Прения интересные, — отмечал в своем дневнике за 17 апреля 1920 года С.М. Дубнов. — Русские члены несомненно верят отчасти в ритуальную легенду, но тщательно скрывают это. Однако и профессор Платонов проговорился о возможности существования тайной секты, совсем в духе Костомарова (Николай Иванович, выдающийся историк. — *Б.В.*). После долгих трудов удалось выработать модус совместной редакции. Был принят выдвинутый мною принцип: историческая наука не признает ритуальной лжи, а так как наше издание научное, мы должны исходить из этой предпосылки. Скрепя сердце, Блинов и Платонов пошли на уступку»².

Как видим, очевидная для русских членов комиссии установка на нерешенность вопроса о самой возможности существования ритуальных

¹ Кельнер В.Е. Дубнов, Платонов и другие. Комиссия для научного издания документов ритуальных процессов в России 1919—1920 гг. // Кельнер В.Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX веков. СПб., 2003. С. 194.

² Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания. СПб., 1998. С. 444.

убийств у отдельных еврейских сектантов-изуверов сразу же была интерпретирована еврейским патриотом С.М. Дубновым как скрытый антисемитизм. Любопытен в этой связи его разговор с одним из уже известных нам русских членов Комиссии В.Г. Дружининым. «После заседания, — пишет он, — подходит ко мне Дружинин и говорит, что его друг, покойный барон Давид Гинцбург, сказал ему по поводу ритуального навета: «А кто его знает! Может быть, у евреев есть неизвестная изуверская секта, совершающая ритуальные убийства». — «Я был поражен», — комментирует заявление В.Г. Дружинина С.М. Дубнов¹.

Ничего необычного в размежевании русской и еврейской части комиссии не было. «Какая-то часть еврейства, — пронизательно отмечал в 1921 году П.Б. Струве, — не может не рассматривать русскую историю иначе как под углом зрения еврейских погромов»².

Как бы то ни было, свою часть введения (другую часть должен был писать С.М. Дубнов) к практически уже подготовленному Комиссией к печати первому тому документов так называемого Гродненского ритуального дела 1816 года С.Ф. Платонов так и не написал, и опубликован он так и не был. Как полагает уже современный еврейский историк Савелий Дудаков, «возможно», что и в этом «отчасти был виноват С.Ф. Пла-

¹ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания. С. 452.

² Русская революция и евреи. М., 1999. С. 285.

тонов»¹, вновь намекая тем самым на некие антисемитские предрассудки выдающегося русского ученого. В декабре 1920 года Комиссия была закрыта.

В эти годы не прерывалась преподавательская деятельность С.Ф. Платонова в университете и Педагогическом институте. Угроза разрыва научной традиции, общего упадка русской науки, если в результате революции «несколько молодых поколений пройдут, не получив научных интересов и не приобретя навыков научной работы», — вот что, по словам одного из близких друзей С.Ф. Платонова в 1920-е гг. — М.М. Богословского — волновало профессию в первые послереволюционные годы. Занятия научно-педагогической деятельностью в этих условиях он рассматривал как научный подвиг, свидетельство гражданского мужества и нравственной зрелости ученого»².

Важную роль в жизни С.Ф. Платонова сыграло избрание его в 1920 г. действительным членом Академии наук. Конечно же, избрание это могло состояться намного раньше, если бы не отрицательное отношение к его кандидатуре со стороны ряда влиятельных академиков кадетского толка, и в первую очередь А.С. Лаппо-Данилевского. «С течением времени, — отмечала

¹ Дудаков С. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX — XX веков. М., 1993. С. 40.

² Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921—1929). Нижний Новгород, 1992. С. 23 — 24.

1919 г. жена Сергея Федоровича Надежда Николаевна, — когда Академия наук превратилась всецело в гнездо партии конституционных демократов, да еще при нетерпимом отношении к Сергею Федоровичу со стороны Лаппо-Данилевского, произнести имя Сергея Федоровича в Академии наук было все равно, что показать быку красный платок. Теперь, когда Лаппо-Данилевского нет уже, Сергей Федорович имеет полное право сказать, что он никогда не делал никакого зла Лаппо-Данилевскому, а от него много зла видел»¹.

Даже если Н.Н. Платонова и сгустила краски, то не намного, и реальные шансы Сергея Федоровича попасть в Академию при жизни А.С. Лаппо-Данилевского были действительно равны нулю. Неожиданная смерть А.С. Лаппо-Данилевского 7 февраля 1919 г. не только устранила главное препятствие на пути избрания С.Ф. Платонова в Академию наук, но, учитывая сложное положение, в котором она оказалась после прихода к власти большевиков, даже делала его крайне желательным.

Процедура избрания в Академию, начавшаяся еще 3 апреля 1920 г., завершилась 2 августа. Именно в этот день, 2 августа 1920 г., учитывая большой вклад в развитие исторической науки, С.Ф. Платонова избирают в действительные члены Академии наук по ее II отделению (исторических

¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 85.

наук и филологии). «С избранием его в Академию наук, — писала Н.Н. Платонова своей дочери Вере 19 января (1 февраля) 1920 г., — у него появилось много нового дела и интересов, и он постепенно сокращает свои занятия в других местах: оставил директорство и чтение лекций в Археологическом институте, не читает это полугодие и в Педагогическом институте».

Свидетельством резко выросшего после 1917 г. влияния С.Ф. Платонова среди русских историков стало торжественное празднование ими 40-летнего юбилея его научно-педагогической деятельности, состоявшееся 12 июня 1922 г. в заседании русской секции научно-исследовательского института (университетский исторический семинарий)¹ и вышедший по этому же случаю в том же году «Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову». «У меня много литературной работы, — отмечал он в письме дочери В.С. Шамониной от 4 июня (22 мая) 1920 г., — и я даже не знаю, успею ли выполнить к сроку все данные обещания... Со смертью А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова мое положение стало новым: я — один из представителей (уже немногих) своего поколения и попадаю всюду в центр: надо отбиваться от массы предложений»².

¹ *Рождественский С.В. — Н.Д. Чечулину. 07.06.1922 г. // ОР РНБ. Ф. 838. Л. 3 об.*

² *Личный архив Т.Д. Федоровой.*

Говоря о сотрудничестве С.Ф. Платонова с советской властью в первые послереволюционные годы, нельзя не отметить и его работу в смешанной советско-польской комиссии по исполнению Рижского договора. Приглашен туда С.Ф. Платонов был в 1922 г. в качестве эксперта делегации по передаче Польше архивных и библиотечных фондов. Вскоре он становится уполномоченным делегации по передаче этих фондов в Ленинграде. Благодаря С.Ф. Платонову удалось отстоять ценнейшую коллекцию редких книг, вывезенных в свое время из Польши в эпоху ее разделов. «Они до сих пор благополучно пребывают у нас», — говорил он с довольным видом¹.

Из того, что напечатано С.Ф. Платоновым после октября 1917 г., только немногие его статьи и публикации документов представляли новое слово в науке, пусть даже в узких вопросах. Так получилось, что основные усилия ученого в эти годы оказались сосредоточенными на подготовке книг научно-популярного характера («Борис Годунов», «Иван Грозный», «Петр Великий», «Смутное время», «Москва и Запад в XVI—XVII вв.»), повторяющих выводы его прежних специальных работ, главным образом «Очерков по истории Смуты». Ничего принципиально нового в научном плане читателю они не давали.

Другое дело — общественно-политическое

¹ Ульянов Н.И. С.Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven Conn., 1979. С. 130.

звучание этих работ. В условиях полного краха старого государственного порядка, торжества новых хозяев жизни и внедрения новых общественных отношений уже само обращение ученого к опыту русской Смуты начала XVII века, с совсем другими героями и приведшей к совсем другим результатам, было прямо-таки обречено на поиски в его книгах некоего политического подтекста. Особенно преуспели в этом недоброжелатели С.Ф. Платонова из числа учеников М.Н. Покровского, после ареста ученого обнаружившие в его книгах целый букет тягчайших, с их точки зрения, «преступлений», начиная с проповеди монархизма и кончая пресловутыми «антисемитизмом», «черносотенством» и «великодержавным шовинизмом»¹. Один из наших историков (А.Н. Фукс), ознакомившись с этими обвинениями, назвал их «бредом»². Конечно, «националистом-черносотенцем» С.Ф. Платонов никогда не был...

В условиях, когда на наших глазах происходит разрушение государства, оправдываемое «интересами демократии», важно подчеркнуть, что С.Ф. Платонов и его коллеги являлись убежденными сторонниками территориальной целостности и единства страны, а также твердой вла-

¹ Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931. С. 68, 98, 94, 214.

² Фукс А.Н. Сергей Федорович Платонов // Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 16.

сти, которая, по их мнению, только и могла спасти государство от разрушения. Так они думали в 1917 году, презируя Временное правительство за его слабость и осуждая своих коллег — С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского, вошедших в его состав¹. Не изменилась позиция С.Ф. Платонова в этом вопросе и после 1917 года. Не о «демократии без берегов» мечтал С.Ф. Платонов, а о «конституционном строе во главе с твердой властью», способной не только защитить своих граждан, но и обеспечить единство и территориальную целостность государства². Что же касается «великодержавности» С.Ф. Платонова и его коллег, то заключалась она лишь в том, что они осмеливались осуждать в частном порядке крайности насильственной «украинизации» русского населения на территориях, отошедших к Украине, и настаивали на том, что хотя «национальности» могут воспользоваться правом «широкого самоуправления»: «государственный язык должен быть один — литературный русский»³.

Из всех отделившихся от России после Октября 1917 года народов лишь поляки и финны показали, с точки зрения Платонова, себя достаточно жизнеспособными, чтобы существовать в качестве полноценных суверенных государств.

¹ Фукс А.Н. Сергей Федорович Платонов // Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 43.

² Там же. С. 89.

³ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 137.

Что же касается Латвии, Литвы и Эстонии, их отделение от России С.Ф. Платонов считал искусственным и надеялся на скорое возвращение этих республик в лоно русского государства в силу их экономической несостоятельности¹.

Особого внимания заслуживает вопрос о монархизме С.Ф. Платонова (что касается религии, то, будучи человеком верующим, ее С.Ф. Платонов считал «вторичной ценностью, которая должна подчиняться разуму и науке»)². «Касаясь своих политических убеждений, — заявил С.Ф. Платонов на одном из допросов в ОГПУ в январе 1930 г., — должен сознаться, что я убежденный монархист. Признавал династию и болел душой, когда придворная клика способствовала падению авторитета бывшего царствующего дома Романовых»³. Возвратившись к этому вопросу в своих показаниях от 12—14 января 1930 г., ученый вновь счел необходимым отметить тот бесспорный факт, что по воспитанию своему, как и по кругу своих исторических занятий, он «жил монархическими взглядами». В то же время, как подчеркивал С.Ф. Платонов, «1905 год и безобразия последующих лет» (Гермоген, Распутин и пр.) уничтожили в нем «всякое уважение к династии», а «погибель» семьи Николая II и вовсе

¹ Архив ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Т. 2. Л. 118.

² Там же. Т. 11. Л. 36.

³ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 29.

убедила в том, что «роль династии сыграна и династическое преемство невозможно»¹.

После отречения Николая II С.Ф. Платонову стало ясно, «что монархия в России окончилась навсегда», и он «стал думать, что естественный выход для страны — конституционно-демократический республиканский строй... Никаких династических или монархических тенденций, — подчеркивал С.Ф. Платонов, — я с той поры и до сей минуты не питаю, ибо считаю их в России навсегда погребенными»². Таким образом, очевидно, что никаких иллюзий в отношении возможности реставрации старых порядков С.Ф. Платонов не питал.

«По своим политическим убеждениям, — показывал С.Ф. Платонов на допросе 26 июня 1930 года, — в прошлом я являлся и являюсь в настоящем и в будущем сторонником германской ориентации для нашей страны»³. Это же подтверждают и показания Е.В. Тарле. Платонов, по его словам, являлся убежденным германофилом, считающим большой ошибкой, вызванной «минутным ослеплением», русско-германскую войну 1914—1917 годов, и никогда не упускавшим случая, чтобы отметить «трудолюбие, организованность и культуру немцев»⁴. Германия, считал С.Ф. Пла-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 82.

⁴ Архив ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Т. 2. Л. 32.

тонов, сыграла крупную роль в экономической и культурной жизни России XVIII — XIX вв. Ценил он и ее заслуги в развитии русской исторической науки, которую называл дочерью науки германской. Оказавшись в результате Первой мировой войны в одинаково «униженном» положении, и Россия, и Германия должны были, по мнению С.Ф. Платонова, стремиться «к возвращению им прежнего положения великих держав, хотя бы и с новым внутренним строем, политическим и социальным, но с абсолютной свободой от каких бы то ни было давлений внешних и внутренних». Как перед русской, так и перед германской патриотически настроенной интеллигенцией стояла, считал С.Ф. Платонов, по сути одна и та же задача — «стать во главе движения по достижению национального освобождения»¹.

* * *

Болезнь и смерть 11 июня 1928 г. жены, скончавшейся от рака, а также категорический отказ Москвы в заграничной командировке, которой он безуспешно добивался с 1927 г.², тяжело отразились на самочувствии С.Ф. Платонова. Из тягостного внутреннего состояния его отчасти вывело участие в организованной в июле 1928 г. германским Обществом изучения Восточной Ев-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 138.

² СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 130. Л. 135, 136.

ропы Неделе русских историков в Берлине. Правда, старый недоброжелатель С.Ф. Платонова М.Н. Покровский был против его участия в Неделе и согласился на его включение в состав советской делегации лишь в последний момент благодаря требованиям немецких ученых, в частности профессора Ионаса.

Осознание С.Ф. Платоновым логического конца своей административной и научной карьеры просматривается в это время в его переписке с Ф.А. Брауном, к которому он прямо писал о своей мечте «освободиться от всех своих должностей, кроме Археографической комиссии»¹.

Но покойной старости, на что вправе, казалось бы, был рассчитывать С.Ф. Платонов, не случилось. Неожиданное избрание С.Ф. Платонова 7 марта 1929 г. академиком-секретарем отделения гуманитарных наук АН СССР — избрание, которому он не мог или не захотел противиться, не только положило конец этим планам, но и окунуло престарелого академика в водоворот событий, выплыть из которого ему уже не удалось.

¹ Браун Ф.А. — Платонов С.Ф. 04.04.1928 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2378. Л. 5об.

Часть II

«ДЕЛО» АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА 1929—1931: ПОДЛИННЫЕ ТВОРЦЫ И «СОВАТОРЫ»

1. ПРЕЛЮДИЯ ТРАГЕДИИ — «АКАДЕМИЧЕСКАЯ» И «АРХИВНАЯ» ИСТОРИИ 1929 ГОДА

Конечно же, русская национальная историография 1920-х гг. — это не один только Платонов и его школа. И тот факт, что после некоторого раздумья, продолжавшегося целых 8 месяцев (с января по август 1930 года), к «делу С.Ф. Платонова» решено было пристегнуть и ряд московских историков, о чем еще пойдет у нас речь, только подтверждает эту мысль. Однако на лидерство в исторической науке никто из них, в отличие от С.Ф. Платонова, не претендовал и тем влиянием и административным ресурсом, которые имел в 1920-е годы С.Ф. Платонов, не обладал.

Поводом для разгрома русской национальной исторической науки стала так называемая Академическая история начала 1929 г., связанная с забаллотированием на Общем собрании Академии наук кандидатур трех кандидатов, о чем у нас еще пойдет речь. Однако тогда в январе — феврале 1929 г. руководству Академии удалось разрядить обстановку и до арестов академиков дело

не дошло. Совсем другое дело — «Архивная история», связанная с обнаружением в октябре 1929 г. в ряде учреждений Академии наук (БАН, Археографическая комиссия, Пушкинский Дом) не подлежащих там хранению важных с общественно-политической точки зрения архивных документов. Она позволила обвинить ее руководство, и прежде всего академика-секретаря Отделения гуманитарных наук Академии С.Ф. Платонова, в сознательном «припрятывании архивных материалов от советской власти и их «сбережении» для ожидаемого ими монархического хозяина России»¹.

Отставка и последующий арест С.Ф. Платонова и историков его круга привели к тому, что «Архивная история» быстро переросла в «дело» о якобы созданной 70-летним С.Ф. Платоновым в недрах Академии крупной «контрреволюционной» организации — «Союза борьбы за возрождение свободной России». И «Архивной», и «Академической» историям было суждено, таким образом, сыграть важную роль прелюдии к «делу» С.Ф. Платонова, как своеобразного введения к нему.

Первые попытки осмысления случившегося были предприняты эмигрантской историографией. Особую активность в этом отношении проявлял оказавшийся после Великой Отечественной войны за границей один из однодельцев

¹ Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. М., Л., 1931. С. 98.

С.Ф. Платонова — архивист С.В. Сигрист¹ (Алексей Беломоров, Алексей Ростов). Что касается советских историков, то ввиду закрытости архивов и «неактуальности» этой темы после разгрома школы М.Н. Покровского, серьезный разговор об «Академической» или «Архивной» истории стал возможен только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Пошел же он — и это тоже характерная черта нашего времени — по сугубо западной, эмигрантской схеме. А схема эта проста: с одной стороны, «нехорошие» большевики с их тоталитаризмом и командно-административной системой, стремящиеся во что бы то ни стало подчинить, даже погубить науку, а с другой — «хорошая» Академия, грудью ставшая на защиту академических свобод.

Характерна в этом отношении большая статья члена общества «Мемориал» Ф.Ф. Перченка (ныне покойного) — «Академия наук на «великом переломе»», опубликованная в 1991 г. в сборнике «Звенья». Правда, в отличие от своего американского коллеги А.Е. Левина, Ф.Ф. Перченко не договорился до того, чтобы всерьез ставить вопрос о личной заинтересованности в фабрикации «дела» И.В. Сталина, который якобы страшно боялся, что в спрятанных в Академии архивах

¹ Беломоров А. Разгром исторической науки в 1930 г. // Россиянин. Лондон, 1948. 17 нояб.; Ростов А. Дело четырех академиков // Память: Ист. сб. Вып. 4. Париж, 1981.

могут оказаться документы о его службе в качестве агента царской охраны¹.

Тем не менее общий вывод исследователя корректным назвать трудно. Слишком уж сильно отдает он публицистикой «перестроечного» периода нашей современной истории. «Дело АН, как мы понимаем, — писал он, — было составной частью гигантского плана, спущенного ОГПУ, согласно которому на открытые процессы 1930—1931 годов должны были быть выведены последовательно все слои русской интеллигенции, точнее, той ее части, которая в течение 1920-х годов, сотрудничая с новой властью, сохраняла при этом определенную независимость от нее»².

Фантазии А.Е. Левина получили, к счастью, достойный отпор со стороны Н.С. Розенталя³. Гораздо сложнее обстоит дело с фантазиями Ф.Ф. Перченка. Правда, еще в 1989 году автор этих строк попытался показать, что не Политбюро, а историки школы М.Н. Покровского — вот кто инициировал эту беспримерную в истории науки провокацию⁴.

Как же отреагировали на этот вывод автора

¹ Левин А.Е. Заговор монархистов. Кому он был нужен? // Вести АН СССР. 1991. № 1. С. 128.

² Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альм. Вып. 1. М., 1991. С. 232.

³ Розенталь Н.С. Еще раз о «заговоре монархистов» // Вести АН СССР. 1991. № 10. С. 128.

⁴ Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.

его коллеги? Весьма своеобразно. Не успела статья появиться в свет, как вдогонку ей полетела «реплика» А.Н. Горяинова, заявившего, что «дело» С.Ф. Платонова «правильнее было бы назвать «делом» Академии наук. Это «дело», — поясняет оппонент, — по замыслу его организаторов должно было «вразумить» академиков и окончательно отбить у них охоту выступить против властей»¹. Откуда здесь «дует ветер», не скрывает и сам А.Н. Горяинов. Это работы западных, главным образом, эмигрантских историков, всегда рассматривавших всю эту историю сквозь призму борьбы Академии с неумолимо наступавшим на ее права правительством большевиков².

Даже такие авторитетные ученые, как Б.В. Ананьич, В.М. Панеях, А.Н. Цамутали — авторы предисловия к предпринятой по инициативе Библиотеки Академии наук публикации документов следственного дела С.Ф. Платонова и его коллег (ответственный редактор В.П. Леонов), — и те не удержались от соблазна представить действия властей как акцию, направленную не только против Академии, но и против всей русской интеллигенции в контексте «подготовки к новому этапу большого террора»³. Согласиться со столь кате-

¹ Горяинов А.Н. Еще раз об «Академической истории» // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 180.

² Занкевич Е.Х. К истории советизации Российской Академии наук. Мюнхен, 1954. С. 18.

³ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. XII.

горическим заключением уважаемых ученых нельзя. Слишком уж очевидна в этой истории роль старого недруга Платонова — М.Н. Покровского.

Покровский был в то время директором Центрархива РСФСР, и именно по поручению этой организации А.И. Раева (уполномоченная Центрахива по Ленинграду) обратилась 28 февраля 1929 года с запросом в Президиум Академии наук. Общий смысл этого «отношения» не был новостью для Академии: аналогичные письма с предложением передачи Центрархиву материалов она получала и ранее. Новым был только тон письма: резкий и требовательный. Письмо А.И. Раевой было заслушано Президиумом АН СССР 2 марта 1929 года.

Отметив недопустимость хранения в Академии наук дневника и бумаг бывшего великого князя К.К. Романова, документов Департамента полиции, государственного казначейства, полковых избирательных участков по выборам в Учредительное собрание и предлагая немедленно приступить к передаче такого рода материалов по «принадлежности в Центрархив», А.И. Раева требовала в связи с этим от Академии допустить к работе над описями и инвентарными книгами Рукописного отделения ее Библиотеки своего инспектора С.А. Аннинского, который должен был заняться «выявлением нового архивного материала», подлежащего изъятию. Пойти на это Академия, конечно, не могла.

Выступившие в ходе обсуждения вопроса С.Ф. Платонов и ученый секретарь Археографи-

ческой комиссии А.И. Андреев пояснили, что в выявлении материалов, не подлежащих хранению в учреждениях Академии наук, нет особой необходимости, так как это уже сделано особой Комиссией о рукописных фондах, просмотревшей с этой целью «все инвентарные книги начиная с 1917 года». Что же касается передачи материалов Центрархиву РСФСР, то, исходя из постановления Комиссии Енукидзе от 16 декабря 1926 года, эти притязания было решено отклонить. Вместе с тем ультимативный тон письма Раевой не мог не насторожить членов Президиума. Дело, разумеется, было не в самой А.И. Раевой, а в стоящем за ее спиной всемогущем тогда директоре Центрархива М.Н. Покровском. В ходе только что прошедших выборов он стал одним из первых академиков-коммунистов, и конфронтация с ним была явно нежелательна.

В связи с предстоящим прибытием М.Н. Покровского в Ленинград на сессию Академии наук Президиум поручил С.Ф. Платонову встретиться с «красным» академиком и в личной беседе разрешить возникшее недоразумение¹. С.Ф. Платонов исполнил это поручение. Встреча его с М.Н. Покровским состоялась 6 марта, и вопрос был разрешен в благоприятном для Академии смысле. Центрархив временно отступил. Однако

¹ Протокол заседания Президиума АН СССР 2 марта 1929 // СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Ед. хр. 129. Л. 23.

окончательного урегулирования вопроса достигнуто не было.

Изучение обстоятельств, связанных с поступлением, хранением и обработкой в Академии наук архивного материала, показывает, что имевшиеся здесь недостатки носили объективный характер и обвинения С.Ф. Платонова в серьезных ошибках и просчетах в этой области лишены каких-либо оснований. Утверждения о том, что Академия наук якобы должна была регулярно сообщать правительству о всех обнаруженных ею в своих учреждениях такого рода материалах, не соответствуют действительности.

Ошибка С.Ф. Платонова состояла лишь в том, что он явно переоценил в своем противостоянии М.Н. Покровскому влияние и авторитет того учреждения, которое стояло за его спиной и которое он представлял, — Академии наук СССР.

А между тем возможности Академии наук по отстаиванию своих интересов в результате взяттого в 1927 году правительством жесткого курса на советизацию ее учреждений резко снизились. Правда, реорганизацию Академии наук решено было все же начать не с насильственного устранения «реакционных» академиков, а путем постепенного их растворения в массе новых, лояльных по отношению к советской власти ее членов.

Общее число академиков согласно Уставу 1927 г. было определено в 70 человек, из которых вакантными на начало 1928 г. было 26 мест. В результате переговоров с руководством Академии, в первую очередь с С.Ф. Ольденбургом,

было принято решение об увеличении числа академических мест до 80. По сути дела, речь шла об очевидной сделке. Правительство увеличивало число академических мест, а Академия в ответ на это должна была обеспечить избрание согласованных кандидатур¹, в том числе и 7 ученых-коммунистов: Н.И. Бухарина, И.Н. Губкина, Г.М. Кржижановского, Н.М. Лукина, Д.Б. Рязанова, М.Н. Покровского, В.М. Фриче.

8 апреля 1928 г. в «Известиях» появилось постановление Совнаркома СССР о списке кафедр Академии наук по специальностям. 12 апреля, исходя из этого постановления, Академия наук объявила о вакансиях на 41 место. Чтобы добиться соотношения «один кандидат на одно место», были учреждены специальные комиссии, призванные отсеивать лишних. Комиссию по историческим наукам возглавил С.Ф. Платонов, хотя, конечно, его персональной вины в том, что не были допущены на голосование кандидатуры таких крупных ученых, как Д.В. Айналов, Д.М. Багалей, В.Н. Бенешевич, Д.Н. Егоров, А.Е. Пресняков и А.А. Спицын, нет².

В начале 1928 г. Политбюро учредило специальную комиссию по проведению выборов в Академию наук, персональная ответственность за

¹ Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120—127.

² СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Ед. хр. 89. Л. 454.

работу которой была возложена на А. Криницкого и Н. Горбунова¹.

С самого начала предвыборной кампании она стала приобретать политический характер. Наиболее откровенно в этом плане высказалась газета «Известия». Напомнив читателям о «Шахтинском деле», которое «показало, что среди интеллигенции сохранилось еще активное контрреволюционное крыло, ставящее себе задачей реставрацию капитализма в нашей стране», автор заметки совершенно определенно заявил, что «своими выборами новых академиков Академия наук покажет, насколько она общественно выросла за истекшее десятилетие. От того, как выдержит она этот политический экзамен, будет зависеть в будущем ее удельный вес в общей советской системе»².

Что же касается Ленинграда, то здесь вопрос о выборной кампании в Академию наук был рассмотрен на заседании секретариата Ленинградского обкома ВКП(б), утвердившего 17 мая 1928 года специальную «тройку» по руководству всей этой работой в составе члена обкома А.Н. Угарова, кандидата в члены С.И. Пономарева и уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Б.П. Позерна. Одобренная на этом заседании специальная директива «О проведении кампании по выборам в члены АН СССР» ориентировала

¹ Документы русской истории. 1996. № 3(2). С. 122.

² Известия. 1929. 14 апреля. С. 1.

«тройку» на административные, нажимные методы в борьбе за проведение в Академию «своих» кандидатов. Особое внимание уделялось в нем ленинградской прессе, которой было предложено «все корреспонденции о ходе выборов членов АН помещать в печати только с санкции областной комиссии и не обращаться с запросами о выборах в вузы»¹.

Кампания по дискредитации беспартийных кандидатов² и очевидный политический характер предстоящих выборов встревожили академиков. «Впервые в истории нашей Академии, насколько я знаю, — говорил на Общем собрании в октябре 1929 года академик И.П. Павлов, — правительство перед выборами заявляет о желательности для него определенных кандидатов... Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии»³. Мнение И.П. Павлова разделяли и другие академики: В.М. Истрин, П.А. Лавров, Н.Ф. Карский, Н.К. Никольский. «Знаю, — отмечал в своих показаниях С.Ф. Платонов, — что многие академики считали выбор академиков-коммунистов несовместимым с достоинством АН, началом ее гибели и т.д. Я в таких разговорах участия не принимал»⁴. Тем временем согласованные кан-

¹ ЦГАИ ПД С.-Петербурга. Ф. 24. Оп. 1. Св. 7. Ед. хр. 60. Л. 48.

² Горяинов А.Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 113.

³ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 3. Оп. 1-1929. Ед. хр. 89. Л. 307.

⁴ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. 25.

дидатуры благополучно в декабре 1928 года прошли сквозь сито тайного голосования на отделениях, по которым они баллотировались. Дело, в сущности, было сделано. Оставалось пройти кандидатам в академические кресла последнюю, чисто формальную инстанцию — голосование 12 января 1929 года на Общем собрании.

И вот здесь-то у дирижеров тщательно отрепетированной кампании по выборам произошел серьезный сбой: трое из десяти ученых-коммунистов: философ А.М. Деборин, историк Н.М. Лукин и искусствовед В.М. Фриче не набрали необходимого числа голосов и в Академию не прошли¹.

Это был скандал, так как, не пропустив в Академию заранее оговоренные кандидатуры, Академия нарушила тем самым и достигнутое ранее соглашение. Предвидя нежелательные последствия такого шага, «соглашатели» во главе с С.Ф. Ольденбургом заволновались и поспешили исправить «ошибку» Общего собрания. Надо было «спасать» Академию. В тот же день напуганный случившимся Президиум АН СССР принимает позорное и беспрецедентное по своему цинизму решение: ввиду «неувязки» голосования в Общем собрании по трем забаллотированным кандидатурам с результатами голосования в отделении 12 декабря 1928 года просить Совнарком в нарушение Устава Академии 1927 года

¹ Известия. 1929. 13 января.

баллотировать их вновь на Общем собрании уже нового состава Академии¹.

Однако предварительное решение Президиума должно было получить одобрение Общего собрания Академии, состоявшегося 17 января 1929 года. С обоснованием решения Президиума от лица соглашателей на нем выступил А.Е. Ферсман. Ему возражал академик И.П. Павлов, резко выступивший против оппортунизма Президиума. У академиков, заявил он, могут быть три отношения к этому предложению: «первое — это рабское, лакейское «чего изволите?». Второе «благоразумное, так называемое оппортунистическое», вызванное опасениями испортить отношения с правительством, и, наконец, третье — «отношение чисто ученое, ни с кем и ни с чем не считающееся», к которому он и призвал своих коллег. Выборы, по его мнению, происходили «на основании устава и формально правильно, хотя и в очень сложной обстановке по причине массовости кандидатур, краткости срока выборов и ввиду привлечения к выборам внимания общественности». И.П. Павлов говорил правду. Чтобы снизить эффект его выступления, Президиум выпустил на сцену академика С.Ф. Платонова, заявившего от имени «соглашателей», что поскольку кандидатуры коммунистов были заранее согласованы и благополучно «проголосованы» в отделениях, которые, конечно, лучше знают, кого они

¹ От Президиума АН СССР // Известия. 1929. 15 января.

выбирают, забаллотирование их на Общем собрании недопустимо. Не удержался он и от личного выпада против И.П. Павлова, который, по его словам, вследствие продолжительной болезни не мог присутствовать и лично участвовать в той большой работе, которую провели академики. В результате, подчеркнул Платонов, Павлов вынужден «питаться слухами и разговорами», и квалифицировал его заявление как носящее характер выступления «постороннего для Академии человека».

«Выступление академика С.Ф. Платонова, — констатировал автор представленного в Политбюро ЦК ВКП(б) «Отчета» о выступлениях академиков на чрезвычайном собрании Академии, — восстановило нарушенное Павловым равновесие»¹. В результате голосования большинство академиков (28 из 41) поддержали предложение Президиума. Против проголосовали только 9 (И.П. Павлов, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Е.Ф. Карский, И.П. Бородин, А.Н. Ляпунов, П.А. Лавров и другие). Четверо академиков воздержались².

Большой неожиданностью явилось то, что среди этих девяти ученых, объявленных сразу же «реакционными», оказались только что избранные два академика: Д.М. Петрушевский и П.Н. Сакулин. Оправдываясь, последний вынужден был

¹ Документы русской истории. 1996. № 3. С. 132.

² Экстраординарное собрание академиков // Известия. 1929. 25 января.

разъяснить, что тут был «не идеологический принцип, а момент целесообразности... Мои идеологические предпосылки, — писал он в своем письме в редакцию «Известий», — не мешали мне думать, что вопрос допускает иные решения»¹.

Вопреки ожиданиям руководства Академии, ее официальное обращение в Совнарком СССР о разрешении новой баллотировки троих ученых-коммунистов не разрядило обстановки.

Полной неожиданностью явилась для Президиума Академии статья члена Коммунистической Академии публициста Ю.А. Ларина, опубликованная 25 января 1929 года в «Правде» под характерным заголовком «После выборов в Академию. Академики и политика», в которой он уверял читателей, что Академия или, вернее, «часть академиков» провалила «ряд видных ученых работников из нашей среды не за то, что они мало известны, а за то, что это коммунисты, т.е. люди, участвующие в борьбе рабочего класса против... капиталистов и их идеологических прихвостней».

Инцидент с забаллотированием троих ученых-коммунистов Ю.А. Ларин квалифицировал как «политическую демонстрацию против рабочего класса», проявленное к нему со стороны части ученых «неуважение»².

¹ Сакулин П. Письмо в редакцию // Известия. 1929. 6 февраля.

² Ларин Ю. После выборов в Академию. Академики и политика // Правда. 1929. 25 января. С.3.

С протестом против необоснованных обвинений в адрес Академии выступили С.Ф. Платонов, В.М. Истрин, А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов, С.П. Костычев, Н.П. Лихачев, И.П. Бороздин, Н.В. Насонов и другие академики. Ренегатов среди них, вроде Н.Я. Марра и И.М. Виноградова, оказалось совсем немного. Трудно сказать, насколько серьезными были прозвучавшие со стороны власти угрозы распустить Академию. Скорее всего, речь шла хотя и о мощной, но кратковременной кампании с целью оказать давление на академиков и провести в ее состав своих кандидатов.

5 февраля 1929 года ходатайство Академии о разрешении довыборов провалившихся кандидатов было рассмотрено на очередном заседании Совнаркома СССР¹. Присутствовала на нем и специально в связи с этим вызванная из Ленинграда делегация, среди членов которой оказался и С.Ф. Платонов. Несмотря на резкие выпады против Академии (вплоть до требования ее разгона) со стороны В.В. Куйбышева и Г.Н. Петровского², «закрывать» Академию, как оказалось, всерьез никто не собирался. Разрешение на незаконные с точки зрения Устава довыборы было получено.

13 февраля 1929 года Общим собранием Ака-

¹ Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971. С. 192.

² Пять вольных писем Вернадского сыну // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 7. С. 436.

демии наук А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче были избраны в число ее действительных членов¹. Так закончилась «эпопея» с «неувязкой» при избрании первых коммунистов в Академию.

Сам С.Ф. Платонов свою роль во всей этой истории скромно оценивал как «направленную к успеху дела в смысле желательном для правительства»². Так, видимо, рассматривали ее и «наверху». Во всяком случае, когда после выборов встал вопрос о новом руководстве Академии, именно его кандидатура была рекомендована в качестве академика-секретаря отделения гуманитарных наук. 7 марта 1929 года она была официально утверждена Общим собранием Академии³. Что же касается показаний Е.В. Тарле о том, что предполагалось даже выдвинуть кандидатуру С.Ф. Платонова в президенты Академии наук, к чему он якобы лично стремился⁴, то, скорее всего, здесь мы имеем дело со слухами, распространявшимися в то время недоброжелателями С.Ф. Платонова, явно не ожидавшими увидеть его в роли академика-секретаря Отделения гуманитарных наук. На самом же деле согласие

¹ Известия. 1929. 14 февраля. С. 1.

² Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. 62.

³ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Ед. хр. 251. Л. 12об.

⁴ Собственноручные показания Е.В. Тарле 14 февраля 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998. С. 22.

на занятие этой должности, явившейся, вне всякого сомнения, вершиной его научной карьеры, — трагическая, непоправимая ошибка С.Ф. Платонова.

По сути дела повторилась ситуация, аналогичная событиям, связанным с приглашением его в 1912 году на должность министра народного просвещения. В то время, несмотря на присущее ему честолюбие, С.Ф. Платонов нашел в себе силы отклонить это лестное предложение — и, как оказалось, не ошибся. К сожалению, теперь, в 1929 году, присущее ему тонкое политическое чутье профессионального историка подвело. Возглавить без малого в семидесятилетнем возрасте академическое отделение, публично, причем с самых высоких трибун, обвинявшееся в отсутствии в его работе «наиболее актуальных вопросов обществоведения» и засоренности «враждебными» советской власти элементами, — это был хотя и смелый, но все же опрометчивый поступок.

Что же касается непосредственного руководства С.Ф. Платонова отделением, то оно заключалось главным образом в разработке и утряске между собой первых пятилетних планов входивших в него учреждений (Археографическая комиссия, БАН, Пушкинский Дом, Толстовский музей), призванных теснее увязать их деятельность с задачами «социалистического строительства»¹.

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 14 февраля 1930 г. Ед. хр. 106. Л. 1, 2.

Заслуживает внимания относящееся к этому времени (3—4 марта) предложение С.Ф. Платонова со ссылкой на «заявление» Д.Б. Рязанова о «желательности» образования на базе Археографической комиссии «Исторического института» Академии наук, чего не допустил, однако, М.Н. Покровский¹.

Как выпад против С.Ф. Платонова можно расценить и предложенную М.Н. Покровским после избрания в академики в своей специальной «Записке» в Академию широкую программу работ по выявлению и публикации документов по истории пролетариата в России². «Записка» М.Н. Покровского поступила в ОГН в апреле 1929 года. Обсуждение же ее состоялось только 29 октября. Как и следовало ожидать, инициатива М.Н. Покровского хотя была одобрена³, но к каким-либо практическим шагам не привела. Впрочем, едва ли М.Н. Покровский на это рассчитывал. В данном случае гораздо важнее было для него перехватить инициативу у С.Ф. Платонова как председателя Археографической комиссии, навязать ему свою программу действий.

О том, насколько далеко зашли отношения

¹ Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1994. С. 69.

² Записка М.Н. Покровского в АН СССР об очередных археографических задачах / Подгот. Н.А. Говоров, И.Е. Тамм // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 336—338.

³ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Ед. хр. 253. Л. 50.

между двумя академиками, красноречивее всего свидетельствует реакция С.Ф. Платонова на очередную сенсацию — публикацию в «Ленинградской правде» от 3 июля 1929 года материала «Найдены неизвестные письма Николая II. Условия графа Бенкендорфа»¹. Речь в нем шла об изъятии 17 июля 1929 года из Пушкинского Дома органами ОГПУ писем Николая II к бывшему гофмаршалу графу П.К. Бенкендорфу, относящихся к периоду пребывания в 1917 году в Детском Селе отрешенного от престола монарха. Письма эти были отданы на условиях временного хранения в Пушкинский Дом еще в 1920 году, причем в качестве условия со стороны владельца было требование не вскрывать ларец, в который они были запечатаны (в случае его невостремования), вплоть до 1941 года. Пушкинский Дом в лице его бывшего старшего ученого хранителя Б.Л. Модзалевского соблюдал это требование. Все эти годы ларец хранился в его кабинете и только после смерти Б.Л. Модзалевского поступил в апреле 1928 года в рукописное отделение Пушкинского Дома². Однако и после этого ни заведующий рукописным отделом Н.В. Измайлов, ни другие представители администрации (в первую очередь речь идет, конечно, о его директоре С.Ф. Платонове)

¹ Ленинградская правда. 1929. 3 июня.

² Справка и осмотр ларца П.К. Бенкендорфа представителем Госфинконтроля, 15 июня 1929 г. // СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Ед. хр. 28. Л. 103.

не пошли на вскрытие ларца в нарушение воли дарителя. Падкая до сенсаций газета не преминула обыграть это событие, прозрачно намекнув, что руководство Пушкинского Дома просто прятало эти документы, дожидаясь лучших времен.

«Секретариат Академии наук, — раздраженно заявил в связи с этим С.Ф. Платонов, — просит редакцию считать неправильной в подробностях» помещенную в газете заметку о хранении в Пушкинском Доме ларца Бенкендорфа, так как Академия наук «своевременно и официально» сообщила об этом Совнаркому СССР, и дальнейших распоряжений с его стороны не последовало. Однако особое недовольство С.Ф. Платонова вызвало упоминание в заметке об участии в акте изъятия представителя Центрархива.

«В Пушкинском Доме, — заявил он, — Ленинградское отделение Центрархива ничего не находило и из него не делало никаких изъятий, так как ПД Центрархиву не подчиняется и представители Центрархива при передаче ларца Бенкендорфа в распоряжение ОГПУ не присутствовали... О дальнейшем нахождении ларца Академии наук ничего не известно»¹, хотя, конечно же, С.Ф. Платонов прекрасно знал, куда пошли «изъятые» письма.

Еще одним ударом, нанесенным по Академии и отразившимся на С.Ф. Платонове, стала рабо-

¹ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Ед. хр. 28. Л. 109.

та Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР во главе с членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, членом Президиума Центральной комиссии ЦИК Юрием Петровичем Фигатнером.

Проводилась проверка публично на Общем собрании сотрудников учреждения, причем главное внимание уделялось анкетным данным проверяемого: социальное происхождение, принадлежность к буржуазным партиям и прочее. Тем временем ничего не подозревавший о готовящейся акции С.Ф. Платонов отбыл 31 июля 1929 года на отдых в Крым. А уже на следующий день, 1 августа, в Академии появились Ю.П. Фигатнер и управляющий делами науки и учебных заведений Совнаркома Е.П. Воронов, причем последний «весьма удивлялся» отсутствию в городе С.Ф. Платонова¹.

«Чистка» Академии сопровождалась хорошо скоординированной с работой Комиссии Ю.П. Фигатнера кампанией ленинградских газет. Так, 28 августа 1929 года в «Ленинградской правде» была опубликована заметка «Академические анекдоты», содержащая грубые нападки на Пушкинский Дом, по настоянию которого Академия наук приобрела в 1928 году картотеку известного ученого-пушкиниста Б.Л. Модзалевского. Вопреки фактам автор заметки утверждал, что на са-

¹ А.И. Андреев — С.Ф. Платонову, 01.08.1929 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 31.

мом деле картотека была якобы уже давно завещана Б.Л. Модзалевским Академии наук, и, приобретая у наследников уже принадлежавшее ей имущество, она занимается разбазариванием государственных средств¹.

С.Ф. Платонов, приступив в начале сентября к делам, был раздражен тем, что «какой-то полуинтеллигент прислан осуществлять чистку Академии наук» и что этот «полуинтеллигент» — Ю.П. Фигатнер — выступал докладчиком на Общем собрании Академии. Саму же «чистку» Платонов рассматривал как «наскок» на Академию, а приемы ее и вовсе находил возмутительными². Тем временем в начале октября Комиссия Ю.П. Фигатнера возобновила свою работу, а в конце того же месяца произошли события, оставившие тяжелый, неизгладимый след не только в биографии С.Ф. Платонова, но и во всей нашей науке.

«Красная газета» сообщала, что 19 октября в Правительственную комиссию НК РКК СССР по проверке аппарата Академии наук «поступили заявления от ряда сотрудников Академии о том, что в некоторых ее учреждениях, таких как Пушкинский Дом, Археографическая комиссия и др., находятся документы большого политического значения». В ходе предварительного расследования, проведенного председателем Правитель-

¹ Красная газета. 1929. 28 августа. С. 3.

² Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. С. 75.

ственной комиссии членом Президиума ЦКК ВКП(б) Ю.П. Фигатнером, полученные сигналы подтвердились¹.

Там в одной из комнат рукописного отделения (№ 14) были обнаружены нигде не зарегистрированные списки лиц, получавших «особое вознаграждение за борьбу с революцией». Затем членам Комиссии был предъявлен запечатанный пакет. В нем находился конверт с пометкой «Г.Е. Старицкий, № 607» (брат жены академика В.Н. Вернадского). В конверте оказались подлинные экземпляры отречения от престола Николая II (его подпись была засвидетельствована министром двора Фредериксом) и его брата, великого князя Михаила. «В распоряжении правительства, — подчеркнул Ю.П. Фигатнер, — этих документов не было».

Среди других документов, обнаруженных членами комиссии в Рукописном отделении БАН, были материалы Департамента полиции, корпуса жандармов, царской охраны и контрразведки.

Опечатав помещение Библиотеки, где были обнаружены эти документы, члены Правительственной комиссии отправились в Пушкинский Дом. Здесь они обнаружили переписку Николая II с петербургским генерал-губернатором Д.П. Треповым по поводу событий 9 января 1905 года, архив бывшего московского губернатора и шефа

¹ Красная газета. 1929. № 256. 6 ноября, вечерний выпуск.

жандармов В.Ф. Джунковского, материалы бывшего царского посла в Лондоне В.Д. Набокова.

Еще более интересные документы были обнаружены в Археографической комиссии: архив ЦК партии конституционных демократов, архив ЦК партии социалистов-революционеров, архив Объединенной социал-демократической организации Петербурга, списки членов Союза русского народа, шифры жандармского управления, дела провокаторов, материалы Учредительного собрания и комиссии по его роспуску, часть архивов П.Б. Струве и А.Ф. Керенского. «Некоторые из этих документов, — писала газета, — имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции как внутри страны, так и за границей»¹.

В тот же день, 21 октября, Ю.П. Фигатнер телеграфировал о своих находках в Москву и просил о создании «специальной правительственной комиссии из трех человек под председательством Фигатнера для расследования несдачи материалов Академией наук. Это может помочь, — подчеркивал он, — вскрыть нам очень многое»².

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) такая комиссия была создана. Помимо самого Ю.П. Фи-

¹ Красная газета. 1929. 6 ноября.

² Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 109.

гатнера (председателя) в нее вошли члены коллегии ВЧК А.Х. Петерс и Я.С. Агранов¹.

Уже 24 октября 1929 года комиссия провела первые «беседы» с С.Ф. Ольденбургом, С.Ф. Платоновым, В.И. Срезневским, Н.В. Измайловым и И.А. Кубасовым. Наибольший интерес для нас представляет, естественно, допрос С.Ф. Платонова.

«Фигатнер: Сергей Федорович, в связи с теми материалами, которые обнаружены сейчас в Библиотеке, Пушкинском Доме, Археографической комиссии, распоряжением НК РКИ создана специальная комиссия в составе трех человек — Петерс, Агранов и я. Комиссия прибыла и сейчас имеет желание поставить Вам некоторые вопросы.

Агранов: У меня вопрос вот какой. Скажите, пожалуйста, когда Вам стало известно, что в Рукописном отделении Академии наук хранятся подлинные акты отречения Николая и Михаила Романовых?

Платонов: Точной даты не могу сказать, но думаю, вероятно, 1927 г.

Агранов: От кого впервые стало известно?

Платонов: Я скажу. Это история довольно случайная. Я сделался директором Библиотеки в 25 г. Ничего об этом не знал. Незадолго до своей кончины Модзалевский передал четвертушку бумаги (на каком-то бланке) о том, что сенатор Дьяконов и Старицкий передают через Котля-

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 110.

ревского (покойного) Академии два акта на хранение в Библиотеке. Т.к. Рукописное отделение было под моим начальством, я отправился к Срезневскому (начальнику отделения), предъявил бумагу и сказал: «У Вас?» — Говорит: «Да». — «В описи есть?» — «Есть». Я не знаю, цела ли книга и имели ли Вы ее? Был пакет Старицкого, № 607 и был сбоку четырехугольник (диагональ и какой-то значок). Говорю: «Что это?» — «Это обозначение, что мы получили». — «Покажите». Он показал, и я приказал хранить эту четвертушку вместе.

Агранов: Вы сказали Ольденбургу, что хранятся такие акты?

Платонов: Да, но должен сказать, не придал значения уникального, потому что из литературных источников знал, что несколько раз переделывался текст.

Агранов: По воспоминаниям Шульгина известно, что подлинник, на котором подписывался Николай, имел подчистку.

Платонов: Я не заметил. Должен сказать, не придал значения.

Агранов: Вы сказали, в 1926 г.?

Платонов: Не помню: в 26-м или в начале 27 г.

Агранов: Никакого распоряжения не давали?

Платонов: Нет.

Фигатнер: Только Ольденбургу сказали?

Платонов: Ему только.

Фигатнер: Я ставил вопрос (когда мы с Вами имели беседу), Вы сказали, что сообщили Президиуму.

Платонов: Не помню. Может быть.

Агранов: Скажите, Старицкий — это не мифическая личность, а действительно сенатор?

Платонов: Да, сенатор Временного правительства. Дьяконов — академик Дьяконов, кажется, был директором одного из отделений Библиотеки.

Агранов: Почему Вы считаете необходимым дальнейшее сохранение тайны этого документа и оставление его в пакете, где написано: «от Старицкого»?

Платонов: Не считал нужным предавать огласке в силу общего распоряжения, которое действовало и действует сейчас.

Фигатнер: На основании постановления комиссии?

Платонов: Да.

Агранов: Вы сообщили комиссии, какие документы у Вас имеются?

Платонов: Да, комиссии был сообщен перечень документов. Для меня это была вещь довольно тяжелая. Дело в том, что это было в 26—27-м гг. Я убедился, что в Рукописном отделе царит большой беспорядок...

Агранов: Какой беспорядок?

Платонов: Например, этот документ был тоже записан неправильно. Затем, целый ряд был замечен других неправильностей со стороны Срезневского. Это было как раз в тот период, когда такого материала у меня накопилось много. Если бы я был в Ленинграде тогда, когда шло это дело

(сообщение Совнаркому о том, что у нас есть), тогда другое дело. Но, насколько я знаю, в это время здесь не было даже Ольденбурга. Меня тоже не было. Я об этой бумаге не знал довольно долго. Если бы я знал, я бы этого не допустил. Это, конечно, большая неисправность. Библиотека в отдельности не показана. Под влиянием таких впечатлений я попросил назначить ревизию Рукописного отдела. Она была сделана. Документ о ней находится в архиве Библиотеки. Эта ревизия раскрыла некоторые неисправности и повела за собой ряд практических мероприятий и предложений. Кое-что из материалов мы сочли возможным отдать владельцам, кое-что решили присоединить к фонду Библиотеки... Мы начали раскрывать архив Берга. Все это было представлено Президиуму как результаты ревизии. Президиум согласился с выводами комиссии. Это было сообщено в Библиотеку и осталось без внимания.

Петерс: В протоколах Президиума это есть?

Платонов: Я думаю, есть.

Фигатнер: Когда было?

Платонов: 26-й, начало 27-го г. Я просил вторичную ревизию. Такая ревизия была, и надо сказать, что мы констатировали неисполнение. И в результате решения опять остались неисполненными.

Фигатнер: Почему?

Платонов: Ведь за всем не усмотришь... На третий год должность в академической Библио-

теке я не взял, так как чувствовал, что бессилён убрать того, кто являлся причиной беспорядка.

Фигатнер: Кто был причиной беспорядка?

Платонов: Срезневский.

Агранов: Я согласен, что Срезневский и тот, кто, подписав документ, допустили неправильность...

Платонов: Один Срезневский.

Агранов: Явно незаконную. Но Вы отдавали отчет, что скрывать документ государственной важности от советской власти нельзя?

Платонов: Как скрывать?

Агранов: В пакете на имя неизвестного Старицкого. Совершенно недопустимо. Как же Вы оставили документ?

Платонов: Извините, у меня другая точка зрения. Академия в течение этих лет сохранила очень много материала. Она действительно сохранила очень много. Нет доказательств, что она потеряла хотя бы один документ. Это я говорю уверенно.

Агранов: Я это не говорил.

Платонов: Мы смотрели так: у нас надежное место хранения...

Фигатнер: Но хранятся акты отречения.

Платонов: Я свою точку зрения сказал. Эти акты не представлялись мне уникальными. С другой стороны, у нас не было представления о том, что эти бумаги имеют актуальное значение на данный момент и на будущее.

Фигатнер: Отречение Михаила — в одном эк-

земляре. Для нас нет сомнения, что другого (отречения) Николая не существует. Но писанный рукой Михаила документ — уникальный.

Петерс: Но Вы знали, что идет поиск этого документа?

Платонов: Я не знал.

Агранов: Вы могли считать документ не уникальным, но оставить его, документ исторической важности, без имени, в пакете и ящике стола Срезневского...

Платонов: Он оставался в описи.

Фигатнер: Он вошел за № 607?

Агранов: Почему не легализовать акт отречения Николая II?

Платонов: Но никакого умысла не было и не могло быть.

Агранов: Представьте, мы имели показания лиц, которых опрашивали сегодня и которые говорят, что это умышленно скрывалось.

Платонов: Решительно протестую!

Агранов: Я не говорю о том, что Вами, но факт тот, что этому документу придавалось какое-то особое значение и не было никакого желания к его огласке. Такие настроения существовали?

Петерс: Стремилась, чтобы это знал небольшой круг лиц?

Платонов: В пределах Библиотеки?

Петерс: Нет, в пределах Академии.

Платонов: На это ничего не могу сказать.

Агранов: Документ этот был передан Старицким и Дьяконовым через Котляревского к Срезневскому?

Платонов: Да, я могу для доказательства, что мы ничего не скрывали, сослаться на то, как мы передавали карточный каталог Третьего отделения. Нам не поступило в течение этих лет ни одного замечания о том, чтобы что-нибудь утаено. Не знаю, знаете ли Вы, но на основании карточек всегда можно узнать, что скрыто. И вот ни одного замечания о том, что что-нибудь утеряно или скрыто, не было. Здесь у нас остались пачки документов, которые рабочие просто забыли, но ничего не было скрыто. Вы мне раскрываете такую точку зрения, которая мне не была известна, — то, что правительство эти документы искало.

Агранов: Я не так говорил. Дело в том, что документы, которые оказались здесь, не находятся в распоряжении тех хранилищ, которым дается по праву их хранить.

Платонов: Никто из Управления делами Совнаркома не делал нам замечания о том, что у нас имеются интересные документы и что они не возвращены.

Фигатнер: Вы в 26-м г. у покойного академика Модзалевского видели расписку о том, что Дьяконов передал этот документ Срезневскому?

Платонов: Я этой четвертушки в точности цитировать не могу, потому что она у меня была полчаса»¹.

¹ Стенограмма заседания Особой комиссии в составе тт. Фигатнера, Петерса, Агранова 24 октября 1929 г. Публикация А.И. Алаторцевой // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 1993. № 1. С. 100—103.

Ситуация таким образом проявилась. С.Ф. Платонов упорно стоял на том, что своевременное «недонесение» в Совнарком СССР о хранящихся в Академии наук экземплярах отречений Николая II и его брата Михаила, как и хранение в ее архивохранилищах других «компрометирующих» ее с общественно-политической точки зрения документов, есть не злой умысел, а результат случайного, в общем-то, стечения обстоятельств, в том числе и личного порядка — небрежное отношение к своим обязанностям заведующего Рукописным отделением Библиотеки Академии наук И.И. Срезневского. «Эти документы мы сберегли, и Вы их получили»¹, — подчеркнул С.Ф. Платонов.

Пикантность ситуации с обнаружением в Библиотеке Академии наук отречений от престола Николая II и его брата состояла в том, что главный виновник сложившегося положения академик С.Ф. Ольденбург отказался в ходе допроса подтвердить версию, которую защищал С.Ф. Платонов, заявив, что он не помнит такого разговора («Я не могу точно вспомнить»)². Конечно же, следствию не представляло большого труда «расколоть» С.Ф. Ольденбурга и заставить его вспомнить, причем не только об отречениях. Но С.Ф. Ольденбурга, по некоторым не вполне понятным причинам, решили все-таки не трогать, и

¹ Там же. С. 103.

² Там же. С. 82.

отвечать за случившееся пришлось как бывшему директору БАН одному только С.Ф. Платонову и его заместителю С.В. Рождественскому.

Другим вопросом, интересовавшим комиссию, стало выяснение того, по чьей же все-таки вине бывший шеф жандармов В.Ф. Джунковский, передавший в начале 1920-х гг. Академии наук свой личный архив, пользовался дальнейшим правом беспрепятственного и бесконтрольного, по сути дела, доступа к нему.

И здесь С.Ф. Платонов, несмотря на сильное давление со стороны членов комиссии, держался хорошо. Но обратимся к стенограмме «Опроса».

«Агранов: Я хотел задать вопрос относительно архива Джунковского, который хранится в Пушкинском Доме. Джунковский сам обращался к Вам с просьбой о допуске его к архиву?

Платонов: Да, являлся два раза.

Агранов: Когда?

Платонов: Последний раз зимой. Он вообще часто мелькал в Ленинграде. Поэтому не могу поручиться, может быть, он был даже и весной этого года...

Фигатнер: А до этого тоже бывал?

Платонов: Он часто бывал.

Агранов: Ему было дано разрешение на разработку архива?

Платонов: Он допускался к занятиям. Это было условие, по которому он в 1923 г. передал архив.

Фигатнер: Архив был передан в 18-м г.

Платонов: Не знаю. Мне эта история известна с весны 24-го г. или в начале 24-го г. Котляревский был за границей. Вместо него не было никакого заместителя. С Модзалевским произошла неприятность: вследствие некоторого доноса о том, что он что-то казенное продал, Модзалевский был арестован, и, когда его освободили, он заявил, что очень просит назначить какого-нибудь академика директором. Это было в феврале — марте 24-го г. Меня просили взять на себя эту работу временно, до возвращения Котляревского. И на первых порах мне Модзалевский сказал, что у него есть архив, сданный на временное хранение, который должен быть передан в Библиотеку.

Фигатнер: Вам было известно содержание архива?

Платонов: Не известно. Архив был в шкафу...

Агранов: Вы знаете цену архивных и исторических документов. Считаете ли Вы уместным (если считаете, то почему), что допустили шеф-жандарма Джунковского к разработке архива, имеющего отношение к его деятельности?

Платонов: Это было тогда, когда он приезжал. Он обращался...

Фигатнер: Сколько раз был допущен?

Платонов: По-моему, два раза.

Агранов: Почему разрешили?

Платонов: Не знаю.

Петерс: У Вас не обсуждалось?

Платонов: Нет.

Петерс: У Вас нет ученого или научного совета?

Платонов: Есть, но есть правило о том, что лица допускаются к занятиям только с разрешения директора.

Фигатнер: Кто дал разрешение?

Платонов: Формально Джунковскому должны дать разрешение за подписью директора.

Фигатнер: Кто давал?

Платонов: Может быть, и я.

Фигатнер: Два раза было?

Платонов: Два раза, но первый раз не помню когда.

Фигатнер: Где работал?

Платонов: В помещении для занятий.

Фигатнер: Ему материалы туда приносили?

Платонов: Насколько помню, да.

Фигатнер: Ему приносили материалы. Что он делал?

Платонов: Не знаю.

Фигатнер: Может быть, он брал, чтобы работать дома?

Платонов: Думаю, нет, т.к. материалы должны предъявляться старшему хранителю.

Фигатнер: Вы проверяли, он мог взять?

Платонов: Не думаю, все-таки надзор за читальным залом есть...

Петерс: В 19-м г. Джунковского судили, приговорили к концентрационным лагерям до конца Гражданской войны. А государственное учреждение, оно обязано было сообщить, что здесь имеется такой архив.

Платонов: Я не был тогда академиком.

Петерс: Но и для Вас приговор остается в силе. Он был приговорен как шеф корпуса жандармов, он скрыл от государства ряд документов, которые никоим образом не могут быть рассмотрены как его личные документы. Это есть документы шефа жандармов, а не документы Джунковского. Следовательно, эти материалы должны были попасть в наши архивы, чтобы они могли быть использованы по назначению. А Вы смотрели на это так: Джунковский передал и ставит условия...

Платонов: В суждение тут я не вхожу. В 1919 г. я не был академиком...

Петерс: Но Вы здесь заведовали этим делом давно, знали, когда его судили. И вот, по Вашим словам, получается, что, рассматривая этот архив как личные дела. Вы — человек в этом отношении очень грамотный — знаете, кому такие документы принадлежат. Может ли это быть частной собственностью?

Платонов: Об этом я судить не могу, потому что Джунковский мне был известен не как подсудимый, а как человек, пользующийся правами гражданства. Живет на собственной квартире, дает уроки (преподавал физкультуру в школе), никто ему не препятствует в передвижении. Он пользуется всеми правами, и так на него смотрела Академия. Я суда над Джунковским не знаю. Знаю, что он был в Смоленске в тюрьме. Оттуда его Рязанов вызвал в Москву в связи с процес-

сом по делу провокатора Малиновского. Благодаря Рязанову Джунковский получил политическое оправдание, и то, что он был осужден, — мне неизвестно. Я знаю, что политический арест был снят. Я считаю, что его можно считать полноправным гражданином.

Фигатнер: Вы предполагаете, что кое-какие документы он взял с собой?

Платонов: Я боюсь сказать это.

Петерс: Я не говорю, что он незаконно ходит на свободе, но я ставлю вопрос так: он не может претендовать на эти архивы как свои личные дела.

Платонов: Я считаю, что мы получили архивы. Я был прикосновенен к этому делу с лета 1925 г. по 1928-й. Если унес из Пушкинского Дома, то это было после того, как я отказался от Пушкинского Дома и Библиотеки.

Фигатнер: Больше вопросов нет»¹.

Поскольку С.Ф. Платонов заявил, что было несколько вариантов отречения Николая II, и выразил сомнение в подлинности обнаруженного, Ю.П. Фигатнеру пришлось передать этот вопрос на решение специального совещания с участием академиков Ферсмана, Ольденбурга, Борисяк, профессора Никифорова, Щеголева, зам. зав.

¹ Стенограмма заседания Особой комиссии в составе тт. Фигатнера, Петерса, Агранова 24 октября 1929 г. Публикация А.И. Алаторцевой // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 1993. № 1. С. 104—105.

Ленинградским отделением Центрархива и специалиста по «автографии». Заседали члены совещания долго, целых 3 часа. Результатом их обсуждения было составление специального акта, подписанного всеми членами комиссии, удостоверяющего, что «это есть оригинал и подписан Николаем и министром двора Фредериксом, так же как и отречение Михаила является оригиналом». О чем и было доложено Ю.П. Фигатнером председателю ЦКК Г.К. Орджоникидзе.

Сразу же после этого подлинники отречений вместе с заключением комиссии по личному распоряжению Г.К. Орджоникидзе под расписку были переданы т. Семушкину и увезены в Москву¹. Получив необходимую ему информацию и сделав собственные выводы, уже на следующий день Ю.П. Фигатнер отправился в Москву для личного доклада А.И. Рыкову.

«Вся эта архивная передряга, — отмечал завотделом науки СНК Е.П. Воронов, — навела на академиков большую панику, и сейчас из них можно веревки вить: беда лишь в том, что никто толком из наших не представляет, нужно ли вить и что вить вообще...»² Красноречивое признание, ясно свидетельствующее, что никакого пла-

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 110.

² Е.П. Воронов — Н.П. Горбунову, 29 декабря 1929 г. АН СССР и ЦК ВКП(б). 1927—1930 / Публ. М.В. Зеленова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 134.

на по «избиению» Академии, не говоря уже об уничтожении русской интеллигенции, у Кремля не было, да и едва ли могло быть. Единственно, чем было озабочено правительство, так это проблемой скорейшей советизации Академии и повышением эффективности ее работы.

Но для Покровского и всех тех, кто желал разгромить национально-патриотическое направление в русской истории, не воспользоваться сложившейся ситуацией было бы грешно. «Вместо чисто организационных проблем, — говорил М.Н. Покровский, — на первое место выдвинулась проблема немедленной смены руководства Академии. Фракция единодушно признала, что необходимо воспользоваться моментом, снять Ольденбурга и провести на его место Комарова»¹.

Это и было сделано. После заявления С.Ф. Ольденбурга об отставке она была принята. Исполнение обязанностей неперменного секретаря Академии было возложено на В.Л. Комарова. По предложению М.Н. Покровского был заслушан доклад вернувшегося к этому времени из Москвы председателя Правительственной комиссии Ю.П. Фигатнера о работе этой комиссии, после чего общее собрание приняло предложенную Л.Е. Ферсманом и согласованную им с академиком А.Н. Бахом резолюцию по поводу «нахождения в некоторых учреждениях Академии

¹ Там же. С. 119.

наук документов, имеющих актуальное политическое значение».

Признавая хранение в Академии наук архивных документов подобного рода «совершенно недопустимым», принятая резолюция квалифицировала как «ошибку» Президиума то обстоятельство, что он «своевременно не учел наличия этих материалов и поэтому не мог сообщить о них Управлению делами Совнаркома». Общее собрание предложило Президиуму принять «решительные меры к устранению подобных явлений и к выяснению всех обстоятельств этого дела и обратиться серьезное внимание на аппарат Академии, связанный с хранением документов, который по своему составу должен гарантировать невозможность повторения подобных случаев»¹.

В своем отчете в ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1929 г. о только что прошедшей сессии Академии М.Н. Покровский вновь поставил беспокоивший его «вопрос о Платонове». «Меня, — писал М.Н. Покровский, имея в виду свое выступление на сессии, — путало здесь еще то обстоятельство, что я не могу не считать главным виновником по этому делу не Ольденбурга, а Платонова, о котором не было совсем никаких указаний и не могло быть, поскольку о его причастности к делу я узнал только из стенограммы комиссии тов. Фигатнера в Ленинграде»².

¹ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1-1929. Ед. хр. 251. Л. 22.

² Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 121.

Интрига М.Н. Покровского против С.Ф. Платонова была поддержана Ю.П. Фигатнером. «Отстранив Ольденбурга, необходимо отстранить академика Платонова, кто отстранит?» — телеграфировал он в ЦК Г.К. Орджоникидзе и И.В. Сталину 1 ноября 1929 г.¹

Отставка С.Ф. Платонова стала неизбежной, и 5 ноября 1929 года Политбюро приняло принципиальное решение об этом². Кроме того, было решено поручить комиссии Ю.П. Фигатнера, с включением туда Н.В. Крыленко, «обсудить вопрос о привлечении к суду виновных в укрывательстве документов»³.

8 ноября 1929 года С.Ф. Платонов подал в отставку. «Ввиду обострения сердечного расстройства, по указанию врачей я вынужден просить об освобождении меня от обязанностей академика — секретаря ОГН...» — написал С.Ф. Платонов в своем заявлении в Президиум АН СССР⁴. Сердечная недостаточность действительно уже давно мучила ученого⁵, а неизбежные волнения, связанные с делом о выявленных архивных документах, только усугубили болезнь. Тем не менее,

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 117.

² Академическое дело. 1929—1931 гг. Вып. 1. С. XXIX.

³ Осталось еще немало хлама в людском составе // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 4. С. 105.

⁴ СПб. ф. Архива РАН. Ф.1. Оп. 17. Ед. хр. 139 (Об избрании в действительные члены АН СССР С.Ф. Платонова, 1920—1929). Л. 172.

⁵ Там же. Л. 155.

очевидно, что об истинных причинах своей отставки С.Ф. Платонов предпочел умолчать. Это же характерно и для его заявления в Отделение гуманитарных наук с просьбой об избрании нового председателя Археографической комиссии ввиду того, что срок его пребывания в этой должности (3 года «по точному указанию § 54 Устава АН СССР») уже истек¹.

Важно не упустить из виду, что Политбюро не настаивало на отрешении С.Ф. Платонова от всех должностей. Единственно, что от него требовалось, так это уход «от работы в президиуме Академии наук СССР». Однако в действительности, как мы уже знаем, С.Ф. Платонов был отстранен не только от должности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук, но и председателя Археографической комиссии, о чем в постановлении Политбюро 5 ноября 1929 г. речи не было. Кто в этом был виноват? Ответ здесь, как представляется, один — все те же силы, которые стремились с самого начала уничтожить русскую национальную историческую науку.

* * *

Дело о «неправильном» хранении в Академии наук документов актуального политического значения все в большей степени начинало приобретать политический характер. К 11 декабря 1929 года, т.е. через полтора месяца после обнаружения

¹ СПб. ф. Архива РАН. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 139. Л. 171.

злополучных документов, арестовано было 13 человек¹.

Дошла очередь и до Платонова. Инициатива возбуждения уголовного дела против него исходила от Ю.П. Фигатнера. «Следственная комиссия, — телеграфировал Ю.П. Фигатнер в Политбюро 1 декабря 1929 года, — ознакомившись с материалами и после допросов ряда лиц, считает необходимым немедленно начать официальное следствие по статье 78 (хищение или сокрытие государственных документов. — *Б.В.*) в первую очередь в отношении Платонова, Ольденбурга, Срезневского, Покровского, Андреева, Молласа, Дружинина. В процессе следствия не исключена возможность и статьи 58-11 (организация деятельности с контрреволюционными целями. — *Б.В.*). Прошу срочно согласия на начало официального следствия прокуратурой (фактически ОГПУ). Следствие будет вестись под общим наблюдением нашей комиссии»².

2. АРЕСТ С.Ф. ПЛАТОНОВА И ФАБРИКАЦИЯ ОГПУ «ДЕЛА» ИСТОРИКОВ-МОНАРХИСТОВ

В ночь на 12 января 1930 г. С.Ф. Платонов и его дочь Мария — сотрудница Публичной библиотеки — были арестованы. (Несколько позже — 14 января — была арестована еще одна дочь ученого —

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 4. С. 114.

² Там же. С. 106.

Нина.) Руководил операцией чекист Л.А. Мосевич. В качестве вещественных доказательств «контрреволюционности» 70-летнего академика были конфискованы обнаруженные при обыске на квартире ученого револьвер иностранного производства, а также старые письма на имя С.Ф. Платонова от великого князя Константина Константиновича Романова и П.Н. Милюкова.

Так, совершенно неожиданно для многих 70-летний ученый, чье имя было известно каждому образованному человеку, оказался за решеткой: сначала в доме предварительного заключения по ул. Воинова (бывшей Шпалерной), а затем, с 24 января 1931 г., в печально знаменитых ленинградских «Крестах», где уже находились арестованные ранее его друзья и ученики: А.И. Заозерский, А.И. Андреев, С.В. Рождественский. Вскоре к ним были присоединены профессор Б.А. Романов, В.Г. Дружинин, П.Г. Васенко, М.Д. Приселков, академики Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев и ряд других ученых из числа близких С.Ф. Платонову лиц.

Следователи Ленинградского ОГПУ разработали версию о создании под руководством С.Ф. Платонова из сотрудников академических учреждений контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», ставившей своей целью свержение советской власти и восстановление при поддержке извне монархии. Первоначальная версия об укрывательстве в стенах Академии важных политических документов как-то потеря-

лась и отошла на второй план, так как явно не устраивала чекистов.

Именно ОГПУ, а совсем не Политбюро, как уверяют нас авторы предисловия к публикации «Академического дела», усмотрело эмигрантский и шпионский (военно-разведывательный) след во всей этой истории с «укрыва­тельством» в Академии архивов. Что касается Политбюро, то оно скорее сдерживало ретивых чекистов. Политбюро провело и решение, согласно которому подготовленное чекистами дело до суда так и не дошло, а основные «ответчики» по нему отделались легким испугом в виде ссылки, получив возможность вернуться впоследствии к научной деятельности.

Определяя С.Ф. Платонову роль руководителя «контрреволюционной организации», следо­ватели ОГПУ знали, что делали. Ко времени своего ареста С.Ф. Платонов действительно играл роль лидера академической и — шире — всей так называемой беспартийной исторической науки. И дело здесь не только в его высоком административном положении в системе Академии наук. Крупный ученый, талантливый организатор науки, С.Ф. Платонов сумел в послереволюционные годы объединить вокруг себя не только ленинградских, но и московских историков, превратившись, к досаде М.Н. Покровского и его единомышленников, в подлинного лидера старой национальной историографии.

После ареста С.Ф. Платонова М.Н. Покровский и его друзья могли торжествовать победу. И они

действительно торжествовали. Апофеозом этого торжества стали проведенные в конце 1930-го — начале 1931 года дискуссии, посвященные «разгрому буржуазной исторической науки в СССР». В Москве одним из первых с докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия»¹ выступил С.А. Пионтковский — «гнусная, — по отзыву хорошо его знавшего Н.И. Ульянова, — личность, сексот и доносчик, погубивший в 30-х годах немало ученых и сам расстрелянный в конце концов»².

Характернейшей чертой русской дореволюционной историографии, утверждал С.А.Пионтковский, был национализм. «Буржуазная историография не изучала в истории России национальных вопросов. Вся история России была для нее лишь историей Великороссии». Главным же националистом в дореволюционной историографии был им объявлен В.О. Ключевский.

«Шовинизм Ключевского, его глубокий великорусский национализм, — заявил здесь С.А. Пионтковский, — являются характерной чертой, которую сохранила... буржуазная историография нашего времени. Великодержавность и национал-шовинизм свойственны всем буржуазным

¹ Пионтковский С.А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. М., 1930. Т.18—19. С. 170. См. также: Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.

² Ульянов Н. С.Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, Conn. 1979. С. 132.

историкам России. В своих исторических работах эти историки по своей методологии, по своим концепциям, по своей фразеологии стоят на позициях, которые свойственны зоологическому национализму московских лабазников»¹.

В Ленинграде с докладами, посвященными «вредительству» на историческом фронте, выступили: директор Института истории Комкадемии Г.С. Зайдель на тему «Тарле как историк» и доцент Ленинградского историко-лингвистического института М.М. Цвибак на тему «Платонов и его школа». В частности, Цвибак, коснувшись исторических взглядов С.Ф. Платонова, заключил, что они вполне укладываются в рамки националистического, охранительного направления в русской историографии².

Отыскал Цвибак в работах Платонова и «антисемитский душок», проводимый им «не без необходимой осторожности». Вся русская дореволюционная официальная университетская историческая наука, пришел к неутешительному выводу докладчик, «была лейб-гвардией Романовых... Поскребите... Лаппо-Данилевского — получите Пуришкевича».

До революции, доказывал он, после смерти В.О. Ключевского, С.Ф. Платонов оказался во главе националистического крыла русских историков. «Вокруг юбилеев 1909, 1912, 1913 гг.

¹ Ульянов Н. С.Ф. Платонов. С. 22—23.

² Там же. С. 70, 80, 92, 215.

складывается единство историков-монархистов. Во главе с Платоновым и Чечулиным издаются строго монархические, не чуждые антисемитского духа сборники («Полтавский сборник», «1812 год», «Начало династии Романовых», «Государи из Дома Романовых», «К 300-летию царствования Дома Романовых»). Тут подвизались наряду с черносотенцами, как Чечулин и Васенко, октябристы (Богословский) и даже кое-кто из кадетов (Пресняков)».

Все работы С.Ф. Платонова насквозь великодержавны, вторил М.М. Цвибаку его коллега Н. Попов. Великодержавным находил он даже определение задачи русской исторической науки как изучение «жизни своей национальности». «История нашей страны, по Платонову, — заявил он, — есть история русского народа, а многочисленнейшие народности нашего Союза упоминаются на страницах его работ только как объект кровавых подвигов сатрапов самодержавия, объект колонизации русского царизма, объект дворянской эксплуатации, насилий и зверств».

В угоду истории Великой России С.Ф. Платонов, заявлял Н. Попов, «не стесняется даже искажать, фальсифицировать подлинный исторический процесс, процесс героической борьбы этих народностей против колонизаторства Великой России... Заострить внимание работников исторического фронта против великодержавности в исторической науке тем более необходимо, что великодержавная идеология нашего времени

есть по существу контрреволюционная идеология прямой защиты «единой и неделимой»¹.

Можно, конечно, сказать, что задачей дискуссий явилось идеологическое обеспечение готовящегося процесса над арестованными. И действительно, факт этот, судя по всему, имел место. Но главное в них — это торжество победителей над старой, уходящей со сцены, пусть и с помощью ОГПУ, «буржуазной» исторической наукой. И дело не только в том, что освободившиеся в результате арестов кафедры перешли к победителям (Г.С. Зайдель, к слову, получил не только кафедру новой истории, но и стал первым деканом организованного в 1934 году исторического факультета ЛГУ, в Москве же эти должности достались коллеге Цвибака — Фридлянду). Гораздо важнее здесь другое. Арест С.Ф. Платонова и его коллег их враги однозначно восприняли как кровное дело, как одержанную ими победу «на историческом фронте».

3. «ДОЛГОЕ ВРЕМЯ УПОРНО МОЛЧАЛ И СОЗНАЛСЯ ПОСЛЕДНИМ»: ПОКАЗАНИЯ, ССЫЛКА И СМЕРТЬ УЧЕНОГО

Арестовали С.Ф. Платонова, как уже отмечалось, в ночь на 12 января 1930 г. Первый допрос ученого, оформленный в виде его собственно-

¹ Ульянов Н. С.Ф. Платонов. С. 93, 125.

ручных показаний, состоялся 13 января. Чего-либо принципиально нового по сравнению с уже известными нам фактами показания С.Ф. Платонова не содержат. Можно лишь подчеркнуть, что, выделив в академической среде «реакционную в смысле отношения к советской власти» группу академика В.М. Истрина и «сдержанно-корректную» группу С.Ф. Ольденбурга, сам С.Ф. Платонов не пожелал присоединить себя ни к той, ни к другой, предпочтя заявить о существовании некоей третьей группы, состоящей из его — С.Ф. Платонова, а также академиков-историков: Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева, М.К. Любавского, М.М. Богословского и «некоторых — по его словам, — других». Лидером этой третьей группы в Академии наук С.Ф. Платонов, как это видно из контекста его показаний, молчаливо признал самого себя.

Допросы от 14 и 15 января 1930 г. были посвящены выяснению политических взглядов С.Ф. Платонова, причем без всякого видимого давления (а оно маловероятно на второй день после ареста). С.Ф. Платонов почему-то сразу же признал, что он «убежденный монархист»¹. Трудно сказать, с чем была связана эта шокирующая откровенность перед следователями...

Последующие показания и протоколы допросов С.Ф. Платонова от 31 января, 4 и 25 февраля, а также 14 марта 1930 г. посвящены главным об-

¹ Ульянов Н. С.Ф. Платонов. С. 29.

разом германофильству С.Ф. Платонова, причем его «точные и откровенные» показания по этому вопросу вроде «моя связь с лидером национальной партии Германии, кандидатом в канцлеры Гетчем начинается с 1907 г., когда он был профессором Берлинского университета»¹, опять-таки, озадачивают. К чему такие подробности и такая откровенность на столь скользкую тему, да еще перед следователем-огэпэушником? Создается впечатление, что С.Ф. Платонов в эти первые недели и месяцы пребывания в тюремном заключении еще на что-то надеялся и, уж во всяком случае, пребывал в некоторой растерянности.

Согласно разработанному чекистами сценарию, речь должна была идти о создании С.Ф. Платоновым в 1927 году в недрах Академии наук контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», целью которого являлось свержение советской власти и установление конституционного монархического строя во главе с бывшим учеником С.Ф. Платонова по Военно-юридической академии великим князем Андреем Владимировичем (1876—1956). Роль премьер-министра отводилась самому С.Ф. Платонову, министра иностранных дел — Е.В. Тарле, министра юстиции — В.Н. Бенешевичу.

14 марта 1930 г. начальник 2-го секретного

¹ Ульянов Н. С.Ф. Платонов. С. 43.

отдела ОГПУ А.А. Мосевич составил официальное обвинение в отношении С.Ф. Платонова: «1930 года марта месяца 14 дня, я, полномоченный нач. 2 отд. секретного отдела (указать отдел) Мосевич А.А. (такой-то), допросив гр-на Платонова Сергея Федор[овича] и рассмотрев следственный (дознания) материал на него, по коему гр. Платонов Сергей Федорович достаточно изобличается в том, что активно участвовал в создании и возглавлял контрреволюционную монархическую организацию, ставившую своей целью свержение советской власти и установление в СССР монархического строя путем склонения иностранных государств и ряда буржуазных общественных групп к вооруженному вмешательству в дела Союза. Руководил и участвовал в практической деятельности контрреволюционной организации, выражавшейся:

1) В организации сети нелегальных контрреволюционных кружков, занимающихся антисоветской пропагандой и созданием антисоветских кадров.

2) В контрреволюционном саботаже со специальной целью ослабления власти советского правительства.

3) В оказании помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению советской власти.

4) В собирании и передаче сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государством тайной, иностранным госу-

дарствам, т.е. преступлении, предусмотренном ст. 58⁴, 58⁵, 58⁶, 58¹⁰, 58¹¹, 58¹⁴ Уголовного кодекса, руководствуясь ст. 128 и 129 Уголовно-процессуального кодекса, постановил:

Привлечь гр. Платонова Сергея Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в вышеозначенном преступлении»¹.

28 марта обвинение было объявлено С.Ф. Платонову. Это был тяжелый удар для него. Состояние здоровья С.Ф. Платонова настолько ухудшилось, что его пришлось срочно поместить в лазарет. Но пробыл он там недолго и скоро был опять возвращен в свою камеру № 202 дома предварительного заключения. 12 апреля С.Ф. Платонов написал записку в ОГПУ (в деле она приобщена к его показаниям за 14 апреля 1930 г.).

«20 марта, — пишет С.Ф. Платонов, — мне было предъявлено обвинение и 31 марта было следователем подтверждено устно — в том, что я руководил контрреволюционной организацией...

Клятвенно утверждаю, что:

1) к противоправительственной контрреволюционной организации не принадлежал и состава ее не знаю;

2) действиями ее не руководил ни прямо, ни косвенно;

3) средств ей не доставлял и для нее денег от иностранцев или вообще из-за границы не полу-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 56—57.

чал. Считал бы для себя позором и тяжким преступлением получать такие деньги для междоусобия в родной стране.

Не могу отступить от этих показаний, единственно истинных, под страхом ни ссылки, ни изгнания, ни даже смерти.

Не могу объяснить, ни самому себе представить, кто и зачем привязал меня к этому делу и орудовал моим именем. Может быть, рассчитывали на то, что мой личный авторитет и звание академика могут, с одной стороны, влиять на вербовку членов и успех дела, а с другой стороны, дадут ему иммунитет. Не думаю, чтобы кто бы то ни было хотел «погубить» меня, впутав в это дело, так как личных ненавистников не знаю и не предполагаю»¹.

Явное нежелание С.Ф. Платонова, говоря языком тогдашних огэпэушников, «расконспирироваться» привело к тому, что следователи поневоле были вынуждены временно переключиться на других, более сговорчивых и покладистых, подследственных, и в первую очередь на академика Е.В. Тарле. То, что это было именно так видно, как говорится, и невооруженным глазом. Так, в мае 1930 г. следствие побеспокоило С.Ф. Платонова своими вопросами всего два раза: 3 и 19 числа. Речь на них шла о его контактах с немецкими учеными и великим князем Андреем

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 59—63.

Владимировичем, причем С.Ф. Платонов подчеркнул, что никакого обсуждения в его кругу «вопроса о претендентах на престол не было. Мог быть только простой разговор»¹.

Такая же картина наблюдается и в июне, когда С.Ф. Платонов был допрошен всего три раза: 6, 26 и 30 числа. В результате следствию удалось получить новые признания С.Ф. Платонова в своем монархизме («по политическим убеждениям я являлся монархистом») и германофильстве («я являлся в прошлом и являюсь в настоящем и будущем сторонником германской ориентации для нашей страны»)². Важное значение имело в глазах следствия и признание С.Ф. Платонова в том, что в его кружке действительно мог иметь место некий разговор «о необходимости и стремлении к борьбе с большевиками под лозунгом «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»³.

Конечно же, от признания факта разговора о необходимости лозунга борьбы за возрождение свободной России до признания факта существования некоей контрреволюционной организации под таким же названием еще было далеко, но лед, как говорится, уже тронулся.

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 77.

² Собственноручные показания С.Ф. Платонова 26 июня 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 82.

³ Там же. С. 84.

Допросы С.Ф. Платонова 4 и 11 июля ничего существенного к ранее им сказанному не прибавили, после чего вплоть до 9 августа, т.е. почти месяц, его никто не беспокоил. Очевидно, что следствие было занято работой с другими подследственными. Следует иметь в виду, что круг арестованных к этому времени пополнился новыми лицами.

Важной вехой в фабрикации «дела академиков» явились аресты в феврале 1930 года целого ряда видных деятелей Центрального бюро краеведения РСФСР: Б.Б. Веселовского, Д.О. Святского, С.И. Тхоржевского, М.П. Бабенчикова, М.Н. Смирнова и др., и его филиалов на местах¹. Это давало следствию возможность представить «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» как крупную силу с разбросанными по всей стране первичными организациями.

Следует иметь в виду, что краеведческое движение в 1920-е гг. носило в нашей стране массовый характер. Одних только местных организаций насчитывалось до двух тысяч с 50 тыс. активистов. Еще в 1921 г. краеведы объединились в Центральное бюро краеведения при Академии наук во главе с С.Ф. Ольденбургом. «На краеведов и экскурсоводов с ними связанных, — показывал в 1931 г. в ходе следствия Е.В. Тарле, — Платонов, Богословский и Рождественский смотрели как на одно из средств по «воскрешению

¹ Акинышин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 176.

национального духа», в исчезновении которого они видели причину всех зол. Сам Платонов ездил на Мурман и соби-
рался вообще встать близко к изучению Севера»¹. Определилось в конце концов следствие и по вопросу о том, как же все-таки быть со связанными с С.Ф. Платоновым московскими историками круга М.М. Богословского.

В ночь с 9 на 10 августа 1930 года были арестованы профессора Московского университета академик М.К. Любавский, члены-корреспонденты АН СССР Ю.В. Готье и Д.Н. Егоров, профессор С.К. Богоявленский, 12 августа арестовали члена-корреспондента АН СССР, профессора МГУ А.И. Яковлева, 18 августа профессора С.В. Бахрушина, 14 сентября — белорусского академика профессора В.И. Пичету. Из нового, уже советского поколения историков в 1930 году в Москве были арестованы И.А. Голубцов и Л.В. Черепнин. Сразу же после ареста ученые доставлялись в Ленинград, где подвергались усиленным допросам. Так, благодаря стараниям следователей Ленинградского ОГПУ, «дело» С.Ф. Платонова и его коллег переросло региональный ленинградский характер и стало приобретать зловещие черты крупномасштабного контрреволюционного заговора...

По линии выявления церковных контактов С.Ф. Платонова и его «группы» были проведены

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Ч. 1. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998. С. 215.

аресты среди ленинградских священнослужителей. 8 июля 1930 года были арестованы священник Крестовоздвиженской церкви в Ленинграде А.В. Митроцкий и священник Покровско-Коломенской церкви Н.В.Чепурин. В сентябре-декабре 1930 года — священники Русской православной церкви: А.А. Алашев, Ф.И. Знаменский, М.Г. Митроцкий, П.П. Аникиев, пастор-проповедник лютеранской церкви Св. Екатерины А.Ф. Фришфельд, священник-старобрядец И.П. Астанин¹.

Что касается С.Ф. Платонова, то следует признать, что по настоящему за него взялись только с 11 августа 1930 г., когда всего за 20 дней он допрашивался 10 раз, т.е. ровно столько, сколько за предшествующие 4 месяца. К этому времени у следователей было уже достаточно показаний, полученных от Е.В. Тарле, Н.В. Измайлова и др. подследственных, вполне «доказывающих» как сам факт «контрреволюционной» организации, так и первенствующую роль в ней С.Ф. Платонова.

9 августа 1930 г. состоялась очная ставка С.Ф. Платонова с бывшим библиотекарем БАН А.А. Петровым, который утверждал, что еще осенью 1928 г. Н.В. Измайлов якобы вовлек его в некую монархическую организацию в Академии наук во главе с С.Ф. Платоновым. Организация, показывал А.А. Петров, ставила своей целью

¹ Архив ФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области. № 12658. Т.8. Л. 21—24.

«свержение советской власти» и возведение на престол великого князя Андрея Владимировича. Более того, как следовало из показаний А.А. Петрова, по поручению С.Ф. Платонова ему даже пришлось передать некий пакет в польское консульство. С.Ф. Платонов, разумеется, все эти домыслы категорически отрицал. К счастью для него, никогда не бывавший ни в одном из иностранных консульств бедный библиотекарь настаивал на том, что польское консульство, которое он посетил по заданию С.Ф. Платонова, располагалось по адресу: пр. 25 Октября (Невский пр.), д. № 8, в то время как на самом деле оно располагалось совсем по другому адресу (по улице Рошалья), на что справедливо и указал С.Ф. Платонов¹. Организованная следователями провокация, таким образом, неожиданно провалилась.

Тем не менее для С.Ф. Платонова наступили плохие времена. Правда, 11 августа в своих собственноручных показаниях он еще старался «держать удар» и энергично отрицал какие-либо переговоры по политическим или организационным вопросам с деятелями русской эмиграции. Категорически отверг он и обвинения в приверженности идеям интервенции в СССР иностранных государств с целью изменения здесь общественного строя. Никакой контрреволюционной организации под его руководством в Академии наук

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 91—94.

никогда не существовало, утверждал он, и речь может идти всего лишь о небольшом кружке единомышленников.

Поскольку следствие настаивало, что в своих предыдущих показаниях С.Ф. Платонов уже якобы признал, что вел борьбу с существующим советским порядком, ученый вынужден был пояснить, что он отнюдь не имел в виду политическую борьбу. «Единство настроения и работа в ученых кружках — это единственные элементы борьбы мне в этом деле известные, — заявил он. — Ни в чем другом борьба моя против советской власти не выражалась. Только в период «чистки» Академии (1929) я решительно боролся против внедрения в Академию наук на службу лиц, выдвигаемых общественностью, но не соответствующих делу ни знаниями, ни личными свойствами. Других форм борьбы за собой не ведаю»¹.

Однако уже на допросе от 12 августа С.Ф. Платонов неожиданно «сломался» и согласился признать, что в конце 1927 г. у него и у его друзей-единомышленников (Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева, С.В. Рождественского, А.И. Андреева, Н.В. Измайлова) возникла мысль о необходимости придания их встречам «характера организованности». Состоялось несколько совещаний, на которых присутствовал специально приезжавший для этого из Москвы академик М.М. Богословский.

¹ Собственноручные показания С.Ф. Платонова 11 августа 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 97.

В результате весной 1928 г. вопрос этот якобы был решен положительно, и организация, получившая название «Всенародный Союз за возрождение свободной России», была создана¹.

Ничего нового своими признательными показаниями С.Ф. Платонов следователям не сообщил, поскольку все это уже было «известно» им из показаний других подсудимых, и в частности Е.В. Тарле². Тем не менее, вымученные у С.Ф. Платонова показания были большим успехом следствия, т.к. без недвусмысленных признаний руководителя «контрреволюционной организации» в самом факте ее существования передавать дело в суд и идти с ним на открытый процесс (а именно таков был первоначальный замысел) было, конечно же, нельзя.

Затронутые в показаниях С.Ф. Платонова сюжеты являлись своеобразной подготовкой к основному признанию ученого, сделанному им 19 сентября 1930 г. и посвященному тому главному, что от него, собственно, и требовало следствие, — «раскрытию» структуры и личного состава «контрреволюционной организации».

К сожалению, до нас не дошли вопросы следователей к С.Ф. Платонову, без чего не так рельефно выступает то огромное давление, которое оказывалось на него в процессе следствия, и то

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 100.

² Там же. С. 60, 214, 215 и др.

неимоверное интеллектуальное и моральное напряжение, потребовавшееся от него в отстаивании избранной им линии поведения или, быть может, правильное сказать, своей защиты, ибо защитить С.Ф. Платонова в создавшейся ситуации мог только он сам.

Согласившись подтвердить показания своих однодельцев в том, что касалось его лично, С.Ф. Платонов оставался в то же время непреклонен во всем, что могло быть использовано против его однодельцев, друзей и учеников. Другими словами, и в тюремной камере С.Ф. Платонов оставался самим собой; вынужденный его компромисс со следствием очевиден, но дух ученого сломлен все-таки не был и морального падения, как это случилось с его коллегой Е.В. Тарле и некоторыми другими подследственными, у него не произошло.

С полным основанием можно сказать, что в ходе следствия 70-летний больной ученый не только не уронил высокого звания Учителя, но и преподавал своим ученикам, оказавшимся слишком «словоохотливыми», последний и, быть может, самый важный для них урок — урок гражданского мужества и высокой нравственности.

* * *

О результатах следствия впервые публично было объявлено 2 февраля 1931 года, когда на чрезвычайном Общем собрании Академии наук СССР ее неперемный секретарь В.П. Волгин

сообщил собравшимся «об установлении факта участия» С.Ф. Платонова и его коллег Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева и М.К. Любавского в «контрреволюционном заговоре», в связи с чем они были исключены из состава ее действительных членов — одна из наиболее позорных и тяжелых страниц нашей истории науки.

Оставшиеся на свободе младшие коллеги и ученики С.Ф. Платонова из опасений за свою судьбу вынуждены были отречься от него. «Что думал перед смертью знаменитый русский историк, — писал в этой связи А. Изюмов, — я не знаю. Мне кажется, что деяния чекистов его не удивляли: он чересчур хорошо знал историю Смутного времени. Но вот плевки, которыми награждали его же ученики, я думаю, доставляли ему наибольшие страдания»¹.

Тем временем 10 февраля 1931 года по приговору «тройки» ОГПУ была решена судьба первой, самой крупной партии арестованных (84 человека): 29 человек были приговорены к расстрелу, остальные 53 подлежали отправке в исправительно-трудовые лагеря сроком от трех до десяти лет, двое — к трехлетней ссылке. Однако расстреляно было не 29 человек, а только шестеро: бывшие офицеры Л.А. Кованько, В.Ф. Пузинский,

¹ Изюмов А.И. С.Ф. Платонов: Случайные встречи. Гуверовский институт при Стэнфордском университете (США). Архив. Коллекция Б.И. Николаевского. № 776-8. Л. 6.

А.С. Путилов, Я.П. Купреянов, П.И. Зиссерман, Ю.А. Вержбицкий.

В отношении остальных постановлением Коллегии ОГПУ 10 мая 1931 года предыдущее решение тройки было пересмотрено в сторону смягчения с заменой расстрела на концлагерь сроком от пяти до десяти лет¹.

Со страхом и тревогой ожидалось решение по последней, руководящей группе, куда, собственно, и входили ленинградская и московская профессура. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года 10 человек были отправлены в концлагерь сроком от трех до пяти лет, 18 (в том числе С.Ф. Платонов) были приговорены к «высылке в отдаленные места СССР» сроком на пять лет; три года ссылки в Западную Сибирь получил А.Г. Вульфиус².

Местом ссылки С.Ф. Платонова и его дочерей Марии и Нины была определена Самара. Нина Сергеевна стала работать там преподавателем французского языка в Сельскохозяйственном институте. Мария же устроилась на работу в библиотеку. Зимой 1932 г. С.Ф. Платонова навестила еще одна его дочь — Наталья Сергеевна с внучкой Таней. Летом этого же года она вернулась к мужу, Н.В. Измайлову, сосланному в Печору, оставив в Самаре на попечении отца и сестер свою дочь. Это отчасти скрасило последние дни

¹ Архив ФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области. № 12658. Т. 7. С. 227, 228; П.-65245. Т. 17. Л. 222.

² Там же. Ед. хр. П.-65245. Т. 17. Л. 222.

Травля русских историков

Платонова. Умер С.Ф. Платонов в больнице 10 января 1933 г. от хронического фиброза миокардита. Здесь же, в Самаре, на городском кладбище его и похоронили. Сохранилась ли могила ученого — не известно. Так закончилась жизнь этого замечательного ученого и патриота, оставившего крупный след в нашей историографии.

Часть III

АКАДЕМИК Е.В. ТАРЛЕ И ЕГО «ДЕЛО»

1. ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ (1874—1929 гг.). АРЕСТ (1930) И ПЕРВЫЕ ПОКАЗАНИЯ УЧЕНОГО

Родился Евгений Викторович Тарле 27 октября (8 ноября) 1874 г. в Киеве в зажиточной еврейской семье¹. Отцом будущего историка был владелец магазина готового платья на Киевском Подоле купец 2-й гильдии Виктор Григорьевич Тарле, мать — Розалия Арнольдовна Тарле. В семье было пятеро детей.

Детские годы Е.В. Тарле прошли в Херсоне, где подвизался в качестве коммерческого агента страхового общества его отец. Что касается имени, то следует иметь в виду, что первоначально оно звучало как Григорий. Имя Евгений он получил только в 1893 г., когда в возрасте 19 лет он перешел из иудаизма в православие. Поводом для этого стала женитьба на 19-летней девице Ольге Григорьевне Михайловой — дочери

¹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Ч. 1. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998. С. LXVI.

дворянина. Само бракосочетание состоялось 5 сентября 1893 г. в Свято-Георгиевской церкви села Егоровка Одесского уезда.

К этому времени Е.В. Тарле был уже студентом 2-го курса историко-филологического факультета Новороссийского университета, куда он поступил в 1892 г. после окончания 1-й Херсонской гимназии¹. Однако уже через год перевелся на историко-филологический факультет Киевского университета Св. Владимира. В 1896 г. у этой четы появился сын, названный в честь деда Виктором. Однако в 1899 г. он умер. Больше детей у супругов Е.В. и О.Г. Тарле не было. Однако крепости их семейных уз это нисколько не помешало. Е.В. Тарле был однолюб. «Многих на своем веку видел, у многих имел успех, — а любил и люблю по-настоящему только тебя, всегда и неизменно. И это — с 18 лет, когда встретил тебя», — писал Е.В. Тарле своей жене из тюрьмы 10 октября 1930 г.²

Но вернемся к студенческим годам Евгения Викторовича. Оставленный после окончания университета профессором И.В. Лучицким для подготовки к профессорскому званию, Е.В. Тарле не только работал над диссертацией «Обществен-

¹ Тарле Е.В. Воспоминания об учебе в Херсонской гимназии // Украинский исторический журнал. 1957. № 1. С. 131—133.

² Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк... С. ХСVI.

ные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени»¹, но и был прикосновенен к социал-демократическим кружкам, печатаясь в то же время в либеральной прессе. Как говорится в донесении начальника Киевского жандармского управления генерал-лейтенанта Навроцкого директору Департамента полиции в Петербурге, 29 апреля 1901 г. во время стачки пекарей и булочников в Киеве стипендиат университета Св. Владимира Е.В. Тарле был «застигнут» в числе 55 человек нелегальной сходки в помещении студенческой столовой, арестован и привлечен к дознанию в качестве обвиняемого.

Под арестом Е.В. Тарле пробыл сравнительно недолго и уже 3 июня 1901 г. в числе немногих был освобожден и выслан из Киева. И сразу же по городу поползли слухи «совершенно, — как уверял начальник Киевского губернского жандармского управления, — ложные», что, находясь в тюрьме, Тарле «не был солидарен с другими,.. отстал от них, выдал в показаниях своих товарищей и состоит агентом жандармского управления»².

Слухи эти переросли в уверенность, когда стало известно, что Е.В. Тарле получил разреше-

¹ Тарле Е.В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901.

² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 65245. Т. II. Л. 61.

ние приехать на несколько дней из Варшавы в Киев для защиты своей диссертации, которая и произошла 14 октября 1901 г. Вот здесь-то и решила дать бой «демократически настроенная молодежь» и «либеральная профессура» мнимому «предателю», устроив ему обструкцию. Из семи выступивших профессоров: Н.М. Бубнов, Н.П. Дашкевич, Е.Н. Трубецкой и др. только один — его научный руководитель профессор И.В. Луцицкий положительно оценил диссертацию. Все остальные сошлись в том, что труд Е.В. Тарле «неудовлетворителен» вследствие плохого знания им литературы и крайне неудачного перевода «Утопии» Томаса Мора, поспешно сделанного им с «плохого» немецкого издания. А взявший слово в качестве неофициального оппонента профессор В.В. Водозов свое отношение к диссертанту выразил более чем прямо, назвав Е.В. Тарле «непорядочным даже переводчиком». Все это сопровождалось аплодисментами, смехом, шиканьем, топотом ног и выкриками из зала, когда побледневший Е.В. Тарле пытался отвечать своим критикам. Диссертация, защита которой продолжалась пять часов, все же прошла (6 — за, 3 — против). 15 октября Е.В. Тарле по требованию полиции вынужден был покинуть Киев¹.

«Киевская история» больно ударила по самолюбию Е.В. Тарле. Однако научной карьере его

¹ Диспут // Киевлянин. 1901. 15 октября. Л. 2—3.

она не помешала, и в 1903 г. он получил престижное по тем временам место приват-доцента по кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета. Не остудила она и горячую голову молодого ученого, лекции которого по истории Французской революции отличались большой тенденциозностью, с чем, собственно, и была связана их популярность среди студенческой молодежи.

18 октября 1905 г. по случаю издания царского манифеста у здания Технологического института состоялась антиправительственная демонстрация, участвовал в ней и Е.В. Тарле, выступив с яркой, эмоциональной речью о значении Французской революции. Ранение Е.В. Тарле, полученное им от удара палашом корнетом Фроловым, наделало в свое время много шума. Сам корнет, еще совсем молодой человек, присланный во главе эскадрона конногвардейцев для поддержания порядка, оправдывал свои действия тем, что «бросился» в атаку, во время которой пострадал Е.В. Тарле, выведенный из себя напором сыпавшихся на него незаслуженных оскорблений¹.

Биограф Е.В. Тарле, Е.И. Чапкевич, утверждает, что ученый был ранен в голову². Существует, однако, и другая версия этого инцидента, со-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 октября. С. 4.

² Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977. С. 31.

гласно которой удар палашом был нанесен все-таки не по голове, а по плечу, причем причиной неадекватного поведения корнета Фролова явились неосторожные слова Тарле по адресу его матушки, бывшей любовницы Евгения Викторовича¹.

Как бы то ни было, история эта получила большой резонанс в обществе и еще больше упрочила популярность Е.В. Тарле в либеральных и демократических кругах, а его фотография, запечатлевшая забинтованного приват-доцента на больничной койке, не только появилась в газетах, но и была даже издана в виде почтовой открытки. Заслуживает внимания мнение об этой истории такого авторитетного человека, как С.Ю. Витте, бывшего в ту пору председателем Совета министров. «Признаться, — писал он в своих воспоминаниях, — я тогда Тарле не пожалел, так как он все смутное время в университете читал тенденциозные лекции о Французской революции, и не счел приличным хотя бы после 17 октября держать себя спокойно, как подобало бы себя уважающему профессору»².

Последующие годы политическая физиономия Е.В. Тарле приобрела еще более радикальный характер: есть даже сведения о принадлежности Евгения Викторовича к меньшевистской группе РСДРП.

Общественная активность Е.В. Тарле орга-

¹ Шабельская Е.А. Красные и черные. Ч. III. СПб., 1913. С. 62.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. III. М., 1960. С. 102.

нично сочеталась у него с напряженной научно-исследовательской деятельностью. В 1909—1911 гг. выходит в свет капитальная работа Е.В. Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789—1799)»¹, защищенная им 27 апреля 1911 г. в качестве докторской диссертации. В качестве официальных оппонентов на защите выступили проф. Н.И. Кареев, Э.Д. Гримм, И.В. Лучицкий². В 1913 г. Е.В. Тарле публикует новую работу «Континентальная блокада»³, в 1916 г. — еще одну — «Экономическая жизнь королевской Италии в царствование Наполеона I»⁴.

Вскоре после защиты докторской диссертации весной 1913 г. Е.В. Тарле был назначен профессором Юрьевского университета, где он и проработал вплоть до весны 1918 г.

Февральскую революцию Е.В. Тарле встретил, таким образом, в Юрьеве. Причем, как пишет его современный биограф Б.С. Каганович: «...встретил с радостью и энтузиазмом, она была осуществлением его многолетних чаяний. Со многими членами Временного правительства (Милюков, Керенский и др.) он был давно хорошо

¹ Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789—1799). Ч. I—II. СПб., 1909—1911.

² Газета «Речь». 25 апреля. 1911. С. 1.

³ Тарле Е.В. Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. СПб., 1913.

⁴ Тарле Е.В. Экономическая жизнь королевской Италии в царствование Наполеона I. Юрьев, 1916.

знаком»¹. О чувствах, которые испытал Е.В. Тарле в связи с Октябрьской революцией, ничего не известно. Как бы то ни было, уже весной 1918 г., после того как Лифляндия была оккупирована немцами, Е.В. Тарле возвращается в Петроград, где он сразу же был избран профессором кафедры всеобщей истории Петроградского университета. Кроме того, по предложению С.Ф. Платонова он возглавил одновременно с этим и историко-экономическую секцию Центрального архива РСФСР.

Начинается процесс сближения Е.В. Тарле с кружком С.Ф. Платонова и его семьей, хотя, казалось бы, более далекого от С.Ф. Платонова и его окружения человека, чем Е.В. Тарле, представить себе трудно. Внимание же С.Ф. Платонова Е.В. Тарле привлек тем, что старался направить на научный путь его старшую дочь Нину — сотрудницу Русского музея, занимавшуюся Вольтером и историей Французской революции. Ученицей Евгения Викторовича считала себя и другая дочь С.Ф. Платонова — Наталья Сергеевна. Во всяком случае, уже с начала 1920 годов Е.В. Тарле становится своим человеком в семье С.Ф. Платонова.

Однако по-настоящему близких отношений между двумя учеными так и не установилось. Как бы то ни было, Е.В. Тарле, как показывал в 1930 г. профессор С.В. Рождественский, «...был кумиром

¹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк... С. LXXXII.

в семье Платоновых. Он, можно сказать, очаровал его дочерей, в частности, Наталью и Нину, и без его участия редко разрешались какие-либо важные вопросы... В моих глазах, — продолжал далее С.В. Рождественский, — Тарле всегда был корыстным человеком, большим любителем денег, ради них он всегда был готов на все»¹.

Что касается политических взглядов Е.В. Тарле, то здесь С.В. Рождественский был менее определен. Если в кружке С.Ф. Платонова Е.В. Тарле, по его словам, «всегда был ярым монархистом», то в других местах и с другими людьми, он, по его наблюдениям, «мог представиться человеком совершенно других политических настроений»².

Арестованный Ю.Г. Оксман в своих показаниях 1930 г. сближение Е.В. Тарле с С.Ф. Платоновым в середине 1920-х гг. склонен был объяснять как определенный тактический ход с его стороны, необходимый ему для успешного избрания при поддержке С.Ф. Платонова в Академию наук³. И действительно, уже в декабре 1921 г. по представлению академиков С.Ф. Платонова и Ф.И. Успенского Е.В. Тарле был избран членом-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 65245. Т. V. Л. 328 об.

² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 65245. Т. V. Л. 328 об.

³ Показания Ю.Г. Оксмана (1930) // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Ч. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998. С. 594.

корреспондентом Российской академии наук. 7 мая 1927 г. по представлению академиков Ф.И. Успенского, В.П. Бузескула, М.М. Богословского и С.Ф. Платонова Е.В. Тарле был избран действительным членом Академии наук СССР.

В 1922 г. под редакцией Ф.И. Успенского и Е.В. Тарле начал выходить журнал по всеобщей истории «Анналы». Фактическим редактором его был Е.В. Тарле. У него же на квартире располагалась редакция журнала. Среди его авторов — Ф.И. Успенский, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский, А.Е. Пресняков, Д.Н. Егоров, С.А. Жебелев, В.Н. Бенешевич и другие крупные ученые. Последний, четвертый том издания вышел в 1924 г.

И, конечно же, как и в дореволюционные годы, Е.В. Тарле много выступал с публичными лекциями по вопросам внешней политики. Лекции эти неизменно пользовались большим успехом у слушателей, так как Е.В. Тарле был замечательным лектором. Весьма плодотворными оказались 1920-е гг. для Е.В. Тарле и в научном плане. Одна за другой выходят в 1928 г. его монографии: «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца империи до восстания рабочих в Лионе» (М.; Л., 1928) и «Европа в эпоху империализма (1871—1919)» (Л., 1928). В последней из них Е.В. Тарле, в частности, показал, что виновниками развязывания Первой мировой войны были все великие державы — и те, которые объявили войну, и те,

которым она была объявлена, в том числе и Россия. Это, однако, не спасло его от яростных нападок М.Н. Покровского, обвинившего автора в антантофильстве¹.

С 1924 г. практически ежегодно Е.В. Тарле ездил от Ленинградского университета, а затем и Академии наук в научные командировки во Францию — Национальный архив, Национальную библиотеку и Архив Министерства иностранных дел в Париже. Здесь, собственно, и был собран материал, легший в основу его работ в середине и второй половине 1920-х годов, о которых у нас уже шла речь. Заграничные командировки дали Е.В. Тарле прекрасную возможность познакомиться практически со всеми светилами тогдашней французской исторической науки: А. Оларом, К. Блоком, Ш. Шмидтом, Э. Дрио, Ш. Сеньобосом, а также знаменитыми филологами С. Леви и А. Мазоном. Именно этому обстоятельству — обширные зарубежные знакомства Е.В. Тарле вкупе с его тесными связями с С.Ф. Платоновым и его кружком — и был, судя по всему, обязан новоиспеченный академик своему аресту.

Правда, ввиду заграничной командировки, в которой находился в январе 1930 г. Е.В. Тарле, сделать это одновременно с арестом С.Ф. Платонова чекистам не удалось. И «взяли» они его чуть позже — 28 января 1930 г. Арестом и обыском в квартире академика руководил сотрудник

¹ Покровский М.Н. «Новые течения» в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. VII. С. 12.

ОГПУ А.А. Мосевич. При обыске были изъяты: записные книжки и «разная переписка» Е.В. Тарле¹.

Начались усиленные допросы. Следствие интересовал, главным образом, академик С.Ф. Платонов. «С Платоновым, — заявил Е.В. Тарле, — я знаком еще со времени, когда я был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. За это время наши взаимоотношения с ним пережили и периоды больших сближений, и, наоборот, иногда мы расходились. Я знал и знаю Платонова как убежденного монархиста. Вспоминаю, что и в прошлом, и в последнее время он заявлял о своих симпатиях к монархии. Однако к царю Николаю II он относился плохо, считал его дегенератом; так же плохо относился к его детям, считал их плохо воспитанными, по его словам, «как дети армейского офицера». Хорошо относился Платонов к Константину Константиновичу, но в такой же примерно степени он не терпел Николая Михайловича и чрезвычайно резко отзывался о распутинской клике. В вопросах международной политики Платонов являлся германофилом. Это свое германофильство Платонов часто проявлял и подчеркивал. Так, например, он считал большой ошибкой русско-германскую войну 1914—1917 гг.; подчеркивал большое трудолюбие, организованность и культуру немцев; утвер-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 5.

ждал, что немцы хотя и разбиты, но дадут себя знать, так как у них силы есть и т.д. Он был большим сторонником русско-германского союза в прошлом. Был ли он таким же сторонником союза Германии с Россией в настоящем и будущем, я сказать не могу, т.к. не помню, чтобы мне Платонов об этом говорил. В этих вопросах я с Платоновым расходился. Правда, я заявлял, что Германия экономически себя восстановит быстро, но что касается восстановления и в международной политике, я считал, что это едва ли будет в ближайшем будущем.

Об отношении Платонова к советской власти, — показывал Е.В. Тарле, — могу сказать, что он советскую власть признавал, но, конечно, с ней во многом расходился, я его считал монархистом в прошлом, но оппортунистом в настоящем. Я никогда не думал, что он ведет такую большую политическую игру. Может быть, это объясняется тем, что я с ним не был интимно связан, и в его отношениях ко мне проявлялась всегда какая-то двойственность. Это выражалось, в частности, в том, что, поддерживая со мной дружественные отношения, он, вместе с тем, как об этом еще передавали другие, отзывался обо мне иронически»¹.

Как видим, ни о какой контрреволюционной организации во главе с С.Ф. Платоновым в пер-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 14—15.

вых показаниях Е.В. Тарле еще нет и речи. Отрицает он и какие-либо разговоры в окружении С.Ф. Платонова о желательности военной интервенции в СССР и возможных кандидатурах на российский престол. Можно, таким образом, констатировать, что ничего существенного следствию первые допросы Е.В. Тарле не дали.

4 февраля 1930 г. Е.В. Тарле направил на имя начальника секретно-оперативного отдела ОГПУ С.Г. Жупахина заявление. «Уважаемый Сергей Георгиевич. Очень прошу Вас вызвать меня, когда Вы будете в Доме предварительного заключения, на личную беседу по моему вопросу. С уважением, акад. Е. Тарле»¹. Такая возможность ему была тут же предоставлена. Так началось нравственное падение, или «затмение», Е.В. Тарле — тема, на которую не слишком любят распространяться наши историки.

Дело в том, что результатом этой беседы академика с видным чекистом стали показания Е.В. Тарле от 8 февраля 1930 г., оформленные, в отличие от его последующих собственноручных показаний, как протокол допроса.

«Признаю, — заявил здесь Е.В. Тарле, — что в Ленинграде в академической и научной среде существовала контрреволюционная организация во главе с академиком С.Ф. Платоновым. По своим программным установкам, по политическим

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 17.

взглядам организация была конституционно-монархической. Будущий государственный строй России представлялся членам организации как конституционно-монархический. По своей внутренней политике организация ориентировалась на зажиточное, собственническое крестьянство как социальную базу конституционной монархии России.

В международной политике организация ориентировалась на тесный военно-политический союз будущей монархической России и будущей монархической Германии, судя по тому, что именно таковы убеждения Отто Гетча, который всегда это пропагандировал. В этом направлении лидером организации С.Ф. Платоновым велись разговоры с лидерами германских националистов, в частности с лидерами националистов Шмидт-Оттом, Отто Гетчем и другими. В качестве претендента на российский престол организация ориентировалась на Андрея Владимировича, ученика Платонова, и о котором последний весьма хорошо отзывался. Подробно о характере бесед мне неизвестно.

Как мне известно, немецкие монархисты к кандидатуре Андрея Владимировича относились положительно. В своей практической деятельности внутри СССР организация ставила задачи пропаганды конституционной монархии и подготовку кадров. Это осуществлялось путем организации соответствующих кружков: кружок «молодых историков» и кружок Заозерского. Из состава этих кружков мне известны лишь отдельные

лица, например Тхоржевский, Гринвальд, Насонов, Степанов и другие. Наиболее близкими Платонову людьми были Рождественский, Лихачев, Васенко.

Все эти показания являются основными, но требуют детальной обработки с моей стороны в смысле их развития и полноты, что обязуюсь с полной откровенностью сделать на следующих моих допросах»¹.

2. «Я ВСЕ СДЕЛАЮ,
ЧТОБЫ УДОВЛЕТВОРИТЬ СЛЕДСТВИЕ...»: **ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ СОГЛАШАТЕЛЬСТВА**

17 февраля Е.В. Тарле признал ранее отрицаемый им факт обсуждения в платоновском кружке кандидатуры великого князя Андрея Владимировича на российский престол², 19-го — сообщил, что С.Ф. Платонов имел связь с бывшим председателем Совета министров В.Н. Коковцовым, к которому он якобы и привозил в Париж «интересные сообщения и характеристики»³.

Столь ошеломляющий успех следствия был связан не только с обычной для российского интеллигента трусоватостью Е.В. Тарле, но еще и с большой подготовительной работой, которая была проведена к этому времени чекистами с другими подследственными (напомним, что из

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 17—18.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 27.

основной группы арестованных по «Академическому делу» ленинградских историков Е.В. Тарле взяли едва ли не последним). Признательными показаниями ряда «сломавшихся» к этому времени коллег Е.В. Тарле теперь и оперировало следствие. Более того, арестованному академику сознательно внушалось, что и С.Ф. Платонов якобы уже «сдал» его, указав как на члена своей организации. Это, конечно же, была сознательная ложь следователей. Тем не менее свое дело она сделала, и Е.В. Тарле охотно поверил этой клевете. Более того, он был даже страшно возмущен «предательством» С.Ф. Платонова.

«Что касается включения Платоновым меня в какой-то комитет или совет, то это возмутительное с его стороны злоупотребление моим именем, — заявил Е.В. Тарле. — Теперь я вполне понимаю, как он осмелился это сделать: с одной стороны, я считаюсь знакомым с международной политикой, а с другой стороны, он, очевидно, считал, что «наметить» меня можно, а дело далекое — сказать, объясниться всегда можно успеть. Ведь и вообще Платонов смотрел на меня как на чужого, никогда меня не допускал до той близости, как своих друзей, рассчитывая, очевидно, что, будучи чужим и малосимпатичным ему человеком, я все же смогу при случае пригодиться»¹.

Уже с 1928 г., показывал далее Е.В. Тарле, он

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 25—26.

стал замечать по отношению к себе явную неискренность и даже враждебность со стороны С.Ф. Платонова. Но истинные свои чувства, заявил Е.В. Тарле, С.Ф. Платонов обнаружил только теперь. «Когда я ему уже не нужен и когда, не довольствуясь несчастьем, которое он мне принес, он пытается инсинуировать против меня»¹.

«Я на них (С.Ф. Платонова и людей его круга. — *Б.В.*) смотрю теперь, — отмечал Е.В. Тарле в своих показаниях 9 апреля 1930 г., — даже не как на противников, а как на врагов, и это чувство все усиливается по мере размышлений над всем этим гнусным делом. Покрывать этих людей в чем бы то ни было у меня нет ни малейшего желания. И если я чего-либо не говорю о них, то исключительно потому, что не знаю очень многого, что они делали и говорили. Думаю, что прилагаемые дополнения об этом достаточно свидетельствуют. Я считаю позором для себя привлечение по этому делу и некоторой моральной реабилитацией выделение меня из этого дела. Дальнейшей реабилитацией будет вся моя дальнейшая деятельность»².

Естественно, что следствие постаралось как можно эффективнее воспользоваться таким настроением Е.В. Тарле и закрепить свой успех,

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 26—27.

² Собственноручные показания Е.В. Тарле 17 февраля 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998. С. 57—58.

что и было блестяще им осуществлено в показаниях Е.В. Тарле (11, 14, 17, 19, 20 и 21 февраля 1930 г.). «В развитие своих совершенно точных и откровенных показаний, — заявил Е.В. Тарле 11 февраля 1930 г., — сообщаю, что существовавшая организация, в которой Платонов играл одну из руководящих ролей, по моим данным, состояла из следующих лиц: Рождественского, Лихачева, Радлова Э.; близко были к Платонову, как к одному из руководителей организации, Любавский и Егоров. Программа организации была конституционно-монархическая.

Практическая деятельность выражалась в пропаганде конституционно-монархических идей и в выращивании кадров путем организации различного рода нелегальных кружков и объединений, которыми руководил Академический центр, являющийся составной частью организации. Будущее Советского Союза представлялось большинству членов организации так, что советская власть, чтобы укрепиться, должны эволюционировать в направлении буржуазно-демократическом, что завершится конституционной монархией, что будущая конституционно-монархическая Россия должна пребывать в тесном союзе с конституционно-монархической Германией.

Это будет могущественный союз, влияющий на весь мир. К этому стремятся Отто Гетч и Шмидт-Отт, связанные с организацией через посредство Платонова. Организация пользовалась пересылкой для себя литературы через БЮК, а

также через оказии. Организация имела разветвление в Москве. К Платонову близко стояли — Любавский, Егоров.

Показание это мною собственноручно написано, в чем и подписываюсь»¹.

Особый упор делал Тарле на националистических устремлениях С.Ф. Платонова: «...О Платонове, как о выразителе русской национальной идеи, говорил Карсавин на юбилее Платонова в 1920 г. С Карсавиным, по словам Платонова, он виделся в 1926 г. В настоящее время Карсавин читает лекции в Богословском институте в Париже». В кругу Платонова, добавляет Тарле, часто «говорили против крайней украинизации».

Рассказывая о составе, целях и задачах организации, якобы созданной Платоновым, и признавая факт своего участия в ней, Тарле в свое оправдание пишет: «Не умаляя своей ответственности за участие в организации, я все же считаю нужным объяснить, в силу каких обстоятельств объективного и субъективного порядка я оказался в ее составе.

Я категорически заявляю, что в данный момент желаю быть вполне искренним и последовательным в своем раскаянии.

Беспартийным социал-демократом я считал себя со студенческих времен. В первые годы после Октябрьской революции я склонялся к Мартову, переходя на интернационалистическую по-

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 17 февраля 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 18—19.

зицию. Потом я перестал пристально следить за текущей политикой соввласти, допуская выводы о неправильности целого ряда мероприятий соввласти, особенно в области внутренней политики.

В моем поведении и в степени моего участия в организации, кроме политических ошибок, большую роль сыграли личные черты характера, согласно которым я избегал резких и отчетливых постановок вопросов, а также, в силу неизвинительного оппортунизма, часто избегал возражать другим членам организации в случае своего с ними несогласия. Кроме того, сыграли очень большую роль мои личные взаимоотношения с членами организации. Прошу верить, что меня, на первой стадии моего участия, сблизили с членами организации, в частности с Платоновым, в первую очередь научные взаимные интересы.

В заключение я хочу искренне сказать, что горячо раскаиваюсь в участии в этой организации и прошу соввласть в лице Государственного политического управления — простить мое участие в организации и тот ущерб, который я наносил этим участием. Всю свою дальнейшую жизнь я буду стремиться искупить свою вину творческой научной деятельностью на пользу рабочего класса»¹.

Итоги проделанной следствием со времени ареста Е.В. Тарле работы с ним были суммиро-

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 17 февраля 1930 г. // Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 52—54.

ваны в показаниях ученого от 11 апреля 1930 г. «В завершение моих совершенно точных и чистосердечных показаний, — заявил он, — сообщаю, что существовавшая контрреволюционная организация во главе с С.Ф. Платоновым имела свое разветвление по ряду городов (университетских: Москва, Харьков, Минск и другие). Конечной целью организации было, как я уже писал, свержение существующего в СССР государственного строя и установление конституционной монархии во главе с Андреем Владимировичем.

Организация вместе с германскими монархическими организациями, в частности со «Стальным шлемом» и вообще с националистическими организациями, по выработанному соглашению имела задачей, после интервенции в СССР, установить тесный союз между Россией и монархической Германией. Организация план интервенции разработала следующий: принимая во внимание существующее соглашение между союзниками и Германией, что последняя явится фактической исполнительницей интервенции в СССР, германские войска должны быть пропущены через лимитрофные государства в Ленинград, где одновременно будет высажен десант со стороны моря с одновременным появлением воздушного флота.

Организация также учитывала внутреннее политическое состояние СССР, которое вследствие крестьянских волнений на почве земельной политики соввласти, крестьянских настроений в

Красной армии, а стало быть, неповиновение власти, общий подъем повстанческого движения, в котором активную роль должны принять белые отряды, организованные за границей и переброшенные на территорию СССР для возглавления повстанческого движения в отдельных пунктах Союза. Также со стороны организации учитывались свои внутренние силы, которые должны были быть использованы как руководители отдельных повстанческих и других групп, принимающих участие в деле свержения соввласти по отдельным городам Союза. Этот план со стороны Платонова был согласован с Отто Гетчем, Шмидт-Оттом и Ионасом в бытность их здесь в Ленинграде и в Москве.

(Я, со своей стороны, говорил, как указано в предыдущем протоколе, с Пенго, доверенным лицом Бриана.) Практическая деятельность организации выражалась в руководстве ячейками и группами, имеющимися в отдельных городах, например в Москве, Харькове, Минске и других. В Москве во главе группы стоял Любавский, в Харькове — Бузескул, в Минске — Пичета. В создании нелегальных и полулегальных кружков и объединений и руководстве ими, как, например, в Ленинграде — кружки молодых историков, «Новый Арзамас», кружок Лаппо-Данилевского, кружок Рождественского, кружок Дома ученых и другие.

Касаясь объединений, нужно упомянуть организацию «Воскресенье» (ликвидированную), связанную через своих руководителей Мейера и Половцеву с Платоновым, «Братство Серафима Са-

ровского», связанное с Платоновым через Анциферова и Андреевского. В создании в интересах организации интеллигентских кадров посредством перечисленных кружков и объединений и изоляции посредством их молодежи от коммунистического влияния. Использование организованным порядком всех возможностей в борьбе с мероприятиями соввласти в области науки и техники с целью срыва восстановительного процесса страны. В интересах организации — информация зарубежных центров со стороны отдельных членов организации об экономическом, политическом и военном состоянии СССР и всемерная подготовка к общей мобилизации антисоветских сил во время войны и интервенции.

Организация имела руководящий президиум из семи человек, куда зачислил и меня Платонов. Президиум состоял из следующих лиц: председатель Платонов, секретарь на правах члена президиума Измайлов, члены президиума Лихачев, Любавский (Москва), Бузескул (Харьков), Грушевский (Киев), Крачковский и я, Тарле. Членами организации были следующие лица: Андреев, Измайлов, Рождественский, Дружинин, Васенко, Егоров и другие, фамилии которых вспомню. Средства на работу организация, в лице Платонова, получала от Цейхлина. Размер получаемых сумм на работу организацией мне точно неизвестен, но знаю, что в них отчитывался сам Платонов.

Одновременно мне известно, что Платонов посылал регулярные отчеты о работе организа-

ции через Мерварта, Цейхлина в Германию, к Отто Гетчу и Шмидт-Отту. В отчетах преимущественно помещались сведения о росте монархических настроений среди интеллигенции, о работе в деревне, о работе среди молодежи, об организации ячеек, объединений и других форм работы организации и о вредительских действиях специалистов, работающих в интересах организации. Программная установка по церковному вопросу со стороны организации была: Собор и выборный Патриарх. Вся работа, проведенная с псевдонаучными целями в Эски-Кермене со стороны Платонова, была всецело в интересах германской военной разведки.

Это предприятие было искусно замаскировано необходимостью и большим научным интересом к ископаемым «готского города». Результаты, полученные от этого предприятия, с точки зрения научной равны нулю. Добавлю, что к членам организации принадлежал Карский, Жебелев С.А., Ляпунов, Сперанский, Богословский, Вернадский, Крылов, Щербатской, Романов, Шибунин, Петров, Коврайский, Раевский, Заозерский, Анциферов, Мария Платонова. Из числа белоэмигрантов входили Краевич, Ростовцев, Струве, Маклаков, генерал Лохвицкий, Нольде, Вернадский (Г.), Гессен, Изгоев, Васильев»¹.

Отношения, которые сложились к этому вре-

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 11 апреля 1930 г. // Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 58 — 61.

мени у Е.В. Тарле с начальником Секретно-оперативного управления Ленинградского ОГПУ С.Г. Жупахиным, были вполне доверительными. «Уважаемый Сергей Георгиевич! — обращается к нему Е.В. Тарле 12 марта 1930 г. — Я желал бы дать дополнительные ответы на поставленные вопросы и вполне принимаю Вашу формулировку по первому вопросу. Сверх того, хотел бы дополнить одно из моих прежних показаний. Очень обяжете, если сегодня вызовите на допрос. Академик Е.В. Тарле»¹.

Таким же доверительным является и заявление Е.В. Тарле С.Г. Жупахину от 7 апреля 1930 г. «... Идет уже третий месяц моего заключения, — пишет он здесь, — и я не буду говорить, как оно отражается на жестоко мучающей меня каменной болезни, вызывающей теперь гораздо более резкие явления, чем два месяца тому назад. И, помня Ваши слова, что ни одного лишнего дня Вы меня в заключении держать не будете, я, естественно, переживаю очень мучительно и больно новые и новые недели моего заключения.

Я нисколько не сомневаюсь, что после документа, врученного Вам последний раз, когда мы виделись (28 марта. — Б.В.) и Вас удовлетворившего, остается еще очень немного, чтобы со-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 49.

всем устранить те препятствия, которые, по-видимому, стоят на пути к моему освобождению»¹.

«Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич, — читаем мы в другом заявлении Е.В. Тарле к С.Г. Жупахину. — С чувством, близким к отчаянию, я узнал, что Вы не хотите лично со мной говорить... Я твердо решил все сделать, чтобы вполне удовлетворить следствие»².

Неловко и больно читать эти строки знаменитого ученого. Согласившись, что самое поразительное, так легко в обмен на свое гипотетическое освобождение на сознательный оговор своих учеников, коллег и друзей, Е.В. Тарле пошел, что называется, на сделку с дьяволом, и иначе как аморальным его поведение в ходе следствия назвать трудно.

Как и следовало того ожидать, «роман» Е.В. Тарле с С.Г. Жупахиным закончился предъявлением ученому официального обвинения. 15 апреля 1930 г. начальник IV отделения Секретного отдела А.Р. Стромин подписал постановление о привлечении Е.В. Тарле в качестве обвиняемого по статьям 58⁴, 58⁵ и 58¹¹ УК РСФСР в том, что он «активно участвовал в создании контрреволюционной монархической организации, ставившей себе целью свержение советской власти и установление в СССР конституционно-монархического строя путем склонения иностранных государств к вооруженному вмешательству в дела

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 56.

² Там же. С. 59.

СССР, руководил и участвовал в организованных организацией нелегальных кружках контрреволюционно настроенной интеллигенции и лично вел переговоры с представителями внешней политики иностранных государств с целью склонения их к разрыву дипломатических сношений с СССР и интервенции»¹. Мерой пресечения возможного уклонения Е.В. Тарле от следствия и суда было определено содержание его под стражей в ДПЗ.

Итак, обвинение Е.В. Тарле было предъявлено. Какова же была его реакция на этот шаг со стороны следствия? Увы, Е.В. Тарле и тут повел себя совсем не так, как С.Ф. Платонов в подобной ситуации! Если тот боролся и рьяно защищал своих друзей и учеников от обвинений, возводимых на них следствием, то Е.В. Тарле, напротив, действовал со следователями рука об руку и в буквальном смысле слова топил своих бывших коллег, надеясь заслужить тем самым у чекистов прощение и освобождение.

«Организация, насколько я могу судить, — показывал он 15 апреля 1930 г., — зародилась в 1926 г., собирались у Платонова, бывали Рождественский, Лихачев, Богословский, Андреев, Васенко, потом Измайлов. Разговор шел и на общеполитические, и на университетско-академические темы... Когда приезжал Бузескул, говорилось об уродливых сторонах крайней украинизации (преследования русского языка и т.п.).

¹ Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 66.

Своими мыслями и предположениями члены организации делились непосредственно с Платоновым, который вообще не любил собраний, обсуждений и т.п., а всегда и во всех положениях, не только в данном случае, любил действовать келейно, с глазу на глаз, путем отдельных своих разговоров с отдельными людьми. Это — интриган и по натуре, и по всем ухваткам...

Привлекши меня, Платонов спешил, где было нужно, впихнуть мое имя. Я спешу прибавить, что, говоря это, нисколько не желаю умалить свою вину, что я позволил себя привлечь людям, с которыми и по настроениям, и по симпатиям, и по всему прошлому ровно ничего общего не имел. Правда, за последний год я стал очень отходить от них, некоторые (Рождественский, Измайлов) стали мне определенно противны, с самим Платоновым я виделся очень редко и, конечно, я бы ушел от них вовсе»¹.

Несмотря на видимую готовность Е.В. Тарле к сотрудничеству, следствие было, тем не менее, не вполне довольно им. Во всяком случае, непосредственно работавший с Е.В. Тарле С.Г. Жупахин упрекнул его однажды в том, что он, в сущности, только подтверждает чужие показания, а оригинальных разоблачений своих бывших коллег не дает. Другими словами, от Е.В. Тарле тре-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 68—69.

бовали поднапрячься и творчески подойти к процессу. Что тут началось!

«Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич! — разразился 17 апреля письмом к нему донельзя оскорбленный академик. — Я в полном смысле потрясен тем, что Вы поняли мои слова так, что я только «подтверждаю» чужие показания! Я хотел сказать, что мои показания подтверждаются по существу другими. И я ведь тотчас же поправился и разъяснил. И на другой день, когда снова приехали оба начальника, снова категорически повторил, что мои показания совершенно самостоятельны и ни от каких других показаний независимы. Но если хоть невольно, каким-нибудь неловким построением фразы, я возбудил Ваше неудовольствие, — простите, это значит вышло совершенно помимо моей воли и намерения.

Я в тот вечер вообще очень плохо соображал из-за преследовавшей меня весь тот день острой боли от камня, — и минутами еле говорил от боли. Ваше беспристрастное и благородное отношение ко мне было в течение всех этих кошмарных месяцев моей жизни единственным лучом надежды для меня. И теперь вот, когда уже шло к концу, вдруг все рушится, и Вы не хотите лично допросить меня, хотя я убежден, что теперь Вы оба вполне бы удовлетворились.

Прощаясь со мной, один из начальников сказал: «Теперь Ваше дело обстоит так: Сергей Георгиевич вас еще допросит, телефонирует нам в Москву, и тогда все и кончится». Это, конечно,

наилучшее, чего я всегда желал, так как дело мое полностью и всецело таким путем отдается на Вашу власть и решение. Но когда Вы лично меня допрашиваете, — я вспоминаю и говорю гораздо больше и яснее улавливаю нить и связь между фактами.

Я скажу Вам абсолютно все, что знаю. Но — у меня есть теперь все же одна тяжелая проблема, именно как раз и касающаяся нескольких еще остающихся показаний, и эту проблему без Вас, без личного разговора с Вами и без Вашего мнения и совета я никак не могу разрешить окончательно (дело идет о ссылке на источник). И о многом еще хочется с Вами лично переговорить.

Вызовите меня, Сергей Георгиевич, и допросите!

Идут дни за днями, а от ускорения остающихся допросов зависит ведь и то, когда Вы меня освободите. Не сердитесь на меня. Я и без того чувствую себя так, что целыми часами мечтаю о смерти, как о желательном исходе и избавлении. Это не фраза.

Искренне Вас уважающий Е. Тарле

17-го апреля 1930

P.S. Вы как-то сказали мне, что Вам часто бывают удобны ночные часы для допросов. Всецело располагайте мною в этом отношении. Все равно в ожидании Вашего вызова я не раздеваюсь и не ложусь до утра каждую ночь теперь»¹.

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 77 — 78.

24 апреля 1930 г. в связи с отъездом С.Г. Жупахина в Москву, где, собственно, и должна была решиться судьба Е.В. Тарле, он передал ему свое написанное в связи с этим письмо.

«Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич, очень прошу Вас в тот момент, когда Вы в Москве будете решать мою участь, прочесть это письмо Вашим товарищам.

К тому, что я высказал в сгедо, мне нечего много добавлять. За последние дни, как Вы знаете, я сделал все усилия, чтобы вспомнить все, чтобы уточнить и дополнить мои показания. Я признал уже давно (и еще раз подтвердил признание) то, что инкриминировалось мне лично. Я показываю все, что знаю о других. Во имя чего я стал бы скрывать о них, покрывать их молчанием? Их дело, их стремления — это именно то, что мне теперь чуждо и враждебно, это то, с чем я буду вести идейную борьбу до конца; сами они лично, как люди, опутавшие меня такую гнусной клеветой, такой злобой, так открыто показали свое стремление потопить меня в том омуте, куда я имел преступную слабость дать себя затащить, — что неужели можно допустить с моей стороны желание прикрыть этих людей? Где же были бы мотивы такого поведения с моей стороны? Верьте, что я не сказал только того, чего действительно не знал. Кроме презрения я ничего к ним не питаю.

Я хочу и буду работать с советской властью, я хочу доказать и докажу, что моя линия выбрана

твердо и окончательно. Я сниму с себя пятно полностью — и скоро. Но дайте же мне не выйти инвалидом, вспомните, что кроме глубочайшего нервного расстройства я мучаюсь от чисто физических адских болей от камня в мочевом пузыре и что для меня свобода означает прежде всего возможность лечь под оперативный нож. Меня не будет в Москве, когда будет решаться моя участь. Пусть же мои судьи будут моими защитниками. Для меня даже смерть предпочтительнее дальнейшего заключения, этой непрерывной физической и моральной пытки»¹.

* * *

Дополняя свои показания, Тарле сообщил следствию о наличии в организации Платонова военной группировки, готовившей вооруженное восстание. Конечно же, выступить с оружием в руках против режима могли только молодые, хорошо подготовленные в военном отношении люди. С.Ф. Платонов и его товарищи из-за своего преклонного возраста, болезней и отсутствия у них военной подготовки для этой цели явно не годились. Поэтому Тарле указывает не на них, а на так называемую группу Н.В. Измайлова. Как бывший офицер, да к тому же зять С.Ф. Платонова, Измайлов для этой роли был идеальной кан-

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 23 апреля 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998. С. 100—101.

дидатурой. Отыскивались среди знакомых С.Ф. Платонова и Н.В. Измайлова и другие бывшие офицеры, принятые в свое время на службу в Центрархив и Библиотеку Академии наук, — А.В. Бородин, В.Ф. Пузинский, А.А. Петров, Я.П. Купреянов и другие.

И вот под пером Е.В. Тарле эти никак не связанные между собой, да и едва ли знакомые друг другу люди вдруг превратились в «военную группу» платоновской организации! «Измайлов, — показывал Е.В. Тарле в конце июня 1930 г., — при мне говорил, что у него уже есть начало кадров, и причем в полном смысле отборное. Ядром этой отборной группы является 70 человек, относительно которых он утверждал, что они необычайно преданные люди»¹.

Ряд показаний Е.В. Тарле за июнь 1930 г. посвящен так называемым рапортам Н.В. Измайлова, якобы регулярно посылавшимся им генералу Лохвицкому через дочь С.Ф. Платонова Н.С. Краевич. Речь в них, по словам Е.В. Тарле, шла о положении и вооружении Красной армии, ассигнованиях на военные нужды и тому подобных вещах, о которых Н.В. Измайлов, конечно же, не мог иметь ни малейшего представления².

Поскольку речь зашла о подготовке организацией С.Ф. Платонова вооруженного восстания,

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 14 июня 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 324 — 325.

² Там же. С. 254.

не избежать было и вопроса об оружии. Никакого оружия у В.Н. Измайлова и его коллег, естественно, не было и быть не могло. Е.В. Тарле, впрочем, легко обошел это затруднение. «Относительно вооружения организации, — заявил он, — я узнал от Платонова и Измайлова лично. Они рассказывали мне, что оружие прибудет из Германии, когда оно понадобится. Переговоры об этом вел Платонов с Отто Гетчем. Имелось в виду, что оружие будет доставлено в Ленинград морем и будет храниться в Ленинграде, Москве и провинциальных городах с расчетом, чтобы в случае вооруженного восстания могли бы произойти выступления одновременно в нескольких пунктах»¹.

Впрочем, совсем уж оставить организацию С.Ф. Платонова без оружия было нельзя. Вследствие чего Е.В. Тарле то ли по своей инициативе, то ли по подсказке следователей заявил 29 июня 1930 г., что какое-то оружие у нее все же было. «Начал образовываться небольшой запас оружия, — показывал он, — в Пушкинском Доме в отдельном закрытом помещении, библиотечном зале и на чердаке»². Проверять эти домыслы, естественно, никто не собирался.

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 20 апреля 1930 г. // Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 89.

² Собственноручные показания Е.В. Тарле (Не позднее 29 июня 1930 г.) // Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. СПб., 1998. С. 325.

После захвата власти в стране, показывал далее Е.В. Тарле, планировался организацией С.Ф. Платонова и созыв Собрания народных представителей, которое должно было вотировать форму правления в Российском государстве, причем, по его словам, предполагалась конституционная монархия с двумя палатами — народных представителей и Государственный совет, с членами, назначаемыми монархом¹.

«И в Москве и других более или менее крупных городах назначаются (диктатором) генерал-губернаторы (название варьировалось, комиссары, чрезвычайные уполномоченные и еще что-то)... На них возлагается ликвидация и судебно-административная расправа над побежденными»², — продолжал фантазировать в своих показаниях Е.В. Тарле.

Обвинение в подготовке вооруженного восстания — это страшное обвинение. С помощью Е.В. Тарле (не одного только его, конечно) следствие явно подводило С.Ф. Платонова и его коллег, в первую очередь, из так называемой военной группы Н.В. Измайлова, под почти верный расстрел. Тут бы Е.В. Тарле устыдиться самого себя и своей слабости. Но не тут-то было!

«Тяжело мне было писать эти показания, —

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 20 мая 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. 149.

² Там же. С. 135.

отмечает он 9 мая 1930 г. — Я намеренно устранил все, что могло бы, может быть, объяснить эту роковую аберрацию, это помрачение в моей жизни. Я только приводил голые факты. И вот вывод опять-таки исключительно в виде голого, обобщающего факта: 1) я вступил в контрреволюционную организацию, преследующую преступные цели; 2) я позволил ей эксплуатировать мое имя в ее интересах и, не порывая с ней, тем самым брал на себя ответственность за ее поступки; 3) я принял и исполнил поручение С.Ф. Платонова навести справку в Париже о том, как там отнеслись бы к вмешательству Германии в русские дела.

После того, что я сказал в *credo*, я говорить много не буду. С мучительным стыдом и горчайшим раскаянием отношусь к этому фатальному эпизоду в моей жизни. Весь остаток моей жизни будет посвящен тому, чтобы работой в единении с советской властью на пользу трудящихся масс загладить все то, что было»¹.

Никаким раскаянием за содеянное им уже в ходе следствия здесь, как говорится, и не пахнет. Судьба оговоренных им людей, как мы могли убедиться, интересовала академика меньше всего, и все усилия его были направлены исключительно только на свое собственное спасение,

¹ Собственноручные показания Е.В. Тарле 9 мая 1930 г. // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998. С. 126—127.

на свой личный интерес. Таким уж был этот человек.

Не стало в этом отношении исключением и письмо Е.В. Тарле на имя А.Р. Строминна от 17 мая 1930 г.: «Уважаемый тов. Стромин. Вы приступаете к заключению следствия по моему делу и я хотел бы, чтобы Сергей Георгиевич и Вы прочли это письмо, в котором я припоминаю о фактах, не вошедших в материалы следствия и относящихся прямо к делу, но имеющих значение для характеристики моей политической деятельности именно в самое последнее время. И дело идет тут о поступках, а не словах.

Ведь там, где окончательно будет решаться моя участь, — меня не будет, и единственными моими защитниками будут — если захотят что-либо привести в мою защиту — мои следователи. Обращаясь к вам обоим, я и хочу уточнить некоторые факты, которыми воспользоваться Вам подсказает, может быть, чувство беспристрастия и справедливости.

Подводя, перед лицом своей совести, мысленный итог тому, что я делал, я вижу ясно одно: в то самое время, как по непростительной слабости, по совершенно ошибочному несерьезному отношению к платоновской организации — я позволил себя впутать в это дело, дал возможность эксплуатировать свое имя, словом, — делал то, что, правда, не только не имело, но и не могло иметь, к счастью, никаких реальных последствий (по глубокому моему убеждению, тогда же выражавшемуся), но в чем я горько и глубоко раскаив-

ваюсь, — в это самое время я был главным действующим лицом нескольких выступлений, имевших определенный политический характер и шедших всегда и всецело на пользу советской власти. И это были уж не разговоры, но акты, поступки — и притом такие, какие, кроме меня, едва ли кто-нибудь мог выполнить, по целому ряду условий; причем правильную оценку значения этих выступлений дали наиболее квалифицированные представители самой же советской власти. Напомню и уточню факты».

Правильно или неправильно, отмечает далее Е.В. Тарле, но в настоящее время, особенно после выхода в 1927 году в Париже нового большого труда о континентальной блокаде при Наполеоне, в ученом мире Западной Европы его ставят очень высоко. (И не только в Европе: ведь он был избран действительным членом Академии политических наук в Соединенных Штатах.) Может быть, продолжал далее Е.В. Тарле, меня ставят выше, чем я заслуживаю, — не в этом тут дело. Важны объективные факты. А они, объективные факты, говорят, что, например, в парижской Сорбонне — как это публично заявил в своей речи ректор Сорбонны Шарлети, из всех русских ученых такой прием, как ему, был устроен только И.П. Павлову, и больше никому и никогда. Тот же ректор Шарлети в торжественном, публичном заседании факультета (в переполненном публичной громадном амфитеатре) перед выступлением Е.В. Тарле сказал, что он-де открывает науке

новые пути, что Советская Россия может гордиться такими учеными.

За этим выступлением, отмечает Е.В. Тарле, последовали другие, а затем громадный банкет у ректора Сорбонны в его честь, после чего ответный банкет у полпреда Довгалева во главе, а кроме того, представители Академии, Коллеж де Франс и других ученых учреждений, совсем неслыханное событие, никогда еще не бывшее, — и это было тяжким ударом всем организаторам травли полпредства. Французская пресса именно в этом смысле истолковала это событие. На банкете в полпредстве полпред Довгалева благодарил Сорбонну за почет, который она оказала советскому ученому академику Тарле, а отвечавший ему от имени Сорбонны декан Делакура говорил о «громадном значении лекций академика Тарле», о «величии советской науки» и т.д. Все это было, напомнил Е.В. Тарле, в ноябре и декабре 1929 г.

А несколькими месяцами раньше, в марте 1929 г., по усиленной просьбе московского ВОКСа и после двух телеграмм ему непосредственно из стокгольмского полпредства, Е.В. Тарле поехал в Стокгольм, где и выступил с рефератом о Шведско-русских отношениях в торжественном собрании шведско-русского общества культурного сближения. «Мне в полпредстве, — вспоминал Е.В. Тарле, — объяснили, какое значение имел мой приезд: дело было после очень тягостной истории с Григорием Григорьевичем Александр-

ровым и после бешеной травли полпреда Виктора Коппа и всего полпредства со стороны почти всей шведской печати. Нужно было дать отпор. Шведско-русское общество (где почти все члены — шведы) было парализовано и боялось выступить.

В полпредстве советник полпредства Дмитриевский сказал мне: «Нам нужен был приезд такой первоклассной величины, как Вы, чтобы поправить дело». Это мое выступление ознаменовано было прежде всего речью почетного председателя, знаменитого академика Арнё, который сказал, что мое выступление — большое политическое событие. Зал был переполнен учеными, дипломатами, политическими деятелями (многих из них на другой день перечисляли газеты в своих отчетах). Меня и встретили, и проводили овациями. Но самое важное было в том, что в ближайшие дни все газеты Стокгольма и провинции (Упсалы, Гетеборга, Норчепинга) были полны длинейших отчетов, и даже было 4 передовицы. Последовал ряд банкетов и приемов у шведов, а затем банкет у полпреда Виктора Коппа, выразившего очень большое удовлетворение по поводу моего выступления, сильно смягчившего стокгольмскую атмосферу. Это я взял лишь последние по времени факты. В эпоху травли Раковского в Париже именно мне (и я этим горжусь) удалось после нескольких бесед заставить редактора Гюстава Тэри занять дружественную по отношению к Раковскому позицию (у меня есть письмо Тэри, в котором он вспоминает об

этом!). Он — редактор «L'Oeuvre». А насколько важна эта одинокая сейчас позиция «L'Oeuvre», Вы могли бы узнать из телеграмм ТАССа по поводу кутеповской истории.

Может быть, советское агентство ТАСС даже преувеличивает значение раскола, внесенного позицией «L'Oeuvre» в радикальную партию. Но важность факта отрицать никто не станет. И таких фактов в моей деятельности много! Тут все это не так понятно. Но нужно вариться в котле, в котором варятся наши полпредства, чтобы оценить (они-то оценили!), что это значит, когда вся громадная корпорация факультета с деканом во главе является к Довгалеvскому, чего никогда еще не бывало. Нужно быть там, чтобы знать, что это значит, когда ректор Сорбонны произносит речь с хвалой советской науке. Дальше: нужно было пережить долгую и опасную травлю стокгольмского полпредства по поводу истории с Г.Г. Александровым, чтобы понять, почему меня и ВОКС из Москвы, и советники полпредства из Стокгольма телеграммами вызывали и торопили мой приезд: мне в стокгольмском полпредстве было сказано, на обеде, там данном в мою честь, что мой приезд ликвидировал историю Александрова, т.е. загладил и прекратил бурю в печати.

Мое выступление и особенно бесчисленные статьи об этом выступлении в стокгольмских газетах (потрудитесь просмотреть их: март и апрель 1929 года!), речь академика Арнё, после моего выступления сказавшего, что Советский

Союз, имея таких ученых, как академик Тарле, может не бояться никаких сравнений с любой страной в области науки, — все это здесь было отмечено лишь двумя телеграммами ТАССа, но там произвело впечатление, как выразился полпред Виктор Копп, — огромное». (В декабре 1929 г. я избран образованным в Лондоне Обществом англо-советского культурного сближения — президентом этого общества.) Я и предоставляю Вам нелицеприятно взвесить: что перевешивает в моей прошлой деятельности, с точки зрения советской власти, вред или польза? (С точки зрения фактической, реальной, с точки зрения результатов?)».

Перейдя затем к другой стороне своей деятельности, Е.В. Тарле напомнил чекистам, что уже с давних пор — регулярно — по возвращении из-за границы от него неотступно всякий раз требовали публичных лекций о текущей международной политике. Кто требовал? Коллектив ЛГУ, Толмачевская академия, комсостав Балтфлота — словом, такие учреждения, где в битком набитом зале присутствовал среди многих сотен людей только один-единственный некоммунист, а именно лектор Тарле. «И не думайте, — продолжал далее Е.В. Тарле, — что мое изложение на все 100% совпадало со взглядами аудитории: после лекции я еще часа полтора отвечал на записки, вопросы, возражения кое-какие. Но и встречали, и провожали меня так тепло, что всякий раз я испытывал очень большое удовлетворение.

Чем же объясняется, что меня (и именно меня, замены они не хотели) звали читать на такие острые темы?

Весьма просто: тем, что я давал им материал и систему для массы вопросов, которые их интересовали. Худ я или хорош, но знаний у меня много — они требовались и шли в оборот. Читал я и на Александрово-Невском судостроительном заводе (несколько лет тому назад), тоже по инициативе коммунистов, коллектива, и рабочие слушали меня так, что за полчаса до срока уже все места бывали заняты. И опять ставлю вопрос: была ли от меня польза или ее не было?

Дальше. У Вашей партии и у Советского правительства есть черта (вполне понятная в революционные эпохи): очень большая подозрительность и чуткость. Но вот что мне предлагалось за эти годы со стороны Советского правительства: 1) пост заведующего всеми экономическими архивными фондами Ленинграда (я принял и долгие годы был заведующим); 2) пост ректора Государственного университета (формально предлагалось!), я отказался, не желая приостанавливать свою чисто научную работу; 3) пост директора академической Библиотеки.

Значит ли все это что-нибудь? Ведь моя деятельность была налицо, ведь там, в Университете например, знали, как я себя держу в самых острых вопросах, когда (в 1927 г.) по предложению деканата (а он сплошь коммунистический) меня единогласно избрали председателем исторического отделения Ленинградского государст-

венного университета! И это я принял, и был с тех пор председателем. А весь президиум был коммунистический. Мало того. Теперь, когда в Академии решающее влияние перешло к коммунистам, известно ли Вам, каково было первое последствие для меня лично?

Я был сделан (январь 1930 года) председателем комиссии по реорганизации архивных хранилищ Академии наук. Нечего и говорить, что я этого не только не добивался, но даже не имел понятия, что это готовится. И это первое предложение каких-либо функций по Академии! Пока ею правили Ольденбург и Платонов — никогда и никуда меня не приглашали и систематически удаляли от дел. (А Платонов всячески меня уговаривал не брать директорства в академической Библиотеке, когда об этом шла речь!) И заметьте: теперь реорганизация хранения документов имеет острый политический интерес! И председатель — я. Вот что я делал, вот реальность. Я прошу только взвесить и оценить за — и против...» — взывает Е.В. Тарле к своим следователям и их московскому начальству.

Заканчивается его письмо, как того и следовало ожидать, уверением чекистов в своем полном и безусловном раскаянии. «Я выразил, — пишет он, — в сгедо и еще несколько раз выражал горчайшее страдание свое при мысли о том, в какую трясиину я попал и с какими людьми водился. Я считаю самым большим несчастьем своей жизни — это дело. Я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы изгладить само воспоминание об

этом деле. Я признаю, что если Платонов мог эксплуатировать мое имя для своей безумной и в основе нелепой политической интриги, то потому, что я сам дал к тому повод и я ничего не беру назад из всего, сказанного в *credo*, ни одного слова, ни одного оттенка мысли. Мое раскаяние остается полным. Раскаяние и желание загладить все.

Но я хочу только, чтобы мои следователи и судьи знали, что за мною в прошлом были не только слова, но и поступки, реальные выступления — и что все эти реальные поступки шли на пользу советской власти (и вызывали злобную брань (за глаза) со стороны того же Платонова — например, облетевшее всю заграничную прессу мое выступление в пользу Бела Куна). Все мои действия, о которых я говорю в этом письме, вполне проверяемы и по заграничной прессе (что касается выступлений в Стокгольме и Париже), и по очень доступным справкам (что касается моих лекций здесь или моей работы, кто и куда меня приглашал и т.д.). Тут нет ни одного слова без документальных доказательств.

Вы не скажете, что все это не относится к делу, потому что Вы не только судьи, но и политики, и Вам важно то, что относится вообще к человеку. Я ничего не сказал тут о главном содержании моей жизни, о научных трудах, которые я пишу в парижских архивах и которые печатает Институт Маркса и Энгельса в Москве, — многолетняя история рабочего класса во Франции. Я тут говорил только о политике.

В будущем — я вижу свою реабилитацию в широчайшем развитии тех своих выступлений, о которых шла тут речь, как внутри, так и вне Союза, и в усилении своей научной работы.

Вот что я хотел, чтобы тоже вспомнили из моего совсем недавнего прошлого. Если Сергей Георгиевич и Вы находите это письмо ненужным — порвите его. Думаю, что едва ли Вы найдете справедливым совсем игнорировать его содержание»¹.

К концу июня 1930 г. все необходимые следствию «факты» «контрреволюционной» деятельности С.Ф. Платонова и его коллег были получены. Это позволило А.Р. Стромину объединить их в один, так называемый Сводный протокол показаний Е.В. Тарле, датированный им 29 июня 1930 г.² «Протокол написан с моих слов правильно», — удостоверил своей подписью этот текст Е.В. Тарле³.

Каких-либо открытий от этого текста ждать, впрочем, не приходится, т.к. здесь речь идет о фактах уже, в принципе, известных читателю. Другое дело, что собранные вместе и систематизированные следствием, они впечатляют и спо-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998. С. 128—133.

² Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. С. 343—475.

³ Там же. С. 475.

собны поразить даже самое пылкое во-
ображение.

Е.В. Тарле, видимо (показания 27
июня 1930 г.), принадлежит и окончательная
формулировка названия «контрреволюционной»
организации «Всенародный Союз за возрожде-
ние свободной России», которая, по его мнению,
«показалась» всем членам этого сообщества
наиболее целесообразной, хотя были и другие
предложения. Характерна оговорка Е.В. Тарле:
«обычно название употреблялось редко»¹.

3. УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ: Е.В. ТАРЛЕ В БОРЬБЕ ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ (1930—1932 ГГ.)

Можно много говорить о нравственной уязви-
мости поведения Е.В. Тарле в ходе следствия.
Однако в главном — остром и пронизательном
уме — ему отказать вряд ли возможно. Близкое
общение со следователями показало Е.В. Тарле,
что их обещания на скорое его освобождение в
обмен на сотрудничество мало чего стоят. Дру-
гое дело, если бы ему удалось убедить высшее
руководство страны в целесообразности его ос-
вобождения в целях дальнейшего использования
как специалиста в интересах Советского государ-
ства. С этим связано появление четырех основных
заявлений Е.В. Тарле, направленных им в колле-
гию ОГПУ: от 10—11 августа, 24, 27 и 28 сентяб-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по об-
винению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. С. 295.

ря, а также дополнений к ним от 27 сентября и 4 октября 1930 г.

Основной лейтмотив первого заявления¹, т.е. 10—11 августа — указание на возможные области использования его (Е.В. Тарле) советской властью в случае освобождения: участие помимо научной и педагогической работы в редактировании многотомного издания дипломатических документов начала XX века; организация в Советском Союзе при помощи Тарле Всемирного съезда архивных деятелей. Помимо того, Е.В. Тарле развивает новые и явно фантастические планы своей будущей деятельности на пользу советской власти, начиная с написания книги по истории профсоюзного движения в Западной Европе и кончая организацией при Академии наук некоего Института конъюнктурных экономических и политических исследований зарубежных стран.

«Тут опять скажу, — пишет Е.В. Тарле, — что если дело мое будет ликвидировано без опубликования и шельмования моего имени, если мой авторитет останется непоколебленным, если врагам СССР, которые являются теперь и моими врагами, не будет дана возможность инсинуировать и заподозривать меня, то это даст мне громадную силу, огромные возможности. Мой авторитет в данный момент, поскольку речь идет об осуществлении моих обеих программ и этого до-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. СПб., 1998. С.491—496.

полнения к ним, является уже не только моим личным достоянием, но и достоянием СССР, полезностью для СССР. Если вы спасете меня и мое имя в этот момент, то последствием будет самая неустанная, обширнейшая по захвату и размерам моя деятельность, которая — вспомните мои программы — сейчас во всей полноте мало кому доступна.

Не подрывайте же силы рабочего, который стремится на нужную, трудную и разнообразную работу и твердо знает, что одолеет ее, если ему не нанесут в первый же момент тяжелой, неизлечимой раны. Не отдавайте советской общественности моего имени как имени человека, замешанного в проклятом платоновском деле: вам не очень долго придется ждать того, как это имя будет вписано там, где делается пересчет лиц, активно помогших социалистической реконструкции народной жизни.

Тут внимание к моральному интересу человека, пощада его доброго имени — соединяется с прямой политической целесообразностью. Верните мне теперь же свободу, не предавайте моего имени опубликованию и шельмованию — и последствия вы увидите и услышите очень скоро. Я снова повторяю: как ни обширны зафиксированные пока планы моей будущей деятельности, и ученой, и политической, она будет в действительности еще шире и разнохарактернее, — если и моя программная книга, о которой я уже писал, и мои выступления и действия, о которых под-

робно писал в свое время и пишу тут, будут приняты с доверием и уважением.

Свои показания я писал для вас, и я себя не пощадил, пусть же это у вас и останется и не убивает меня как раз в тот момент, когда должна была начаться новая и, может быть, наиболее важная и полезная, с социальной точки зрения, глава моей жизни»¹.

* * *

29 ноября 1930 г. Е.В. Тарле была предложена очная ставка с С.Ф. Платоновым, которая, как надо понимать, никак не улучшила его настроения. Очная ставка в виду ее особой важности проводилась с участием сразу четырех следователей: начальника СОУ С.Г. Жупахина, начальника СО М.А. Степанова, зам. начальника следственной части А.А. Мосевича и А.Р. Стромина.

После взаимного ознакомления и отсутствия «заявлений, препятствующих к очной ставке» со стороны Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова, следователи приступили к делу.

«Вопрос к Тарле: «Что Вы знаете по поводу образования военных групп?»

Ответ: «Знаю все от С.Ф. Платонова».

Вопрос: «Что Вы знаете о их составе и вообще о всех подробностях?»

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. СПб., 1998. С. 554—556.

Ответ: «Знаю, что во главе стоял Измайлов, который должен был составить военную группу из бывших офицеров».

Вопрос: «Что о каких военных группах Вам известно?»

Ответ: «Кроме ленинградской говорилось о московской и о южных, в точности не помню, кажется, упоминался Киев».

Вопрос: «Что Вам известно о ленинградской военной группе?»

Ответ: «В ней участвовали знакомые Измайлова, руководителем был Измайлов. Ленинградская группа организовалась первой».

Вопрос Платонову: «Вы говорили Е.В. Тарле, что Н.В. Измайлов еще в 1926 г. приступил к организации группы, производил учет бывших офицеров?»

Ответ Платонова: «Этот разговор не мог быть потому, что о военной группе я узнал от Н.В. Измайлова значительно позднее, и если я говорил с академиком Тарле, то лишь в последнее время. Я такого разговора не помню...»

Ответ С.Ф. Платонова на вопрос о военной группе весьма показателен, так как он хорошо понимал, куда клонит следствие и чем может кончиться для него и для участников «группы» признание этого «факта». Несколько озадаченные ответом С.Ф. Платонова следователи были вынуждены обратиться за разъяснениями к Е.В. Тарле: «К какому времени относится этот разговор и настаиваете ли Вы, что этот разговор был?»

Ответ Е.В. Тарле был следующим: «Да. Такой разговор был, но времени я не помню».

Следующим вопросом следователей стал вопрос относительно состава военной группы, члены которой были названы в свое время Е.В. Тарле, как мы уже знаем, поименно. Теперь следствие хотело удостовериться в правдивости его показаний. «Кто Вам называл фамилии участников военной группы, которые фигурируют в Ваших показаниях?» — был задан ему вопрос. На что Е.В. Тарле отвечал, что фамилии он слышал: «...частью от Богословского (к этому времени покойного. — *Б.В.*), частью от С.Ф. Платонова, но от кого какие именно», он не помнит.

Однако С.Ф. Платонов в ответ на вопрос к нему: «К какому времени относится его разговор с гражданином Е.В. Тарле?» решительно опроверг Е.В. Тарле. «Никакого такого (осведомительного) разговора не было. Разговор о военной организации относится к самому последнему времени (если у меня вообще был разговор на эту тему с Е.В. Тарле), примерно 1929 г. Как-либо имен участников не называлось»¹, — заявил он.

Самым решительным образом отверг С.Ф. Платонов и явно клеветническое измышление Е.В. Тарле о некоем оружии, которое имелось у «организации» и было «спрятано где-то в акаде-

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. СПб., 1998. С. 578.

мических учреждениях», о чем он якобы и узнал от самого С.Ф. Платонова. «Разговор об оружии совершенно отрицаю», — заявил на это С.Ф. Платонов.

Очная ставка Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова все более и более превращалась, таким образом, нет, не в поединок двух академиков, а скорее в олицетворение правды и оголтелой лжи, чести и бесчестия. А ведь на дворе уже было 29 ноября 1930 г. Следствие, в ходе которого С.Ф. Платонов был вынужден, в конце концов, взять на себя вину как руководитель «контрреволюционной организации», было уже фактически закончено, и казалось бы, что ему стоило подтвердить показания Е.В. Тарле и тем самым окончательно удовлетворить следствие. Но в том-то и дело, что человек чести даже, казалось бы, в безвыходной, экстремальной ситуации остается все же честным человеком.

Кажется, поняв это, следователи не стали «заикливаться» на вопросе об оружии и плавно перешли к вопросу о связях С.Ф. Платонова с русской монархической эмиграцией, французскими политическими деятелями, переговорам с Ватиканом и немецким деньгам. Главным их информатором в ходе следствия был по этим вопросам, как мы уже знаем, Е.В. Тарле. Теперь ему предстояло подтвердить свои домыслы. Однако одно дело клеветать на человека заочно, не видя его, и совсем другое — говорить неправду, глядя ему в лицо.

Как справился Е.В. Тарле с этой нелегкой за-

дачей и как реагировал на его домыслы С.Ф. Платонов, пожалуй, лучше всего передает нам протокол их очной ставки. К нему мы и обратимся.

«Вопрос к Тарле: «Что Вы можете сказать о переговорах С.Ф. Платонова с французскими политическими и военными кругами?»

Ответ Тарле: «Платонов вел переговоры с Буайе. Вопрос касался отношения Франции к германской интервенции. Буайе был в близких взаимоотношениях с французскими политическими деятелями и мог в разрешении подобных вопросов быть посредником».

Вопрос к Тарле: «С кем еще вел переговоры С.Ф. Платонов?»

Ответ Тарле: «Вспоминается, что С.Ф. Платонов говорил, что через посредство Буайе он вел переговоры с французскими политическими деятелями, фамилии которых сейчас не припоминаю».

Вопрос к Тарле: «Вы показывали о некоем Данну. Помните ли сейчас эту фамилию?»

Ответ Тарле: «Да, припоминаю, что с Данну С.Ф. Платонов вел переговоры, может быть, через посредство Буайе. Данну генерал, лично я его не знаю. Платонов говорил также о переговорах с другим генералом (лично или через посредство Буайе, не помню), фамилию генерала не помню».

Вопрос к гражданину Платонову: «Какие переговоры Вы вели с генералами, о которых говорит Е.В. Тарле?»

Ответ Платонова: «Ни с какими генералами ни лично, ни через посредство других лиц разговоров я не вел. Что же касается переговоров с Буайе, то переговоров с ним на тему, о которой показывает Тарле, не было и не могло быть, т.к. всякий разговор с Буайе был бы, в силу особых взаимоотношений Буайе с советским посольством, известен в советском посольстве».

Вопрос к гражданину Е.В. Тарле: «Что Вы знаете о получении организацией денег, об источниках их получения и о системе расходования?»

Ответ Тарле: «Деньги получались от немцев, о системе расходования мне ничего неизвестно. Кроме того, знаю о получении денег от Ватикана, предназначенных на помощь духовенству. И о тех, и о других деньгах мне говорил С.Ф. Платонов. О деньгах, полученных С.Ф. Платоновым от бывшего великого князя Андрея Владимировича, я знаю не от него лично, а от его зятя Краевича. По его словам, было получено пять тысяч марок. От Ватикана, не помню, было ассигновано триста — триста пятьдесят тысяч рублей, и первый взнос должен был быть в сумме пятидесяти тысяч рублей».

Вопрос к гражданину Тарле: «В показаниях от 26 июня Вы показываете (см. протокол о получении денег от Ватикана от слов «приблизительно в октябре» до слов «в четыре приема»)».

Ответ Тарле: «Я не так формулировал: деньги должны были быть получены, а не уже получи-

лись. По словам С.Ф. Платонова, сумма, которая должна была быть получена через польское консульство от Ватикана, равнялась пятидесяти тысячам рублей».

Вопрос к С.Ф. Платонову: «Что Вы можете сказать о получении суммы от бывшего великого князя Андрея Владимировича?»

Ответ: «Суммы от Андрея Владимировича не получал, а если бы получил, то провезти бы не смог, о чем я уже показывал».

Вопрос к С.Ф. Платонову: «Что Вам говорил Тарле о ватиканских деньгах?»

Ответ: «Тарле говорил в начале 1929 года, между февралем и маем, что какая же это сумма 25—30 000 рублей, намекая на то, что она незначительна».

Вопрос к С.Ф. Платонову: «Вы представляли, о каких деньгах говорил Вам Тарле?»

Ответ С.Ф. Платонова: «Да, я представлял, что речь шла о ватиканских деньгах, но получил ли их Тарле, я не знаю».

Вопрос к Е.В. Тарле: «О каких деньгах Вы говорили с С.Ф. Платоновым?»

Ответ Е.В. Тарле: «Такого разговора я с ним не имел, ни о каких деньгах я с ним не говорил».

Вопрос к Е.В. Тарле: «В Ваших показаниях от 26 июня Вы пишете (от слов «Платонов сообщил мне» до слов «следующих городах»)».

Ответ Е.В. Тарле: «Действительно, вопрос о порядке распределения ватиканских денег обсуждался. Обсуждение было в форме разговора о том, что эти деньги нужно использовать на по-

мощь пострадавшему духовенству от соввласти. Когда я перечислял города, духовенству которых предполагалось оказать помощь, я исходил из наименования городов, которые назывались в разговорах в моем присутствии с С.Ф. Платоновым, С. В. Рождественским, других не помню».

Вопрос к Е.В. Тарле: «Вы показывали на допросе от 26 июня, что «из лиц, кому были выданы деньги здесь в Ленинграде, мне запомнились фамилии...»

Ответ Е.В. Тарле: «Я сейчас не утверждаю, что были выданы, наверное, только предполагалось, когда я просматривал свои показания, я не обратил внимания на это место».

Заявление С.Ф. Платонова: «Вся выдержка зачитанных показаний Е.В. Тарле от 26 июня лишена каких-либо фактических оснований».

* * *

Вопреки надеждам Тарле его активное сотрудничество со следователями не спасло академика ни от публичного ошельмования, ни от приговора. В печати и в выступлениях противников исторической школы Платонова Тарле упоминался как один из главных фигурантов по делу историков «буржуазно-националистического» толка. Что же касается участи Е.В. Тарле (5 лет ссылки в отдаленные области СССР), то она была решена в рабочем порядке Постановлени-

ем Особого совещания коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г.

Местом ссылки Е.В. Тарле была определена далекая Алма-Ата, куда он и прибыл 4 сентября 1931 г. Здесь он благодаря покровительству первого секретаря Казахстанского обкома ВКП(б), своего бывшего ученика по университету, Ф.И. Голощекина практически сразу же получил место профессора новейшей истории местного университета. И хотя условия жизни Е.В. Тарле были здесь не из легких, можно с уверенностью сказать, что в ссылке Е.В. Тарле не бедствовал и, что самое важное, вполне ладил с местным ОГПУ и властями.

Особого внимания в этой связи заслуживает утверждение известного чекиста, начальника секретного политического отдела ОГПУ Я.С. Агранова о якобы тесном сотрудничестве Е.В. Тарле с этим ведомством в период его алма-атинской ссылки: «Систематически по своей личной инициативе давал сведения о настроениях в среде научно-технической интеллигенции», и в конце концов даже предложил ОГПУ в Казахстане «свои услуги в качестве секретного осведомителя», от чего там, правда, отказались¹.

Утверждение Я.С. Агранова о желании Е.В. Тарле стать секретным осведомителем

¹ Докладная записка Я.С. Агранова В.Р. Менжинскому в связи с отказом Е.В. Тарле от показаний в ходе следствия // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. С. 607.

ОГПУ — это, конечно же, перебор. Но то, что он, как и в ходе следствия, продолжал составлять для этого ведомства свои аналитические записки — это действительно похоже на правду.

Как бы то ни было, положение ссыльнопоселенца сильно тяготило Тарле. И со свойственной ему энергией он едва ли не после первых месяцев пребывания в Алма-Ате начинает борьбу за свое возвращение в Ленинград¹. Главным инструментом этой борьбы стало его заявление в Прокуратуру СССР о своем решительном отказе от данных им в ходе следствия признательных показаний как вынужденно ложных. Само заявление пока не обнаружено. Известно, однако, что уже в марте 1932 г. с целью разбирательства его заявления в Алма-Ату прибыла сама «совесть партии» член Верховного суда СССР А.А. Сольц. Хлопотали за Е.В. Тарле ветеран революционного движения Л.Г. Дейч, вдова Г.В. Плеханова Розалия Марковна и фактически хозяин Казахстана первый секретарь обкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин².

2 августа 1932 г. в связи с заявлением Е.В. Тарле заместитель начальника секретного

¹ Каганович Б.С. К истории возвращения Е.В. Тарле из Алма-Атинской ссылки. 1931—1932 // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 101—111.

² Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 45.

оперативного управления ОГПУ Я.С. Агранов вынужден был по требованию председателя ОГПУ В.Р. Менжинского представить ему специальную справку по делу Е.В. Тарле, в которой высокопоставленный чекист попытался дезавуировать обвинения со стороны бывшего академика. «В связи с заявлением Е.В. Тарле, — пишет здесь Я.С. Агранов, — в котором он отказывается от своих показаний, данных им в процессе следствия по делу ликвидированной в Ленинграде ПП ОГПУ ЛВО контрреволюционной организации, возглавлявшейся бывшим академиком Платоновым, довожу до Вашего сведения следующее:

Прежде всего, необходимо бегло остановиться на обстоятельствах раскрытия и существе деятельности ликвидированной контрреволюционной организации.

В сентябре 1929 г., во время чистки аппарата Академии наук СССР правительственной комиссией, в ПП ОГПУ ЛВО поступили сведения о том, что в здании Академии наук существует нелегальное архивохранилище, в котором скрываются актуальные политические и военные документы, имеющие государственное значение, как, например: подлинные акты отречения от престола Николая и Михаила Романовых, архивы ЦК партии КД, ЦКП СР, Военно-морского министерства, жандармского управления, охранных отделений и т.д.

Произведенным Особой следственной комиссией расследованием обстоятельств сокрытия в

здании Академии наук политических документов государственного значения было установлено, что это сокрытие было организовано некоторыми академиками, в том числе академиком Платоновым и некоторыми научными работниками Всесоюзной академии наук.

Произведенным ПП ОГПУ ЛВО по этому делу тщательным следствием в дальнейшем была раскрыта контрреволюционная организация, возглавлявшаяся академиком С.Ф. Платоновым.

Организация возникла в 1925 г., окончательно оформилась в 1928 г., именовалась «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России» и ставила своей задачей свержение советской власти путем вооруженного восстания, приуроченного к иностранной военной интервенции, и реставрации монархии во главе с бывшим великим князем Андреем Владимировичем.

Организация имела руководящий центр в составе академиков: Платонова, Тарле, Лихачева, Любавского и профессоров: Измайлова, Рождественского и Андреева...

Все арестованные руководители и члены организации дали в процессе следствия откровенные показания.

Роль Е. В. Тарле в организации была установлена как его собственным признанием, так и показаниями Платонова, Лихачева, Любавского, Измайлова, Бенешевича, Рождественского, Мерварта и других.

Особо важными следует считать показания бывшего академика Платонова, который долгое время упорно молчал и сознался последним, дав четкие показания.

Нужно отметить, что показания Тарле во многих пунктах носили противоречивый и путаный характер. Были моменты, когда он отказывался частично от своих показаний. Но вслед за этим умолял уполномоченных, ведших следствие, взять от него показания, объясняя свои предыдущие отказы слабодушием. Наблюдалась также тенденция со стороны Тарле к даче преувеличенных, неверных показаний.

Его показания неоднократно проверялись. Все его основные показания (например от 29/VI-30 г.) неоднократно возвращались ему для дополнительной проверки и внесения возможных поправок и уточнений. В таких случаях Тарле, детализируя отдельные факты, неизменно полностью подтверждал свои показания. (См. приложение №...)

Помимо этого Тарле подвергался очным ставкам с обвиняемым Платоновым и другими, во время которых он также подтверждал свои показания. На очной ставке Тарле был показанием Платонова изобличен в получении от Ватикана 30 000 рублей в пользу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», что раньше Тарле от следствия скрывал. (См. приложение №...)

Почти все показания Е. В. Тарле писал собственноручно, находясь в камере.

Давая свои показания, Тарле всячески стремился создать впечатление полного раскаяния в своей контрреволюционной деятельности.

В деле имеется ряд его личных записок, адресованных следователям, в которых он подчеркивает свое положительное отношение к следствию и искренность, полноту и правдивость своих показаний. В одной из таких своих записок Тарле, между прочим, настаивает, чтобы следствие считало достоверным и те приведенные им факты, которые он иногда не в состоянии детализировать. (См. приложение №...)

К характеристике Тарле следует добавить, что в заключительной стадии следствия он, желая смягчить свое положение, стремился возложить ответственность за свои действия на других членов организации.

Сомнительными следует считать те из показаний Тарле, где он говорит об оружии, имевшемся якобы в распоряжении организации и хранившемся в Пушкинском Доме Академии наук, Гатчинском дворце-музее и Пушкинском заповеднике (около города Пскова).

В процессе следствия никто из лиц, привлеченных к делу, за исключением Е.В. Тарле, своих показаний не менял.

Привлеченные по делу академики в течение предварительного следствия содержались под стражей на особо льготных условиях. Все, за исключением Тарле, пользовались усиленным пай-

ком, длительными прогулками, частыми передачами и личными свиданиями с родственниками.

Тарле был арестован 28/I-1930 г. и постановлением Коллегии ОПТУ от 8/VIII-1931 г. осужден на 5 лет ссылки в город Алма-Ату.

Следует отметить, что, находясь на свободе в Алма-Ате, Тарле неоднократно предлагал ПП ОГПУ в Казахстане свои услуги в качестве секретного осведомителя и систематически, по своей личной инициативе, давал ПП сведения о настроениях в среде научно-технической интеллигенции. Но его просьбы о принятии в число секретных осведомителей ПП ОГПУ Казахстана отклонены.

Заявление Тарле, в котором он отказывается от своих показаний, носит лживый характер и является очередным этапом в его недостойном поведении»¹.

Поскольку из всех проходивших по «Академическому делу» Е.В. Тарле оказался единственным, кто уже после завершения следствия и вступления в силу приговора отказался от данных им ранее показаний, пытаясь объяснить эту странность в поведении ученого, Б.В. Ананьич, В.М. Панеях и А.Н. Цамутали видят в этом некий потаенный смысл, связывая его с непонятной, во всяком случае им, словоохотливостью Е.В. Тарле во время следствия. «Конечно, показания

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. С. 604—608.

Е.В. Тарле, — пишут они, — отличаются нагромождением фантастических и нелепых подробностей о хранении «заговорщиками» оружия, разговорах в Париже с французскими политическими деятелями и русскими эмигрантами о планах интервенции и т.п., но возможно, — замечают они, — это был тактический прием со стороны Е.В. Тарле — намеренное оглушение сценария процесса, превращения его в вызывающий фарс, с тем чтобы при первой благоприятной возможности было бы проще отказаться от данных показаний»¹.

Спору нет, при большом желании можно и так представить дело. Вот только убедительным это предположение не назовешь. И дело тут не в фантастических подробностях признательных показаний Е.В. Тарле, а в сознательном, можно сказать, оговоре им во имя обещанного ему следователями освобождения своих учеников, друзей и коллег. Какого-либо другого впечатления от знакомства с материалами дела Е.В. Тарле вынести, если смотреть на вещи непредвзято, нельзя.

В Алма-Ате Е.В. Тарле пришлось прожить целых 13 месяцев, пока в начале октября 1932 г. по телеграмме председателя политического Красного Креста Е.П. Пешковой он был срочно вызван в Москву. Здесь ему от имени Президиума

¹ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Академическое дело 1929—1931 гг. Ч. 1. С. 1.

ВЦИК СССР было объявлено о помиловании. Здесь же в Москве на приеме у наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова Е.В. Тарле наконец-то услышал долгожданные для него слова. «Такая силища, как Тарле, — якобы заявил тот, — должен с нами работать»¹. Е.В. Тарле был счастлив.

В итоге уже в этом году Е.В. Тарле не только получил возможность вернуться в Ленинград, но и сумел еще добиться официального возвращения к научной и преподавательской деятельности в качестве профессора Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ)². С 1 сентября 1934 г. Е.В. Тарле — профессор кафедры новой и новейшей истории только что образованного исторического факультета Ленинградского университета. Заведующим кафедрой и деканом факультета был уже известный нам Г.С. Зайдель. Трудно сказать, как бы сработался Е.В. Тарле со своим недругом, но того вскоре арестовали. Были репрессированы и большинство из хулителей С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле. Расстреляли в 1937—1938 гг. и следователей, работавших с ними в 1930 г. Е.В. Тарле, таким образом, был вполне отомщен.

¹ Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо. Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел, 1994. С. 95.

² Каганович Б.С. Е.В. Тарле: новые разыскания // Русская наука в биографических очерках / Отв. ред. Э.И. Колчинский, И.П. Медведев. СПб., 2003. С. 295.

4. «ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ»: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТРУДЫ ИСТОРИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х — НАЧАЛА 1950-Х ГГ.

Жизнь налаживалась. Свидетельством международного признания Е.В. Тарле стало приглашение его для чтения лекции в Сорбонну. В связи с этим Е.В. Тарле обратился (январь 1935 г.) к Председателю Совнаркома В.М. Молотову с просьбой о разрешении ему заграничной научной командировки. Однако нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов счел поездку Е.В. Тарле во Францию нецелесообразной, поскольку он, по его словам, «человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист»¹.

В результате Е.В. Тарле не оставалось ничего другого, как сосредоточиться на работе над своим очередным научным трудом — монографией по истории социальной борьбы и массовых движений во Франции в годы революции («Жерминаль и Прериаль»), который и был в результате опубликован в 1937 г. Годом раньше (1936 г.) увидела свет еще одна работа ученого по истории Франции. Речь идет о его знаменитой книге «Наполеон»².

Написание этой книги сыграло злую шутку над ученым. Работая над ней, Е.В. Тарле надеял-

¹ Академия наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922—1952. М., 2000. С. 97, 192.

² Тарле Е.В. Наполеон / Под ред. К. Радека. М., 1936.

ся, таким образом, упрочить свое положение в глазах советской общественности. Однако результат получился прямо противоположным, и все едва не кончилось новым арестом ученого. Дело в том, что в качестве ответственного редактора книги значился опальный оппозиционер К.Б. Радек, что уже само по себе ставило ее вне закона.

10 июня 1937 г. в двух ведущих советских газетах — «Правде» и «Известиях» — появились разгромные рецензии на эту книгу за подписями А. Константинова («История и современность») и Дм. Кутузова («Против фальсификации истории»)¹. В них Е.В. Тарле прямо был назван «фальсификатором истории», а его книга — вражеской вылазкой. «За личиной объективного историка видны ослиные уши изолгавшегося контрреволюционного публициста, — писала «Правда», — практика у этого господина (Е.В. Тарле. — *Б.В.*) не отставала от теории: стоит лишь вспомнить, что в карикатурном «кабинете» Промпартии вредителя Рамзина, представшего перед советским судом в 1930 г., за ним был закреплен пост министра внутренних (иностранных. — *Б.В.*) дел. Книга о Наполеоне вышла под редакцией Радека, враг народа Бухарин усиленно популяризирует Тарле»².

¹ Правда. 1937. 10 июня. С. 4; Известия. 1937. 10 июня. С. 3.

² Константинов А. История и современность. (По поводу книги Е.В. Тарле «Наполеон») // Правда. 1937. 10 июня.

Новый арест ученого, казалось бы, был неминуем. Однако произошло настоящее чудо¹. Уже на следующий день обе газеты вышли с редакционными опровержениями своих публикаций. «Профессор Е.В. Тарле, — писали теперь «Известия», — как известно, не марксист. Книга его «Наполеон» содержит немало существенных ошибок. Это, однако, не давало никаких оснований автору назвать проф. Е.В. Тарле фальсификатором истории и связать его имя с именем редактора его книги, врагом народа, троцкистского бандита Радека. Это тем более недопустимо, что книга проф. Е.В. Тарле о Наполеоне по сравнению с работами других буржуазных историков является, безусловно, одной из лучших»².

Полагают, что автором опровержения был сам И.В. Сталин. По-видимому, это действительно так. Ведь уже 30 июня 1937 г. Е.В. Тарле получил собственноручное письмо от вождя. «Товарищ Тарле, — отмечалось в нем, — мне казалось, что редакционные замечания «Известий» и «Правды», дезавуирующие критику Константинова и Кутузова, исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме насчет Вашего права ответить в печати на критику этих товарищей антикритикой. Я узнал, однако, недавно, что редакционные за-

¹ Чернецовский Ю. «Как Сталин спас Наполеона. Страницы биографии академика Е.В. Тарле» // Советская культура. 1989. 5 декабря. С. 3.

² Известия. 1937. 11 июня. С. 3.

мечания этих газет Вас не удовлетворили. Если это верно, можно было бы, безусловно, удовлетворить Ваше требование насчет антикритики. За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию «Наполеона»). И. Сталин». Этим письмом, как справедливо пишет Б.С. Каганович, было окончательно определено положение Е.В. Тарле среди других историков как «ценного для советской власти спеца, к которому не следует предъявлять слишком строгих требований»¹.

Не воспользоваться благоприятной для него ситуацией было бы грешно, и Е.В. Тарле 15 апреля 1938 г. пишет письмо И.В. Сталину с просьбой о восстановлении его в звании академика. «Я, — пишет он вождю, — беспартийный большевик, человек, неоднократно выступавший в печати как комментатор Сталинской Конституции, постоянно выступающий с лекциями и докладами по упорным требованиям парткомов и комсомольских организаций, чувствую себя вправе добиваться своей полной реабилитации. И для меня теперь единственной формой является восстановление в Академии наук в качестве действительного члена...»²

¹ Каганович Б.С. Е.В. Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. VII.

² Есаков В.Д. Три письма Е.В. Тарле вождям (1934—1938) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 110—111.

Реакция вождя на просьбу Е.В. Тарле была благоприятной, и 22 апреля 1938 г. вопрос благополучно прошел через Политбюро. 29 сентября 1938 г. решением Общего собрания АН СССР Е.В. Тарле был восстановлен в звании ее действительного члена¹. Годом раньше, в 1937 г., Е.В. Тарле был зачислен старшим научным сотрудником Института истории АН СССР по Ленинградскому отделению.

Укрепившееся положение Е.В. Тарле среди советских историков позволило ему теперь уже вплотную заняться научной работой, хотя, учитывая тогдашние реалии советской историографии, он вынужден был несколько подкорректировать общее направление своих работ и сосредоточиться главным образом на истории войн и международных отношений в Европе. Первой ласточкой здесь стала его монография «Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году» (М., 1938). Впервые после 1917 г. война 1812 г. была названа здесь «Отечественной». В следующем, 1939 г. увидела свет еще одна монография Е.В. Тарле — «Талейран» (М., 1939).

Особенно напряженный характер приобрела научная деятельность Е.В. Тарле в годы Великой Отечественной войны, носившая по обстоятельствам времени ярко выраженный патриотический характер. В 1942 г. за участие в подготовке

¹ Каганович Б.С. Е.В. Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. С. VII.

первого тома «Истории дипломатии» Е.В. Тарле был удостоен Сталинской премии. В 1943 г. опять Сталинская премия. На этот раз за первый том книги «Крымская война», над которой он работал все эти годы¹.

В 1943 г. Е.В. Тарле приступает к работе над большим трудом «Внешняя политика России при Екатерине II», к сожалению, так и оставшимся незавершенным². В 1944 г. Е.В. Тарле был награжден орденом Ленина.

Тем не менее его положение в сообществе советских историков по-прежнему оставалось сложным. Несмотря на формальное осуждение национального нигилизма М.Н. Покровского и репрессирование ряда наиболее одиозных представителей его «школы», большая часть учеников Покровского сумела-таки выжить и по-прежнему сохраняла видное место в советской исторической науке. Е.В. Тарле с его демонстративным русским патриотизмом и государственным явным был среди них «белой вороной».

Крайне любопытна в этой связи их истерическая реакция на выступление Е.В. Тарле в феврале 1944 г. на заседании Ученого совета ЛГУ в Саратове, посвященном 125-летию университета³.

Свой доклад Е.В. Тарле начал с рассказа о

¹ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1—2. М.; Л., 1941—1943.

² Каганович Б.С. Е.В. Тарле: новые разыскания... С. 310—311.

³ Доклад академика Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ «О роли территориального расширения России в XIX — XX веках». Публ. Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 5—10.

тех затруднениях, которые возникли недавно у членов отборочной комиссии, куда входил и Е.В. Тарле, для рекомендации трудов советских историков на присуждение им Сталинской премии. При обсуждении вопроса о только что вышедшей под редакцией А.М. Панкратовой книги «История Казахской ССР»¹ выяснилось, что при освещении присоединения Казахстана к России в ней содержатся утверждения о якобы героической борьбе казахского народа с русскими захватчиками. Решительно осудив такое освещение проблемы территориального расширения России, Е.В. Тарле призвал присутствующих теснее увязывать эти процессы с современным положением народов России в составе СССР. «Хорошо, — заявил Е.В. Тарле, — Шамиль и его приверженцы героически сражались за то дело, которое они считали правым, все это так. Но уместно ли в 1943—1944 гг. или 1935—1939 гг. или когда хотите оплакивать окончательные результаты этой войны? Ведь история живет секундами, которые были. Спорить сегодня, прогресс или регресс в том, что кавказские племена живут теперь под Сталинской Конституцией, а не под «теократией Шамиля», нелепо, — заявил Е.В. Тарле. — Продвижение России в Крым и на Кавказ было необходимым². И хотя, по

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. А.М. Панкратовой и М. Абдукалыкова. Алма-Ата, 1943.

² Доклад академика Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ... С. 7—8.

словам Е.В. Тарле, «нелепо было бы повторять старые патриотические сказочки, которые во времена империи выставлялись, но диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 г. Без этого не обойтись». Это же касается вопроса: «Плюс или минус, что Хива и Бухара со Средней Азией теперь с нами, а не находятся в прежнем дорусском положении». И здесь, по его мнению, двух ответов быть не может¹.

Огромные пространства России, образовавшиеся в результате ее территориального расширения, всегда играли положительную роль в ее истории. Не является здесь исключением, подчеркнул Е.В. Тарле, и наше время и, если сейчас «мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории; это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов. Говорить об этом факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении... совершенно не приходится»².

Не менее интересным, чем сам доклад, был и ответ Е.В. Тарле на вопрос проф. О.Л. Вайнштейна, почему он не коснулся в своем выступлении вопроса о западных границах России. Е.В. Тарле напомнил профессору о живучести среди историков нелепой традиции изображать

¹ Доклад академика Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ... С. 7.

² Там же. С. 6.

Россию как угнетательницу и душительницу польской независимости, что, по его мнению, в корне неверно. «Мы знаем, — заявил Е.В. Тарле, — секретную переписку Фридриха II с конфедератами и мы видим, что или Литва была бы прусской и вся Белоруссия была бы присоединена (к Пруссии. — *Б.В.*), или Екатерина должна была выступить». Упомянув в связи с этим о старой «добросовестной книжке» С.М. Соловьева (речь идет о его работе «История падения Польши») и «блестящей» работе «Последние годы Речи Посполитой» Н.И. Костомарова. Е.В. Тарле заявил далее, что в последней из них: «...Вы найдете в некоторых документах, как поляки распродавали свое Отечество тому, кто больше даст. Но и там не все написано»¹.

Что касается «лживой пропаганды», что будто бы русское завоевание «задушило Финляндию», то, заявил Е.В. Тарле, и об этом «нужно и должно было написать» правду. Финляндия получила от России конституцию, и эту конституцию дал Финляндии Александр I, который фактически создал им государство, и «он совершил преступление, за которое заплатили кровью наши красноармейцы. Александр I пожертвовал им Выборгскую область» (в 1811 г. — *Б.В.*)².

Прямота и резкость выступления Е.В. Тарле

¹ Доклад академика Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ... С. 10.

² Там же.

шокировали собравшихся, не привыкших к такого рода речам. Особенно поразила их как бы мельком брошенная академиком, но несомненно тщательно продуманная им фраза о том, что «люди, которые не пишут историю, а делают ее, думают так...»¹ Правда, в опубликованной в 2002 г. стенограмме выступления Е.В. Тарле мы читаем несколько иной текст: «... нашими поступками очень заинтересовались те, кто не пишет, а делает историю. И они вправе были этим заинтересоваться»². Какой вариант истинный — сказать наверняка нельзя, хотя, судя по контексту, предпочтение следует отдать первому.

Конечно же, незамеченным возмутительное с точки зрения «интернационалистов» выступление Е.В. Тарле пройти не могло. Неудивительно, что уже в июне-июле 1944 г. на совещании историков в ЦК ВКП(б) доклад Е.В. Тарле подвергся жесткой критике со стороны таких «интернационалистов», как Э.Б. Генкина, Б.М. Волин, А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров, В.М. Волгин, и других за «оправдание» колониальной политики царизма, преувеличение роли обширности территории страны в успехах Красной армии, за забвение организаторской роли советской власти и партии в победе над врагом и т.п., причем все вы-

¹ Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галлея. Саратов, 1995. С. 136.

² Доклад академика Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ... С. 9.

ступавшие как один ссылались на уже ходившую по рукам стенограмму выступления Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ.

Вынужденный отвечать на критику, Е.В. Тарле апеллировал, главным образом, к тому, что оппоненты неправоммерно ссылаются на неправленный текст стенограммы его выступления, приписывая ему то, чего он на самом деле никогда не говорил¹.

Инцидент 1944 г. с неудачным выступлением Е.В. Тарле на Ученом совете ЛГУ показал, что, несмотря на ордена, медали и Сталинские премии и даже видимое благоволение к нему со стороны вождя, покойной жизни, о которой он всегда мечтал, ему не видать. И действительно, и года не прошло с момента злополучного инцидента, как нападению (Н.М. Дружинин) неожиданно подверглась «Крымская война» Е.В. Тарле (ее второй том) за идеализацию действий России в Крымской войне и воспевание ее «великодержавия». «Ошибка академика Тарле, — заявил в «Историческом журнале» Н.М. Дружинин, — заключается в том, что он отождествляет русский народ и царскую власть, сливая их в едином, неразделимом понятии российской государственности»². Критиковал Е.В. Тарле и Н.Н. Яковлев, решительно не соглашавшийся с выводом ака-

¹ Вопросы истории. 2002. № 6. С. 50.

² Дружинин Н.М. Спорные вопросы Крымской войны // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 120.

демика об итогах Крымской войны, в которой Россия якобы, по существу, не понесла никакого поражения. «Некоторые историки, — заявил он, — склонны замалчивать коренное различие между народом и царским правительством». Не удержался он и от критики мысли Е.В. Тарле об огромных пространствах России как важном, если не главном, факторе победы над фашистской Германией, хотя прямого отношения к рецензируемой им книге это и не имело. «Решающим фактором победы в Великой Отечественной войне явилось, — подчеркнул рецензент, — наличие советской власти»¹. Спорить с таким аргументом было, разумеется, бесполезно.

Е.В. Тарле и не спорил, тем более что критика эта ничуть не помешала ему получить в 1946 г. новую, уже третью Сталинскую премию. На этот раз за участие в подготовке третьего тома «Истории дипломатии». В 1948 г. Е.В. Тарле было передано поручение И.В. Сталина подготовить трилогию «Русский народ в борьбе против иностранной агрессии в XVIII — XX веках». Первая книга этой серии «Северная война и шведское нашествие на Россию» действительно была им написана, хотя и увидела свет в 1958 г. уже после смерти Е.В. Тарле². Что касается двух других — о войне 1812 г. и Великой Отечественной

¹ Яковлев Н.Н. О книге Е.В. Тарле «Крымская война» // Журнал «Большевик». 1945. № 13. С. 62 — 72.

² Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

войне 1941—1945 гг., то к написанию их Е.В. Тарле приступить так и не успел. Вот что писал об этом сам Е.В. Тарле в письме к И.В. Сталину от 12 июня 1950 г. «Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович! Препровождаю Вам экземпляр (рукопись. — *Б.В.*) моего исследования «Шведское нашествие на Россию 1708—1709 гг.». Это первая часть того труда о русском народе в борьбе с агрессорами, который по Вашей мысли и желанию я взял на себя. Вторая часть (о нашествии Наполеона в 1812 г.) частично уже разрабатывается мною. Но всей душой стремлюсь приняться за третью и последнюю часть (о немецко-фашистской агрессии и ее позорном провале в 1941—1945 гг.). Я не хочу умереть, не успев закончить этого трехтомного труда, инициатором и вдохновителем которого Вы были... Сердечно Вас любящий и преданный Вам. Евг. Тарле»¹.

В том же 1950 г. последовало награждение Е.В. Тарле еще одним орденом Ленина. Но это отнюдь не спасло академика-орденоносца (три ордена Ленина и два Трудового Красного Знамени), трижды лауреата Сталинской премии (в 1942-м, 1943-м и 1946 годах) от нелюбезной критики со стороны коллег.

В 1951 г. в самый разгар борьбы с космополитизмом в журнале «Большевик» появилась статья С.И. Кожухова — директора Бородинского музея

¹ Академик Е.В. Тарле и власть. Письма историка И.В. Сталину и Г.М. Маленкову. 1937—1950 гг. Публ. И.А. Шеина // Исторический архив. 2001. № 3. С. 105—106.

«К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.», автор которой обвинил Е.В. Тарле как автора «Нашествия Наполеона на Россию» в преувеличении роли Баркляя де Толли и Наполеона Бонапарта и, напротив, в недооценке полководческого гения М.И. Кутузова¹. Фактически это было обвинение в антипатриотизме, и в конкретных исторических условиях того времени оно таило в себе огромную опасность для Е.В. Тарле.

Спасло его очередное вмешательство И.В. Сталина, с разрешения которого журнал вынужден был напечатать ответ Е.В. Тарле С.И. Кожухову².

Начиная со второй половины 1940-х гг. помимо основной темы творчества Е.В. Тарле — история войн и дипломатии внимание его привлекает морская тематика. С 1945-го по 1954 год им были опубликованы три монографии об экспедициях русских военных моряков в Средиземное море: «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774 гг.)»³, «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.)»⁴, «Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Среди-

¹ Кожухов С.И. К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15. С. 23—35.

² Тарле Е.В. Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Большевик. 1951. № 19. С. 71—77.

³ Тарле Е.В.: Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774 гг.). М.; Л., 1945.

⁴ Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М., 1948.

земное море (1805—1807 гг.)»¹, а также такие известные работы, как «Русский флот и внешняя политика Петра I» (Москва, 1949) и «Город русской славы. Севастополь в 1854—1855 гг.» (Москва, 1954).

После войны Е.В. Тарле жил главным образом в Москве (улица Серафимовича, дом 2, Дом на набережной, квартира 188), сохранив вместе с тем и ленинградскую квартиру (Дворцовая набережная, дом 39, квартира 4), занимая здесь часть апартаментов С.Ю. Витте и эпизодически читая (до 1953 г.) ряд курсов на историческом факультете ЛГУ. Умер Евгений Викторович 6 января 1955 г. в зените славы крупнейшего и известнейшего советского историка.

В заключение отметим, что обещание Е.В. Тарле, данное им в ходе следствия, посвятить «весь остаток своей жизни тому, чтобы работать в единении с советской властью на пользу трудящихся», не было пустыми словами. В связи с новыми тенденциями в идеологии Советского государства во второй половине тридцатых годов, стала востребованной государственно-патриотическая направленность в исторической науке, и Тарле в целом успешно построил свою научную деятельность на этих принципах в последние годы его жизни.

¹ Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807 гг.). М., 1954.

Часть IV

ПРОФЕССОР И.Я. ФРОЯНОВ И ЕГО «ДЕЛО» (2000—2001 гг.)

1. ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

«Дело», о котором здесь пойдет речь, необычно. И не только тем, что глумлению и травле подвергся один из наиболее крупных на сегодняшний день историков нашей страны. Не менее существенно и то, что случилось это не в далекие теперь от нас сталинские времена, а в 2000—2001 гг. В попытке приблизиться к пониманию того, что же все-таки происходит в нашей стране, в гуманитарной, исторической сфере, собственно, и состоит основной интерес «дела» И.Я. Фроянова.

Сразу надо сказать: несмотря на оголтелость нападок на И.Я. Фроянова, даже злейшие недруги его вынуждены были ограничиться критикой работ ученого исключительно по новейшей истории России, молчаливо признавая тем самым незыблемость его вклада в разработку истории Древней Руси, как автора оригинальной концепции о доклассовом и общинном характере ее общественного и государственного строя.

Огромный вклад И.Я. Фроянова в разработку истории Древней и средневековой Руси (перу ученого принадлежат 12 монографий и свыше 200 статей и брошюр)¹, таким образом, неоспорим. Нужно учесть общий замысел работы, когда в центре внимания оказываются дискуссионные труды И.Я. Фроянова по новейшей истории России, появившиеся во второй половине 1990-х гг., и организованная в связи с этим прозападными силами травля ученого в средствах массовой информации, обстоятельство это отчасти облегчает нашу задачу, позволяя ограничиться здесь лишь самыми необходимыми сведениями, относящимися к жизненному пути ученого и его работам предшествующего периода² (обстоятельный анализ их потребовал бы написания целой монографии). Однако и совсем умолчать о вкладе И.Я. Фроянова в изучение истории Древней Руси было бы неправильно.

¹ Петров А.В. И.Я. Фроянову — 65 лет // Университетский историк. Альманах. 2002. № 1. С. 188—189.

² Панченко С.А., Дегтярев А.Я., Алексеев Ю.Г., Воробьев В.М., Дворниченко А.Ю. Игорь Яковлевич Фроянов (страницы жизни и творчества русского ученого) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 5—26; Барсуков А.К., Долгов В.В., Кривошеев Ю.В., Котляров Ю.А., Петров А.В., Пузанов В.В. К 65-летию Игоря Яковлевича Фроянова // Исследования по русской истории. СПб.; Ижевск, 2001. С. 3—16; Алексеев Ю.Г. За Отечество свое стоятель // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 5—18.

Родился Игорь Яковлевич Фроянов 22 июня 1936 г. в городе Армави́ре Краснодарского края в семье командира Красной армии Якова Петровича Фроянова и его жены Лидии Игнатьевны (в девичестве Меркуловой). Детские и юношеские годы будущего историка прошли в Ставрополе. Окончив среднюю школу и отслужив, как и положено, в армии, И.Я. Фроянов вернулся в Ставрополь, где и поступил в 1958 г. на историко-филологический факультет местного Педагогического института.

Прочитав еще на первом курсе института «Курс русской истории» В.О. Ключевского, И.Я. Фроянов понял, что не ошибся в выборе профессии. Но его конкретные научные интересы — категории зависимого населения Древней Руси — определились только после прочтения им «Киевской Руси» признанного в то время корифея советской исторической науки академика Б.Д. Грекова. Отдав должное этой замечательной книге, И.Я. Фроянов, вместе с тем, увидел и спорные ее места, расходящиеся с тем, что говорят источники. «Зацепившись» за них, он решает самостоятельно разобраться в заинтересовавших его вопросах. В результате в 1962 году появилась первая научная работа И.Я. Фроянова — его реферат «Челядь и холопы» объемом 100 печатных страниц.

Инициатива в его написании всецело исходила от самого И.Я. Фроянова, так как курсовых работ в то время на историко-филологическом факультете Ставропольского пединститута не писали.

Что же касается дипломного сочинения, то писать его предлагалось студентам не по истории, а исключительно по педагогике, от чего И.Я. Фроянов, понятное дело, уклонился и предпочел сдавать экзамен.

После окончания Педагогического института Фроянов поступил в аспирантуру исторического факультета Ленинградского университета. Здесь он защитил свою кандидатскую диссертацию, посвященную анализу положения различных групп зависимого населения Древней Руси, и докторскую — о социально-экономическом строе Руси в целом.

2 февраля 1978 года Ученый совет факультета избрал И.Я. Фроянова на должность профессора. 27 февраля того же года последовало избрание его на эту должность уже на Большом совете ЛГУ. Профессорские «корочки» ВАК И.Я. Фроянов получил 7 декабря 1979 года.

Напряженная работа И.Я. Фроянова увенчалась выходом в 1980 г. в свет его новой монографии «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории». Место этой работы в творческой биографии ученого заключается, прежде всего, в том, что ею была завершена разработка им новой концепции общинного в своей основе характера общественного строя Древней Руси, хотя окончательное ее оформление следует отнести, видимо, все-таки к более позднему времени, т.е. к работам ученого второй половины 1980-х — начала 1990-х гг.

В июне 1982 года И.Я. Фроянов становится деканом исторического факультета ЛГУ. Нечего и говорить, что это сразу упрочило позиции И.Я. Фроянова в обществе советских историков.

Феномен И.Я. Фроянова, сумевшего не только создать яркую и оригинальную концепцию Древней Руси, не только воспитать в стенах Ленинградского университета крупную научную школу, среди представителей которой такие известные ученые, как А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев, А.В. Майоров, И.Б. Михайлова, А.В. Петров, В.В. Пузанов (Ижевск), С.С. Пашин (Тюмень), С.И. Маловичко (Ставрополь), И. Минин и другие (всего под непосредственным руководством И.Я. Фроянова написано и защищено 15 кандидатских и 3 докторские диссертации), но еще и в течение 19 лет «держат» в своих руках исторический факультет одного из крупнейших вузов страны, причем в самое переломное для нее время второй половины 1980-х — 1990-х гг., — очевиден.

Что же касается научных взглядов И.Я. Фроянова, то разработанная им концепция общинного строя Киевской Руси позволяет по-новому взглянуть на историю России — эта концепция показывает, насколько сильными оказались в нашем народе заложенные в нем еще в глубокой древности общинные, коллективистские, демократические начала: мирская поддержка, взаимопомощь, стремление к равенству и справедливости, негативное отношение к стяжательству и

корыстолюбю!¹ С этим связано появление ряда статей ученого: «О возникновении монархии в России»,² «О возникновении русского абсолютизма»,³ «Иван III и русская государственность»,⁴ «Российская история и современная политика»⁵ и других публикаций.

Определенные итоги наблюдений ученого над российской государственностью до 1917 г. подведены им в статье 1995 г. «Романовы и традиционные основы русской государственности»⁶.

Основа нашей цивилизации, как показал здесь И.Я. Фроянов, не татарская или византийская, а славянская и выражается она в коллективизме, общинности и мирском духе русского народа. Приоритет интересов коллектива над личностью — вот наша исконная черта.

И.Я. Фроянов был первым из современных историков, кто обратил серьезное внимание на нравственно-созидательную функцию русского

¹ Фроянов И.Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Начала русской истории. Избранное / Под ред. Ю.Г. Алексеева. М., 2001. С. 934.

² Фроянов И.Я. О возникновении монархии в России // Исторический опыт русского народа и современность. Вып. 2. Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 20—46.

³ Фроянов И.Я. О возникновении русского абсолютизма // Начала русской истории... С. 908—919.

⁴ Там же. С. 920—928.

⁵ Фроянов И.Я. Российская история и современная политика // Начала русской истории... С. 942—953.

⁶ Фроянов И.Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Начала русской истории... С. 941.

государства XVIII — XX вв.¹. Защита подданных от всякого рода невзгод, несправедливостей и неурядиц русской повседневной жизни считалась в XIX — начале XX вв. одной из важнейших обязанностей русских императоров, приходит к выводу ученый². Из этого, однако, совсем еще не следует, что будто бы русские самодержцы стояли на страже интересов одного лишь простого народа, забывая о нуждах верхушки общества, предостерегает он. Говорить так — значило бы упрощать историю. И это недопустимо, но столь же недопустимо игнорировать факты прошлого о рдении русских государей в пользу простого люда³.

Сильной стороной концепции И.Я. Фроянова является его пристальное внимание к духовному, нравственному началу в русской истории. Ведь не секрет, что на протяжении многих веков, — отмечает он, — Россия держалась на трех своих «китах» — общине, самодержавии и православии⁴. Усиленное расшатывание устоев русской жизни, начиная с петровских времен под влиянием западничества, имело для нее катастрофические последствия. «В XVIII в., в период абсолютизма, произошло определенное возрождение феода-

¹ Фроянов И.Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Начала русской истории... С. 932—933.

² Там же. С. 937 — 938.

³ Там же. С. 930.

⁴ Фроянов И.Я. О возникновении монархии в России // Исторический опыт русского народа и современность. С. 20.

лизма. До этого общество состояло из групп, связанных с государством служилыми отношениями. В течение многих веков наше государство находилось в осадном положении. Это скрепляло общество. С петровских времен началось расхождение между народом и верхушкой общества, затем дворяне были освобождены Петром III от военной службы, а крестьянскую реформу не провели. На эту несправедливость народ ответил «Пугачевщиной». И это расхождение продолжалось до начала XX в.»¹.

* * *

Трагедия 1991 г., можно сказать, происходила у всех на глазах. Однако реакция на нее со стороны профессиональных историков была далеко не однозначной. В то время как ряд ранее поддерживавших И.Я. Фроянова коллег и «друзей» спешили перестроиться и срочно скорректировать свои исторические взгляды на демократический, так сказать, лад, Игорь Яковлевич все более и более утверждался на государственно-патриотических позициях.

Рубежным в этом плане следует признать 1997 г., ознаменовавшийся публикацией им своей книги «Октябрь семнадцатого. (Глядя из настоящего)»². По объему (160 стр.) она сравнительно

¹ Профессор Фроянов: «Борьба продолжается» // Новый Петербург. 5 июля 2003. С. 5.

² Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. (Глядя из настоящего). СПб., 1997.

невелика, но по богатству представленных в ней наблюдений справедливо может быть отнесена к разряду тех книг, которые стоят многих томов.

2. «НЕТ СИЛ ВНИМАТЬ РАВНОДУШНО ЗЛУ»: РАБОТЫ И.Я. ФРОЯНОВА ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Конечно, об Октябре 1917 г. писали и до И.Я. Фроянова, но писали тогда, когда дело Октября торжествовало. И.Я. Фроянов же написал свою книгу уже после крушения СССР и реставрации капитализма в нашей стране. Естественно, что писать о Великом Октябре так, как писали о нем до 1991 г., было уже нельзя. «Гибель КПСС, ликвидация Советов, передел государственной собственности, расчленение исторической России, геноцид русского народа и курс на капитализацию бросают яркий луч на Октябрь 1917 г., высвечивая то, что раньше оставалось в тени»¹, — справедливо отмечает в связи с этим И.Я. Фроянов.

Нельзя не учитывать и того, что в отличие от сегодняшних патентованных, так называемых узких специалистов по новейшей истории России И.Я. Фроянов, будучи выдающимся историком, как никто другой был подготовлен для написания этой работы, требующей от исследователя не

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 7.

только твердого знания фактов, но еще и обладания незаурядным даром исторического, социологического видения исторических явлений.

«Обращаясь к событиям 1917 г., — отмечает И.Я. Фроянов, — нельзя не видеть их противоречивости. Они несут на себе печать созидания и разрушения, национальной славы и позора. Их социальное одушевление соседствует с нравственным одичанием. В этих событиях, — подчеркивает ученый, — также четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере»¹. Опираясь почти на трехсотлетний исторический опыт, приходит к выводу И.Я. Фроянов, смело можно утверждать, что «нестабильное внутреннее положение России всегда было чрезвычайно выгодным и полезным для Запада, позволяя ему выкачивать из нашей страны огромные богатства, питающие его экономику и финансы»².

И.Я. Фроянов приводит впечатляющие факты колоссальной утечки капиталов из России, начиная от петровских времен (А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров и др.) до горбачевской перестройки³. «И сейчас, — отмечает он, — мы являемся свидетелями нового грабежа России Запа-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 7—8.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 108, 110 и другие.

дом, постыдно осуществляемого при помощи «демократических» реформ и насильственного насаждения капиталистических отношений»¹.

Большое внимание в связи с этим уделяет И.Я. Фроянов проблеме так называемых немецких денег, которые якобы получали большевики на подготовку и проведение революции, о чем, собственно, было уже известно давно. Заслугой И.Я. Фроянова стало то, что он сумел показать, что деньги «из германского кошелька» получали в это время не только большевики, но и представители других партий и организаций, готовивших революцию в России². И не следует, подчеркивает ученый, демонизировать поведение тех, кто брал. «Политика, кем бы она ни проводилась, не может быть чистой и незапятнанной. Такова, увы, проза жизни»³.

Крупным представителем мировой закулисы был в это время немецкий социал-демократ Александр (Израиль) Лазаревич Гельфанд (партийная кличка Парвус). В 1915 г., как показал И.Я. Фроянов, Парвус вступил в прямой контакт с немцами, предложив им план по свержению самодержавия в России и расчленению ее на мелкие государства. «Россия, — пишет И.Я. Фроянов, — вызывала у Парвуса дикую злобу и ненависть. Он решил сделать все, чтобы погубить ее.

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 113.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 84.

Им был выработан план действий, в центре которого стояла Германия. Конечно, он действовал не один, а воплощал коллективную волю определенных лиц. Но внешне все выглядело так, как будто он повел самостоятельную игру»¹.

Немцы приняли предложение Парвуса, так и не разгадав истинных планов этого человека, стремившегося не только уничтожить историческую Россию, но и раздавить заодно и монархическую Германию².

Новым в разработке этой темы стало то, что И.Я. Фроянову удалось показать, что помимо немецких денег финансирование развала России осуществлялось еще и по линии денег самого Парвуса и тех лиц, которые за ним стояли (Еврейский синдикат банкиров). Первые служили прикрытием вторых, что до сих пор сбивает с толку исследователей, «заикливавшихся» на немецких деньгах, констатирует ученый³.

Отдав должное внешнему фактору в подготовке и инициированию революции, И.Я. Фроянов в то же время отнюдь не склонен его преувеличивать. «Было бы сверхпримитивизмом, — пишет он, — ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В.И. Лениным... И внеш-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 90.

² Там же. С. 107 — 108.

³ Там же. С. 108—109.

ние силы, и партия большевиков лишь умело воспользовались объективно сложившейся в стране реальной ситуацией, имеющей глубокие исторические корни»¹.

А началось все, подчеркивает ученый, с петровских реформ. «Именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения, прежде всего крестьянством. Поляризация интересов помещиков и крестьян — основная ось, вокруг которой на протяжении веков вращались противоречия российской действительности, разрешившиеся, в конечном счете, крушением царской России»².

Большой интерес представляют и суждения И.Я. Фроянова о движущих силах революции 1905—1917 гг. Это была, считает ученый, «не обезличенная буржуазно-демократическая революция, а русская аграрно-демократическая революция. Русская — потому что основным ее пафосом было отрицание буржуазной частной собственности на землю, проистекающее из миропонимания русских крестьян. А аграрно-демократическая вследствие того, что ее главной движущей силой являлось обездоленное крестьянство, опирающееся в своей борьбе за новое устройство жизни на старые общинные, демократические по своей сути, устои»³. И.Я. Фроя-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 27—28.

нов твердо убежден, что капиталистические отношения в деревне отвергались нашими крестьянами¹. Отсюда его сдержанное в целом отношение к аграрной реформе П.А. Столыпина. «Мы, — пишет он, — не разделяем... хвалебной оценки деятельности П.А. Столыпина как реформатора. С точки зрения конкретного момента она, быть может, достигла преследуемых целей, ослабляя революционный накал в стране. Но в плане исторической оценки, причем, как показало ближайшее время, эта деятельность оказалась пагубной для старой России, обострив до крайнего предела противоречия в русской деревне и подготовив, таким образом, Октябрьскую революцию»². Главная же неудача Столыпина-реформатора заключается, по мнению И.Я. Фроянова, в том, что он «замахнулся на вековые устои крестьянского быта... Он хотел переделать народ»³.

Не разделяет И.Я. Фроянов и распространенный среди историков взгляд на Первую мировую войну и вызванный ею общенациональный кризис как причину революционных потрясений 1917 г. «Не война и вызванные ею неслыханные бедствия создали почву для вспышки социальной революции, а вся предшествующая двухсотлетняя история, накопившая в народе огромный горючий материал. Война и связанные с нею

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 26.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 38.

бедствия лишь запалили его», — убежден ученый¹.

Что касается «Великого Февраля», то, по мнению И.Я. Фроянова, правильнее было бы отнести его «к разряду политических переворотов, а не социальных революций»². Ведь к власти в результате пришли силы, заинтересованные в капиталистическом развитии России и учреждении в ней парламентской демократии западного образца³. Другое дело — Октябрьская революция, которая действительно произвела коренной переворот в обществе. Но и здесь И.Я. Фроянов предпочитает не оглядываться на авторитеты, а идет собственным путем в ее оценке. «Революция, — отмечает он, — была совершена рабочими и солдатами, в последнем случае фактически крестьянами. Крестьяне и защитили ее в годы Гражданской войны»⁴.

В свое время покойный ныне историк и публицист В. Кожин выдвинул интересную мысль о двух сторонах «Великого Октября»: «Россия для революции» и «Революция для России». «Революция для России», по В. Кожину, когда происходит освобождение народа от политических и экономических пут — это действительно русская и действительно народная революция.

Что же касается решения «Россия для рево-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 47.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 10.

люции», то это когда во имя торжества абстрактных максималистских схем о новом человеке и новом мире все накопленное веками отрицается и народ используется как своего рода простая вязанка хвороста, бросаемая в костер мировой революции. Ничего общего с действительными народными нуждами оно, подчеркивает В. Кожин, не имело¹.

Отталкиваясь от этой мысли В. Кожин, И.Я. Фроянов показал, что главным достижением Октябрьской революции стало то, что, по большому счету, она была «революцией для России». «Ее с полным основанием, — пишет И.Я. Фроянов, — можно назвать Второй Русской рабоче-крестьянской революцией. Русской потому, что она в соответствии с ментальными особенностями русского народа отвергла капиталистический путь развития страны. Рабоче-крестьянской потому, что в ней, по сравнению с первой аграрно-демократической революцией 1905—1907 гг., значительно возросла роль рабочего класса»².

Что касается тенденции «Россия для революции», то связана она была главным образом с надеждами большевиков на мировую революцию. Надежды эти, однако, не оправдались, и уже с конца 1920-х гг. начинается процесс своеобразной «национализации» Октябрьской революции, принявший на своем начальном этапе форму

¹ Диалог недели. Вадим Кожин — Бенедикт Сарнов. Россия и революция // Литературная газета. 1989. 15 марта.

² Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 49.

борьбы с «троцкистско-зиновьевским блоком» и «социал-демократическим уклоном» в партии¹.

Победа И.В. Сталина и его сторонников, сопровождавшаяся коренными социально-экономическими преобразованиями в стране и улучшением жизни народа, означала вместе с тем и торжество «кожиновской» формулы «Революция для России», по И.Я. Фроянову.

Однако ученый не ограничивается разработкой идеи В. Кожинова, а идет дальше. В Октябрьской революции, отмечает он, на самом деле столкнулись не два, а три взаимоисключающих решения: «Революция для России», «Россия для революции» и «Революция против России»². Что же касается содержания этого третьего решения, то оно всецело, подчеркивает И.Я. Фроянов, было связано с игрой внешних сил, враждебных России (мировая закулиса).

И.Я. Фроянов убежден, что В.И. Ленин и большевики с их ориентацией на мировую революцию, хотя и рассматривали Россию как своеобразный локомотив ее, в то же время были кровно заинтересованы в сохранении, хотя бы и под другим названием, веками сложившегося мощного государства³. «Кто бы как ни относился к В.И. Ленину и большевикам, — пишет он, — нужно все же признать, что именно они помеша-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 116.

ли антирусским мировым силам реализовать план раздробления России или ликвидации ее как великой державы»¹.

Несмотря на некоторые перегибы, твердо взятый И.В. Сталиным курс на строительство социализма в одной стране и восстановление им накануне войны одной из коренных русских идей — идеи державности, в конечном счете, в плане историческом, — было большим благом для России, считает И.Я. Фроянов².

Что касается заявлений руководителей КПСС о построении социализма в нашей стране, то относиться к ним следует критически, подчеркивает ученый. В лучшем случае речь может идти только о подступах к нему³.

Переход к следующему этапу социалистического строительства, с децентрализацией экономики и власти, соединением производителя со средствами производства через формирование собственников в лице осуществляющих обмен взаимными услугами трудовых организаций и коллективов (а это и есть социализм по И.Я. Фроянову. — *Б.В.*) был бы в конкретных исторических условиях 1930—1940-х гг. преждевременным и даже губительным в случае новой войны для страны. И.В. Сталин, подчеркивает И.Я. Фроянов, прекрасно это понимал и поэтому не пошел дальше «создания социально ориенти-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 117.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 123.

рованного государственного капитализма, превратив его в мощную цитадель независимости и суверенитета СССР»¹.

Переход к непосредственному осуществлению социалистических принципов должны были осуществить преемники И.В. Сталина, тем более что условия для этого, благодаря созданному в рекордно короткий срок ракетно-ядерному щиту Родины, который фактически ликвидировал угрозу непосредственного вмешательства Запада во внутренние дела СССР, были налицо. «Однако, — как подчеркивает ученый, — у партийного и советского руководства не хватило ни интеллекта, ни воли, да и, быть может, желания, чтобы продолжить социалистическое строительство... После смерти Сталина руководящая верхушка передралась в борьбе за власть. Пигмеи делили наследство Колосса. Им было не до страны и народа»².

Это была, подчеркивает И.Я. Фроянов, самая настоящая трагедия для страны, так как к этому времени созданная большевиками система социально-ориентированного государственного капитализма с ее командными высотами в экономике и тоталитарной властью в общественной жизни фактически исчерпала свой ресурс³. В результате уже с начала 1960-х гг. начинаются про-

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 129.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 129.

цессы загнивания и деградации советской системы, а отсюда было совсем недалеко, можно даже сказать, рукой подать, до горбачевской перестройки, развала СССР и реставрации капитализма в стране.

«Сейчас, — приходит к выводу И.Я. Фроянов, — можно с уверенностью говорить, что перестройка являлась подготовительной ступенью для последующих манипуляций внешних сил с Россией. С этой точки зрения эпоху демократических реформ следует считать вторым изданием Октябрьской революции 1917 г., в рамках ее решения «Революция против России». Эти реформы идут сверху, не вызывая в народной массе никакого энтузиазма... Но, — подчеркивает И.Я. Фроянов, — Октябрь 1917 г., будучи мощным прорывом миллионов людей к свободе, справедливости и равенству, содержал в себе и другое решение «Революция для России». Именно этим он велик и притягателен»¹.

* * *

Важным этапом в научной биографии И.Я. Фроянова стал выход в 1999 г. его большого исследования (55 учетно-издат. листов), посвященного горбачевской перестройке и первым шагам гайдаровско-ельцинских реформ — «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века»².

¹ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. С. 143.

² Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.

Обращает на себя внимание аннотация к книге: «... Новая работа И.Я. Фроянова — первое фундаментальное научное исследование практически всех сюжетных линий той трагедии мирового масштаба, которую ее истинные, а не мнимые творцы цинично нарекли «перестройкой»... Книга посвящена светлой памяти создателей и защитников советской державы, и это не случайно, их пример беззаветного служения Отечеству неистребим в сердцах сыновей и внуков победителей. «Пятые колонны» приходят и уходят, а мы остаемся».

Книга является своеобразным продолжением предшествующей работы И.Я. Фроянова «Октябрь семнадцатого. Глядя из настоящего». В предисловии к новому исследованию И.Я. Фроянов так объясняет свое несколько необычное для специалиста по Древней Руси обращение к проблемам современной истории. Во-первых, это — университетская традиция (А.Е. Пресянков, С.Н. Валк, Б.А. Романов, А.Л. Шапиро, В.В. Мавродин) — быть историком широкого профиля, свободно ориентирующимся в самых разных периодах отечественной истории. Однако главная причина его обращения к столь скользкой, даже опасной теме (и И.Я. Фроянов не скрывает этого) связана прежде всего с гражданской позицией автора: «Нет сил внимать равнодушно злу, которое разлилось по нашей многострадальной стране. Негодование и ненависть клопочут в груди»¹.

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 8.

Сама работа И.Я. Фроянова состоит из семи глав. Первые пять из них: «Внешний фактор» (глава первая); «Внутренние предпосылки» (глава вторая); «Новые планы Запада» (глава третья); «Андропов» (глава четвертая); «Андропов и Горбачев» (глава пятая) невелики по объему (всего 125 страниц) и составляют своеобразное введение к двум основным главам исследования — «Перестройка» (глава шестая) и «Горбачев и Ельцин: продолжение перестройки» (глава седьмая). Именно они и определяют основное содержание книги, ее проблематику.

Мы уже отмечали, что еще в первой своей книге «Октябрь семнадцатого» И.Я. Фроянов расценил свершившиеся в сталинское время преобразования в нашей стране как благо для России, несмотря на очевидные недостатки сталинской системы. И дело тут не только в том, что в результате «сталинских пятилеток» было создано мощное государство, что И.Я. Фроянову как убежденному государственнику и патриоту, несомненно, импонирует. И даже не в том, что социалистические преобразования самым непосредственным образом сказались на невиданном ранее для нашей страны росте образовательного, культурного и материального уровня советских людей. Главное здесь для И.Я. Фроянова то, что созданный большевиками общественный строй имел, несмотря на присущие ему недостатки, хорошие перспективы для преобразования и разрастания его в некое новое справедливое и гуманное общество, основанное на

гармоничных началах славяно-русской цивилизации.

«Переход к социализму, — убежден И.Я. Фроянов, — это соединение собственности и власти с народными массами. Контроль народа над властью, подотчетность власти народу. Такое устройство государства, если оно и защищено еще военной мощью, непобедимо»¹.

Создать такое государство большевикам, констатирует И.Я. Фроянов, так и не удалось, и дальше социально-ориентированного государственного капитализма дело не пошло. И тот положительный потенциал, которым обладало построенное в СССР «социалистическое общество», так и не был реализован. И виноваты в этом, убежден И.Я. Фроянов, не только общая деградация и перерождение властной верхушки в СССР, но и еще невиданное давление на нашу страну со стороны Запада: навязанная нам непосильная для советской экономики гонка вооружений и широкое внедрение среди правящего слоя государства и советской, прежде всего творческой, интеллигенции идей так называемых общечеловеческих (читай: западных) ценностей.

В своей работе И.Я. Фроянов неоднократно возвращается к тем мыслям, которые были высказаны им в предыдущем труде «Октябрь семнадцатого» о построении в СССР за годы «сталинских пятилеток» социально ориентированного государственного капитализма и неспо-

¹ Игорь Фроянов: «Мы никогда не жили при социализме» // Новый Петербург. 2001. 29 марта. С. 4.

собности или даже нежелания преемников И.В. Сталина продолжить дело строительства социализма в СССР. Чрезвычайно важным для понимания глубинных процессов, приведших к падению Советской державы, И.Я. Фроянов считает эпоху «застоя», хотя начало процесса разложения советского общественного строя, обусловленного как внутренними причинами, так и подрывными действиями враждебных нам внешних сил, может быть отнесено к более раннему периоду — эпохе 60-х годов. Основой негативных явлений этого времени было, по И.Я. Фроянову, искусственное сохранение отживших свой век отношений собственности. Советское общество все больше и больше превращалось в механическое соединение различных социальных групп со своими собственными интересами и начисто лишенных какой-либо руководящей идеи. На этом фоне явственно обозначились процессы денационализации цементирующей силы советского общества — русского этноса.

«Это, — пишет И.Я. Фроянов, — сразу же почувяли наши недруги, сообразив, что возник удобный и благоприятный момент для осуществления давнего плана овладения Россией. Вот почему с начала 80-х гг. открывается новый, наиболее драматический период натиска Запада на Россию»¹.

«Нельзя, конечно, — пишет И.Я. Фроянов, —

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 69.

все беды, переживаемые ныне Россией, однобоко объяснять действиями ее закордонных недругов. Вместе с тем нельзя и по-детски наивно закрывать глаза на их подрывную работу»¹.

Большой интерес представляют страницы книги И.Я. Фроянова, посвященные Ю.В. Андропову и его связям с М.С. Горбачевым. «По моему мнению, — пишет здесь ученый, — не будь Андропова — не было бы и Горбачева в высшем эшелоне власти, а значит, и не видать ему должности Генсека. Никого другого, а именно Андропова надо «благодарить» за то, что он взрастил Горбачева»².

Желание Запада «прибрать к рукам» советскую страну, считает И.Я. Фроянов, имело две побудительные причины: экономическую и военно-политическую. С точки зрения экономической, подчинение России западному влиянию сулило мировой промышленно-финансовой элите богатейший источник сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы. С точки зрения военно-политической, ставилась задача устранения с мировой арены СССР как великой державы, с последующим его расчленением на части и превращением русского народа в безликую и безвольную этническую массу³.

Впрочем, СССР накануне перестройки пред-

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 23.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 70—71.

ставлял собой вполне жизнеспособный организм, способный эффективно противостоять внешним и внутренним угрозам. Случившееся, делает принципиальный вывод И.Я. Фроянов, не историческая предопределенность, о чем без устали твердят наши демократы и либералы, а результат преступного умысла вполне конкретных людей, стоявших во главе государства и сознательно взявших курс на его разрушение. «Как бы там ни было, — констатирует ученый, — СССР обладал еще запасом прочности и мог бы простоять какое-то время, не начнись губительная «перестройка», искусно спущенная Западом»¹.

Огромное значение в этой связи придает И.Я. Фроянов субъективному фактору — предательству Горбачевым государства и партии — предательству, поддержанному в решающую минуту и правящей верхушкой нашей страны. Говоря о гибели в 1991 г. СССР, убежден ученый, необходимо иметь в виду не столько мнимые или явные системные пороки экономического, общественного, политического, государственного строя страны, сколько спланированные действия разрушительных сил, внешних и внутренних. Речь идет о так называемой «пятой колонне», («агенты влияния»), сформировавшейся в нашей стране к началу перестройки, олицетворением которой и стал Генеральный секретарь ЦК

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну.С. 714.

КПСС и его команда во властных эшелонах нашей страны (А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе и другие)¹.

Огромное значение в крушении СССР сыграла также поддержка, которую оказала М.С. Горбачеву партийно-советская номенклатура. «Не блиставшую интеллектуальными способностями, но вышколенную по части дисциплины, ее повели, — отмечает И.Я. Фроянов, — в перестройку как послушное стадо высшие руководители СССР. Затем, когда показалось, что обратной дороги нет, ее поставили перед дилеммой «быть ничем» или «стать всем». И надо отдать должное идеологической «гибкости» и социальной приспособляемости части партийной номенклатуры, быстро освоившей различные банки, холдинги, акционерные общества, коммерческие предприятия и т.п.»².

Велика, по И.Я. Фроянову, в развале СССР и роль национал-сепаратистов различных мастей, всячески поощряемых кремлевским руководством. Однако в целом, как замечает ученый, без реальной поддержки Запада и заманчивых обещаний с его стороны никакие Кравчуки, Шушкевичи и прочие «самостийники» никогда не решились бы выйти из Союза и оказаться в самостоятельном государственном плавании. В результате внешний фактор стал определяющим в развале СССР. «Западу удалось создать меха-

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 715—716.

² Там же. С. 711—712.

низм разрушения нашей страны и запустить его с помощью им же сформированной «пятой колонны», или же «агентов влияния»¹.

В целом И.Я. Фроянов делит горбачевскую перестройку на два периода. Первый — 1985—1988 гг. Это подготовительный этап, связанный с разрушением экономики и подрывом социальной структуры советского общества. И второй — после XIX партийной конференции (28 июня — 1 июля 1988 г.) — этап политический, связанный с изменением порядка избрания народных депутатов СССР (1988 г.), введение института президентства (1990 г.) и др.

И.Я. Фроянову удалось показать, что замысел буржуазного переустройства СССР возник совсем не на рубеже 1980—1990 гг., как принято думать, а гораздо раньше. Конечно же, даже в высшем руководстве далеко не все понимали, что происходит, и некоторые из них даже всерьез подумали, что они реформируют и обновляют социализм в СССР, «Посвященные же во главе с Горбачевым уже с первых шагов перестройки целиком, по нашему мнению, — пишет он, — отдавали себе отчет в том, что ее осуществление на начальном этапе означает развал и ползучую, едва заметную капитализацию страны»².

Что касается М.С. Горбачева, то в действительности, как устанавливает ученый, он уже в

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 717.

² Там же. С. 561—562.

1985 г. был «противником системы»; те же «рулады» социализму, которые он пел будучи Генеральным секретарем СССР, объясняются, как полагает И.Я. Фроянов, интересами сугубо тактического характера, угрозой его смещения с должности. По мере того как разрушалась прежняя политическая система, «смелел» в критике социализма и М.С. Горбачев, постепенно сбрасывая с себя «идейный камуфляж»¹. Однако «стратегический план» Горбачева на капитализацию страны оставался практически неизменным на всем протяжении его деятельности в качестве Генсека и Президента СССР, варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств только тактика, шаги по осуществлению этого плана².

Конечно же, главное в этом плане — это изменение общественно-политического строя страны. Другой составной его частью являлось, по И.Я. Фроянову, расчленение СССР³, чему также уделено достаточно много внимания в его книге.

Подробно рассматривает И.Я. Фроянов и знаменитую антиалкогольную кампанию М.С. Горбачева, нанесшую, как справедливо приходит он к выводу, огромный вред обществу и государству и задуманную ближайшим окружением Генсека в целях подпитки теневого бизнеса и вообще кри-

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 131—133.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 293.

минальных элементов в стране¹. Не обойдены в работе тбилисские, бакинские и вильнюсские события, которые, как то, собственно, и ожидалось теми, кто управлял событиями, окончательно дискредитировали КПСС и связанные с ней властные органы в союзных республиках. Политический же престиж демократической оппозиции, напротив, резко возрос. Эти события, подчеркивает И.Я. Фроянов, оттолкнули население национальных республик от Москвы и, несомненно, дали новый импульс сепаратизму, приблизив тем самым развал Союза.

Однако главная, «подкопная» работа против КПСС и советской власти велась в самой Москве, руками Горбачева и других «борцов» с системой.

Подорвав экономику страны под видом хозяйственных реформ, обессилив КПСС, широко распахнув двери индивидуализму, ослабив государственную власть и сдав важнейшие позиции СССР на международной арене, М.С. Горбачев, как отмечает И.Я. Фроянов, подвел тем самым в 1990 г. страну к последней черте, «после которой начался обвал, падение в бездну»².

Большой интерес представляет освещение И.Я. Фрояновым событий августа 1991 г. Ему удалось показать ошибочность распространенных представлений о них как о некоем заговоре

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 161.

² Там же. С. 293—294.

или путче консервативных сил внутри КПСС с целью поворота страны к прошлому. Так называемый путч, приходит к выводу И.Я. Фроянов, в первую очередь был нужен самим демократам как хороший повод для осуществления своих планов по разрушению СССР и капиталистической реставрации. На самом деле ликвидация КПСС и развал СССР планировались задолго до выступления гэкачепистов, доказывает ученый.

«Итак, — пишет он, — ликвидация КПСС, развал КГБ СССР, роспуск Съезда народных депутатов СССР, реформирование Верховного Совета СССР, означавшее в реальности его упразднение, предоставление независимости республикам Прибалтики... — все это, по нашему убеждению, планировалось раньше августовских событий. Эти события, бесспорно спровоцированные, были использованы Горбачевым как удобный момент для осуществления перечисленных акций, означавших переход процесса развала Советского Союза в конечную стадию, завершенную в декабре 1991 г.»¹.

Результатом августовских событий 1991 г. стал, по И.Я. Фроянову, антиконституционный переворот, произошедший в сентябре — декабре этого года. Главная цель его состояла в развале СССР и замене одного общественного строя другим.

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 502.

Члены ГКЧП, выступавшие против подписания горбачевского Союзного договора, выступили в защиту Конституции СССР и против антигосударственного переворота, пишет И.Я. Фроянов. Их попытка предотвратить переворот и попрание Конституции оказалась неудачной, поскольку они были пешками в грандиозной провокационной игре, тщательно подготовленной и виртуозно проведенной закулисными силами во главе с США. В роли главного провокатора, подтолкнувшего путчистов к объявлению чрезвычайного положения, выступил, по И.Я. Фроянову, М.С. Горбачев, так как именно он сделал все возможное, чтобы подтолкнуть остававшихся в Москве руководителей государства на объявление чрезвычайного положения.

Гэкачепистов обманным образом вовлекли в заведомо провальное предприятие¹. «Движимые благими намерениями, они своей неудачей сняли последние преграды на пути развала СССР»².

Что касается ответственности М.С. Горбачева за развал СССР, то здесь И.Я. Фроянов категоричен. Советский народ, отмечает он, как показали итоги референдума 17 марта 1991 г., однозначно высказался за то, чтобы жить в СССР. Однако М.С. Горбачев пренебрег волей своего народа и совершил, если говорить начистоту, преступление перед нацией³. Не менее катего-

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 450—451.

² Там же. С. 456 — 457.

³ Там же. С. 362.

ричен и определен И.Я. Фроянов и в отношении «фигурантов» Беловежского сговора 8 декабря 1991 г., который характеризуется им как «тягчайшее государственное преступление»¹. И если, пишет И.Я. Фроянов, Ельцин, Шушкевич и Кравчук до сих пор не оказались на скамье подсудимых, то это не значит, что история не вынесла им своего справедливого приговора. Историческое возмездие неизбежно.

После развала СССР разграбление страны приняло открытый и беззастенчивый характер. Этому способствовало, подчеркивает И.Я. Фроянов, правительство Ельцина — Гайдара, осуществившее либерализацию цен. В целом же реформа, предпринятая Гайдаром, дала, по мнению И.Я. Фроянова, три главных результата, ожидаемых, как он полагает, ее разработчиками: обвальную девальвацию рубля; ликвидацию сбережений населения; ускорение разрушительных процессов в сфере экономики. «Взяв во внимание тот факт, что реформы проводили в соответствии с настоятельными рекомендациями западных политиков, финансистов и прочих консультантов, мы получаем, — пишет И.Я. Фроянов, — возможность рассматривать все три названных результата в качестве составных элементов хорошо продуманного плана «социально-экономической агрессии» (в некотором смысле даже «интервенции») Запада против России»².

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 672.

² Там же. С. 756.

Осмысление событий, которые произошли в Советском Союзе и Российской Федерации с осени 1991 г. по настоящее время, во многом зависит от нашего соотношения горбачевской перестройки с ельцинскими либерально-демократическими реформами¹.

Что касается самого ученого, то он приходит здесь к следующему выводу: «М.С. Горбачев указал и проторил дорогу Ельцину. Без подготовительной работы Горбачева не было бы никаких последующих либерально-демократических реформ, проводимых Ельциным, не было бы никакой форсированной с 1992 г. перестройки России на капиталистический лад. Следовательно, Горбачев и Ельцин стоят друг к другу не в оппозиции, а в преемственности»².

В известном смысле работу И.Я. Фроянова можно охарактеризовать как книгу-предупреждение, ибо она не только правдиво повествует о том, кто, как и почему развалил и ограбил в одночасье нашу страну, но и предупреждает нас о грядущих испытаниях. А они, судя по всему, неизбежны.

«Холодная война», о завершении которой поторопились объявить наши историки и публицисты, отнюдь не окончена, предупреждает ученый. Она и не могла окончиться потому, что в стратегическом плане со стороны Запада велась и ведется не

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 523.

² Там же. С. 535—536.

против СССР и коммунистического режима, а против России и русского народа¹. Вопреки распространенному мнению перед нами отнюдь не конфликт коммунистической и буржуазно-демократической идеологий, не борьба двух систем — а конфликт, или «война», цивилизаций.

Страна в настоящее время, утверждает И.Я. Фроянов, находится на пути к своей верной гибели. «Россия, — констатирует он, — повержена. Вопрос перед ней стоит так: «Быть или не быть?» Это чувствуют и видят все»². Но надежда на ее возрождение, подчеркивает ученый, все-таки жива, не может не жить в сердце русского человека. Надежду, по его мнению, нам подает история русского народа и России»,³ когда, казалось бы, не раз уже погибавшая страна находила в себе силы подняться и возродиться. Русский народ, убежден И.Я. Фроянов, не раз доказал свою удивительную способность подниматься на ноги после падения и умение находить выход из, казалось бы, самых безвыходных положений⁴.

* * *

Конечно же, нельзя не признать, что книги И.Я. Фроянова по новейшей истории России во многом гипотетичны, и ряд из высказанных им

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С. 20.

² Там же. С. 774.

³ Там же. С. 779.

⁴ Там же. С. 780.

здесь суждений нуждаются в уточнении или в своем дальнейшем обосновании. Одного отнять у них нельзя — честности и таланта автора, смело взявшегося за столь сложную и политически острую тему. «Такую книгу, — справедливо отмечает в этой связи А. Беззубцев-Кондаков, — как «Погружение в бездну», не напишешь, исходя из одной лишь научной концепции; для ее создания требовались и философское осмысление исторического пути России, и боль за растерзанную Родину, и немалый талант публициста... И.Я. Фроянов пишет так, как подсказывает ему русское сердце и многолетний опыт исследователя»¹.

Характерно, что, желая умалить значение работ И.Я. Фроянова по истории XX века, критики ученого настойчиво подчеркивают, что научное значение имеют только его труды, относящиеся к истории Древней Руси, а все остальное, в частности его знаменитые книги «Октябрь семнадцатого» и «Погружение в бездну», — это якобы не имеющая научной цены патриотическая публицистика. Однако едва ли это так. Прав, по нашему мнению, Александр Беззубцев-Кондаков, который отметил, в частности: *«Не умаляя вклада И.Я. Фроянова в историографию Средних веков, все же следует признать, что, прежде всего, труды последнего времени выдвигают петербургского ученого в разряд первопроходцев, и не ис-*

¹ Беззубцев-Кондаков А. Двадцатый век Игоря Фроянова // Литературный Петербург. 2000. № 8. (17—23 июля). С. 6.

ключено, что в будущем при упоминании профессора Фроянова в памяти русского читателя будет возникать название его смелой и правдивой книги «Погружение в бездну»¹. Даже если в пылу полемики автор процитированного высказывания и преувеличил научное значение работ И.Я. Фроянова по XX веку по сравнению с его фундаментальными трудами, посвященными Древней Руси, то не так уж и намного.

Куда важнее, однако, в данном случае другое. И «Октябрь семнадцатого», и «Погружение в бездну» — это исключительно честные книги, смелая попытка ученого-древника самому разобраться в той трагедии, которая случилась с нашей страной на рубеже 1980—1990-х годов. При чем разобраться без оглядок на научные авторитеты, партийные пристрастия и так называемое общественное мнение.

Было ясно, что подобная бескомпромиссная позиция И.Я. Фроянова вызовет шквал критики со стороны постперестроечных «демократов». Увы, реальность намного превзошла даже самые мрачные ожидания. Известный и признанный в научных кругах ученый не только был обвинен в непрофессионализме, но еще и получил вдобавок к нему целый букет поношений и оскорблений, немислимых в глазах нормального (не будем говорить «интеллигентного») человека.

¹ Беззубцев-Кондаков А. Двадцатый век Игоря Фроянова // Литературный Петербург. 2000. № 8. 17—23 июля. С. 3.

Как выдержал все это Игорь Яковлевич — другой вопрос. Но прямо надо сказать, что гнусная кампания, развязанная против него в 2000—2001 годах в так называемых демократических средствах массовой информации, по своему накалу и развязности превзошла все мыслимые в таких случаях пределы.

Если уж и сравнивать ее с «проработками» ученых советских времен, то только с «делами» историков 1930-х годов. Тем более что и характер обвинений, использованных против И.Я. Фроянова, не претерпел с тех пор серьезных изменений: Главным объектом критики стали государственничество и патриотизм ученого, облыжно подаваемые как проявления национализма, антисемитизма и ксенофобии.

Не могла не вызвать раздражения у «демократов» и патриотическая публицистика И.Я. Фроянова. Начало ее приходится на самый конец горбачевской перестройки. Однако по-настоящему как публицист И.Я. Фроянов развернулся только с конца 1990-х годов, когда во всей своей неприглядности обнаружались горькие плоды реформаторских усилий наших правителей и молчать честному человеку было уже просто нельзя. Вот лишь некоторые из его публицистических выступлений, опубликованных в эти годы: «Лицом к народным болям» (в соавторстве с С.Б. Лавровым)¹, «Славянский союз»², «Геостратегия Рос-

¹ Советская Россия. 1997. 11 ноября.

² Советская Россия. 1997. 15 мая.

сии»¹, «Возрождение Российской империи — вопрос времени?»², «Молитва за Россию»³, «В начале смутных дел»⁴, «Опять блицкриг»⁵ и другие.

Несмотря на высокий эмоциональный накал и разоблачительный характер в отношении современных реформаторов и «приватизаторов», публицистические выступления И.Я. Фроянова носят, как правило, продуманный, глубоко аргументированный характер. И что самое главное — полны веры в наш многострадальный народ и его лучшее будущее.

Стало, таким образом, очевидно, что общественно-политическая позиция ученого резко расходится с позицией не только «прорабов перестройки», но и пришедшей им на смену когорты реформаторов России и их интеллигентской obsługi. «Обслужой» новых «хозяев жизни» И.Я. Фроянов быть не захотел. Отсюда и результаты.

Вот как излагает эту деликатную ситуацию один из наших компетентнейших в такого рода вопросах либеральный журналист и демократ Лев Лурье, сын известного литературоведа, долгие годы проработавшего в Пушкинском Доме, Якова Лурье.

«Игорь Фроянов, — пишет он, — руководил

¹ Советская Россия. 1997. 12 ноября.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 16 января.

³ Советская Россия. 2000. 6 апреля.

⁴ Советская Россия. 2000. 27 мая.

⁵ Советская Россия. 2000. 22 июня.

факультетом 19 лет и за это время проделал сложную эволюцию... В начале перестройки Игорь Фроянов вступился за опального Юрия Афанасьева (известный демократ, член Межрегиональной депутатской группы Верховного Совета СССР, директор бывшего Историко-архивного института. — Б.В.).

В 1990-е годы, однако, Игорь Яковлевич Фроянов становится одним из идеологов КПРФ, борцом с глобализмом и «мировой закулисой». На истфаке начинаются чистки, обусловленные как борьбой с либеральным инакомыслием, так и с нежеланием видеть рядом с собой сколько-нибудь авторитетных соперников. Фактически отстранен от преподавания был известный знаток опричнины и Смуты Р.Г. Скрынников, с кафедры искусствоведения убран популярный среди студентов Иван Чечот, кафедру известного специалиста по Октябрьской революции Геннадия Соболева закрыли вовсе. Преподавательский состав пополняется по преимуществу учениками Игоря Фроянова»¹.

Конечно же, все здесь перевернуто, как говорится, с ног на голову, но основная мысль Л.Я. Лурье о сложной идейной эволюции ученого, проделанной им во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, в принципе, верна.

¹ Лев Лурье. Комиссарова победа. Кто заменит декана исторического факультета Игоря Фроянова? // Коммерсантъ — Санкт-Петербург. 2001. 8 мая. № 78. С.19.

3. «МЕСТЬ НЕПОКОРНОМУ»: ПОДЛИННЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ ТРАВЛИ УЧЕНОГО ПОСТАРАЛИСЬ ОСТАТЬСЯ В ТЕНИ

Первым о «неблагополучии» на историческом факультете Санкт-Петербургского университета «доложил» еще в 1998 году широкой общественности уже известный нам журналист Лев Яковлевич Лурье. «Там (т.е. на историческом факультете. — Б.В.), — писал он в апреле 1998 года в газете под весьма примечательным названием «Карьера-капитал», — состоялся целенаправленный протиеестественный отбор; уровень факультета ниже уровня дореволюционной провинциальной семинарии. Крупнейший медиевист на истфаке Руслан Михайлович (ошибка — Григорьевич. — Б.В.) Скрынников, всемирно известный ученый, как бы к нему ни относиться, не читает никаких курсов. Кроме нескольких кафедр, истфак — это царство чудовищной черносотенной посредственности. Впрочем, ударение я делаю не на черносотенстве, а на посредственности. Академики Соболевский и Иловайской были членами «Союза Русского народа», но они не хуже, чем кадет Ключевский или близкий к кадетам (скорее к октябристам. — Б.В.) Платонов. Но они все-таки были историками (Соболевский — нет. — Б.В.). А здесь же мы имеем дело с чудовищным порождением советской власти. Еще хуже положение в Герценовском институте». И далее: «Если бы Игорь Яковлевич Фроянов (в то время декан факультета. — Б.В.) и предложил

мне работать на истфаке СПбГУ, я бы отказался»¹, — заявил корреспонденту газеты Лев Лурье. К счастью, дикая мысль пригласить в качестве преподавателя истфака несостоявшегося математика Льва Лурье никому пока не пришла в голову.

В нахальстве и апломбе отпрыску известного ученого, таким образом, отказать нельзя. И если мы привели здесь его откровения, то только для того, чтобы показать, что на самом деле нападки демократической общественности на исторический факультет и его декана начались задолго до начала собственно самого «дела» И.Я. Фроянова. Тогда же, очевидно, было сформулировано и основное обвинение против факультета — черносотенство. Правда, Л.Я. Лурье, будучи человеком малоосведомленным о факультетских делах, на первый план выставил, как мы уже знаем, «посредственность». Однако его быстро поправили и основной упор сделали именно на черносотенстве. Слишком уж нелепым выглядело бы обвинение в посредственности работающих на факультете крупнейших и известнейших историков России. Впрочем, и обвинение в черносотенстве профессуры факультета было изначально лживым.

Нетрудно заметить, что статья Льва Лурье появилась сразу же после выхода в свет «Октября семнадцатого», но еще до монографии И.Я. Фроянова «Погружение в бездну». Это, как

¹ Лев Лурье: Светский успех интересовал меня больше, чем карьерные дела. Публ. Федора Гаврилова // Карьера-капитал. 1998. 8—14 апреля. С. 10.

представляется автору этих строк, во многом объясняет тот, по меньшей мере странный, факт, что его выступление так и не было поддержано в демократических средствах массовой информации. Есть поэтому резон рассматривать его как своеобразное предупреждение ученому со стороны властителей дум петербургской демократической интеллигенции. Другими словами, профессору И.Я. Фроянову предлагали задуматься относительно той участи, которая его ожидает, если он не оставит своих «патриотических увлечений».

Скажем больше: будь И.Я. Фроянов осторожнее и предусмотрительнее, скорее всего, этим бы все и ограничилось. Но И.Я. Фроянов оказался крепким орешком и к предостережениям «доброхотов» прислушиваться не захотел. Он не только проигнорировал полученное им своеобразное предупреждение, но, напротив, с еще большей энергией продолжил в патриотическом ключе свою публицистическую деятельность и к тому же «разразился» в 1999 году объемистой монографией «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века», камня на камне не оставившей от так называемых либерально-демократических трактовок горбачевской перестройки. Этого они ему уже простить не могли.

Нужен был только подходящий повод, чтобы четко налаженный механизм дискредитации неудобных через контролируемую демократами прессу начал выдавать результат. И повод такой, конечно же, нашелся, хотя и не сразу.

Свидетельство тому — публикация в «Общей газете» за 25—31 мая 2000 года статьи журналиста Александра Гориченского «Затхлый ветер перемен. Он подул в Петербургском университете». Поводом для ее появления стал конфликт на филологическом факультете, когда в преддверии Дня Победы одна из демократически настроенных и явно неуравновешенных дам этого факультета взяла да и сорвала вывешенную по этому случаю в коридоре стенную газету. Даме, видите ли, не понравилось восхваление в одной из статей газеты личности И.В. Сталина.

Сказать, что статья А. Гориченского направлена персонально против И.Я. Фроянова, нельзя, хотя он и упоминается здесь (в негативном, разумеется, плане) как инициатор создания комиссии Большого ученого совета университета для расследования этого инцидента, которую возглавил профессор В.И. Троян, а отнюдь не И.Я. Фроянов, как утверждал автор¹.

Создается впечатление, что в мае 2000 года демократическая общественность еще не совсем определилась, за что «бить» Игоря Фроянова, и только ли одного его. Ясность в этом вопросе наступила, впрочем, очень скоро, так как в том же мае месяце 2000 года получил широкую огла-

¹ Гориченский А. Затхлый ветер перемен. Он подул в Петербургском университете // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2(11). С. 326—327; см. также: Общая газета. 2000. 25—31 мая.

ску конфликт заведующего кафедрой новой истории исторического факультета профессора Б.Н. Комиссарова со своими коллегами из-за содержания и методов преподавания читаемого им курса. В конце концов дело дошло до того, что коллеги профессора вынуждены были обратиться с соответствующим письмом в ученый совет факультета, в котором решительно осудили глобалистские подходы Б.Н. Комиссарова. Письмо подписали профессора С. Ворошилов, В. Барышников, доценты С. Шершнева, А. Петрова, Н. Евдокимова.

Для изучения ситуации на кафедре новой истории была создана специальная комиссия ученого совета факультета, которая рекомендовала Б.Н. Комиссарову переделать его грешащие социологическими пассажами лекции и привести их в соответствие с принципами преподавания общих курсов, традиционно сложившихся на историческом факультете. В ответ на это Б.Н. Комиссаров дает интервью корреспонденту «Новой газеты» Борису Вишневскому, опубликованное под явно провокационным названием «На истфаке правит «черная сотня»?»¹.

«На историческом факультете Госуниверситета, — читаем мы здесь, — произошло событие неординарное — группа преподавателей кафедры истории нового времени написала политиче-

¹ Вишневский Б. На истфаке правит «черная сотня»? // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2(11). С. 327. См. также: Новая газета (Москва). 2000. 17—23 июля.

ский донос на своего заведующего, профессора Бориса Комиссарова. В письме на имя председателя ученого Совета, декана исторического факультета и заведующего кафедрой истории России профессора Игоря Фроянова, которое подписали профессора Станислав Ворошилов и Владимир Барышников, доценты Светлана Шершнева, Ариадна Петрова и Нина Евдокимова, Комиссаров обвиняется в «примитивном повторении идей западных ученых — теоретиков постиндустриального общества» (Гэлбрейт, Белл, Тоффлер и другие) и «глобалистском подходе к изучению истории». И вообще, по убеждению авторов письма, профессор Комиссаров «пытается завуалировать свою приверженность новому мировому порядку, устанавливаемому США»...

Читать таких писем не приходилось уже давно. Нечто подобное было чрезвычайно распространено лет этак 50 назад, когда было принято обвинять оппонентов в низкопоклонстве перед Западом, космополитизме, буржуазных извращениях и т.д. и т.п. И можно не сомневаться: случись подобный донос в конце 40-х годов — ехать бы профессору Комиссарову в лучшем случае преподавателем в воркутинское ФЗУ, а в худшем — в расположенные неподалеку лагеря. Но на рубеже третьего тысячелетия казалось, что реагировать на подобное можно лишь одним образом — в сторону корзины для мусора. Ан нет — доносу дали ход. И немудрено — авторы знали, к кому обращаться.

Игорь Яковлевич Фроянов — фигура, прямо скажем, специфическая. Убежденный коммунист, частый автор «Советской России», но — не только. Он — еще и автор книги «Погружение в бездну (Россия на исходе XX века)». В ней Фроянов сообщает читателям, что существует совершенно изолированная «славяно-русская цивилизация». При этом Россия на протяжении многих веков представляет собой объект воздействия некоей «мировой закулисы», непрерывно испытывая вредоносное влияние «инородцев».

Для товарища Фроянова даже Петр Первый — один из главных агентов «мировой закулисы» (правда, к царю Ивану III Фроянов не имеет претензий). Сталин и Андропов — народные герои, Горбачев и Ельцин — предатели, Явлинский, Гайдар и другие демократы — «агенты влияния», а надежнейший исторический источник — протоколы сионских мудрецов в пересказе Аллена Даллеса и митрополита Иоанна. Не хватает только утверждений о «жидомасонском заговоре» и призывов спасать Россию известными методами «черной сотни».

С ностальгией Фроянов вспоминает, как в 1991 году ГКЧП «твердо заявил о намерении восстановить законность и правопорядок и пресечь расхищение народного добра». Передовые рабочие якобы единодушно поддержали действия ГКЧП и даже увеличили выработку, но перспектива наведения порядка смертельно испугала «деловых людей». После чего «частные собст-

венники нашли общий язык с откровенными уголовниками, которые собрались на Краснопресненской набережной и выступили в качестве защитников Белого дома», чем разрушили благие намерения ГКЧП.

Между тем все это не является личным делом профессора Фроянова — ведь на истфаке есть еще студенты, которых воспитывают в соответствующем убеждениям Фроянова духе»¹.

«Теперь, — жаловался Б.Н.Комиссаров корреспонденту газеты, — я поставлен под гласный надзор деканата. Меня будут проверять, как я изменил программу, выполняю ли я рекомендации и так далее... Если не буду — ученый совет решил, что будут приняты радикальные меры по замене завкафедрой». На истфаке, заявил далее Б.Н. Комиссаров Б. Вишневскому, «царит атмосфера всеобщего страха и трепета. Приходят журналисты, некоторые преподаватели рассказывают им о происходящем, но просят: пожалуйста, без диктофона и без фамилий. Ведь их судьба полностью в руках факультетских советов и заведующих кафедрами»².

Статья Бориса Вишневского «На истфаке правит «черная сотня?» была опубликована, напомним, 23 июля 2000 года, а уже через месяц вдогонку ей летит новый опус этого журналиста

¹ Вишневский Б. На истфаке правит «черная сотня»? // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2(11). С. 327. См. также: Новая газета (Москва). 2000. 17—23 июля.

² Там же.

под не менее лживым и провокационным названием «Черная сотня переходит в контратаку», опубликованный в той же газете¹.

В связи с повышенным интересом Б.Л. Вишневого к проблеме черносотенства в современной России стоит, видимо, напомнить, что в свое время (начало 1990-х) Борис Лазаревич «засветился» как один из наиболее видных активистов отделения партии «Яблоко» в Петербурге. Да и список изданий, взявшихся за И.Я. Фроянова, говорит сам за себя: «Новые известия», «Известия», «Новая газета», «Общая газета», «Демократический выбор», «Итоги» (журнал) и даже «Русская мысль» (Париж). Все это прозападные, откровенно антирусские издания, специализирующиеся на обслуживании так называемого правого спектра политической жизни современной России и постоянно нападающие не только на левые силы, но и на правительство за его якобы недостаточные усилия по проведению реформ. Но вернемся к Б.Н. Комиссарову.

Важным этапом в раскручивании антифрояновской кампании стало обращение Б.Н. Комиссарова за поддержкой в Петербургский союз ученых — общественную организацию, созданную в начале 1990-х годов под эгидой питерского «Яблока». Как и следовало ожидать, встретили здесь Б.Н. Комиссарова как родного. В результа-

¹ Вишневикий Б. Черная сотня переходит в контратаку // Новая газета. 2000. 31 августа.

те Координационный совет Петербургского союза ученых спешно направил на имя ректора Санкт-Петербургского университета письмо-протест против порядков на историческом факультете.

«Локальный конфликт на истфаке, — угрожающе заявили эти господа ректору университета, — как в капле воды отразил острые коллизии современного российского общества. Решение этих коллизий должно стать эталоном, значение которого выйдет далеко за пределы Университета»¹.

Подписал письмо председатель Координационного совета Петербургского союза ученых и сопредседатель Международной лиги защиты культуры Г. Фурсей.

Не удовлетворившись этим, пресс-секретарь Санкт-Петербургского союза ученых Андрей Пуговкин публикует 19 июля 2000 года на страницах «Известий» антифрояновскую статью «Когда разум спит мертвым сном»². Несмотря на сравнительно небольшой объем, статья А. Пуговкина имеет концептуальный характер, так как в ней впервые ясно и четко были сформулированы основные обвинения против И.Я. Фроянова, которые предъявлялись ему оппонентами: «национализм, ксенофобия, антисемитизм, черносотенство и от-

¹ Токарева М. Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

² Пуговкин А. Когда разум спит мертвым сном // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2(11). С. 329; см. также: Известия. 2000. 19 июля.

кровенное мракобесие». Сформулировал их, понятное дело, не Андрей Пуговкин («далеко кукушке до Петрова дня»), а доктор исторических наук профессор Б.Н. Комиссаров.

Вот этот пассаж из публикации Андрея Пуговкина:

«Положение на историческом факультете СПбГУ, — говорит заведующий кафедрой истории нового времени профессор Б. Комиссаров, — характеризуется всевластием декана И. Фроянова, национал-коммуниста по взглядам. Достаточно перелистать его последнюю книгу — «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века» (изд. СПбГУ, 1999 г., 800 страниц, тираж 3000 экз.), где сущностью «концепции» автора являются национализм, ксенофобия, антисемитизм, черносотенство и откровенное мракобесие»¹.

Итак, ключевые слова разворачивающейся кампании по шельмованию ученого были не только сформулированы, но и озвучены. Осталось только растиражировать их в демократической прессе. Собственно, этим и занялись теперь недруги ученого.

«Призрак коммунизма прописан на Менделеевской и чувствует себя комфортно», — пугала своих демократически ориентированных читателей «Общая газета» (статья Марины Токаревой за 31

¹ Пуговкин А. Когда разум спит мертвым сном // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2(11). С. 328—329; см. также: Известия. 2000. 19 июля.

августа 2000 года). Как и водится в таких случаях, материал журналистки переполнен различного рода слухами и домыслами, направленными на дискредитацию истфака и его декана. «Время действия — 2000 год, — читаем мы в ее опусе. — Место — исторический факультет Университета. Ветер, некогда сдувший с Петербургского государственного университета постыдную доску с именем А.А. Жданова, так и не долетел до Менделеевской, 5. Здесь, наискосок от главного здания, — отдельное государство со своими законами и идеологией, которым вот уже восемнадцать лет железной рукой правит декан Игорь Фроянов.

Кафедра Фроянова — кафедра истории России. История в России — больше чем история. Не просто свод фактов, бесстрастные хроники, а оголенный провод, больно бьющий током, незаживающая рана, вечная баррикада. Разность отношений к революции, Ленину, Сталину, к перестройке трещиной проходит через все общество, делит и объединяет, примиряет и ожесточает. На истфаке это, по свидетельству многих, ощутимо как нигде. Долгие годы с Менделеевской доносились жуткие слухи. Рассказывали, что, напутствуя первокурсников, декан говорил о «современной трагедии нашей многострадальной страны», что абитуриентка-бурятка была изгнана с экзамена с двойкой и словами «вы, туземцы, поступайте в свои туземные университеты, а у нас сгодится разве что в зоопарк», что за издева-

тельства над «инородцами» выпускники однажды устроили «темную» одному из преподавателей.

Позже слухи отступили перед черно-белой ясностью фактов: Игорь Яковлевич Фроянов, доктор исторических наук, профессор, председатель головного совета по истории в Министерстве высшего и среднего образования опубликовал один за другим два труда. «Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)» и «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века». Изданные под грифом «Издательство Санкт-Петербургского университета», они не только вошли в список рекомендованной студентам литературы — открыто подвели под жизнь истфака могучий идейный фундамент. Горбачев — агент ЦРУ. Это «истинное» лицо Михаила Сергеевича студентам предлагают запомнить сразу. Как и оценку перестройки — преднамеренного зла, спланированной акции Запада. Своих взглядов Игорь Яковлевич не скрыл и в нашем разговоре.

— В аннотации на обложке вашей книги «Погружение в бездну» сказано: «...сумел создать впечатляющую, порой до скорби, панораму разрушения и предательства нашей Великой Родины». Это, собственно, о чем?

— Генсек ЦК КПСС, разрушающий коммунистическую систему, иначе, чем предателем, называться не может.

— То есть все процессы последних десяти лет вы считаете ошибкой?

— А вы нет?! Сталинская модель общества

(хоть и может вызывать антипатию) единственная, которая помогла нам устоять, удержаться перед мировой стихией, невероятно опасной для России.

Петербургские историки И. Левинская и Е. Мороз проанализировали фрояновские сочинения в обширной статье. Привожу из нее лишь один абзац. «...Квазинаучный метод Фроянова основан на неконтролируемой разумом интуиции. При помощи такого метода в любом тексте он умудрится обнаружить свидетельства заговора...»

Три кита фрояновского мировоззрения теперь уже широко известны: 1) непобедимая страсть к Ленину, Сталину, коммунистическим ценностям; 2) одержимость идеей тотального заговора западных инородцев против России; 3) восприятие экономических реформ и демократизации как трагедии. «Гремучую смесь» этих сочинений дополняет религиозность, освященная личной дружбой с ныне покойным митрополитом Иоанном.

Свои убеждения Фроянов материализовал в факультетской повседневности. Кадровая комиссия (нововведение декана) «просеивает» кандидатов в преподаватели. В ученом совете заседают послушные»¹.

Обращает на себя внимание конец статьи Марины Токаревой, полный плохо скрытой угро-

¹ Токарева М. Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

зы в адрес администрации Санкт-Петербургского университета в случае неприятия ею должных мер в отношении И.Я. Фроянова. «В последнее время, — пишет она, — питерский университет не без помощи своего ректора прославил себя далеко не эталонными поступками, о которых уже писала «ОГ» (чего стоит хотя бы требование разобраться с Шендеровичем и его «Куклами»). Ректор Людмила Алексеевна Вербицкая многие годы «не замечает» того, что происходит в ста метрах от парадного входа в Университет...»¹

6 октября 2000 года в газете «Демократический выбор» за подписью доктора исторических наук И.А. Левинской и Е.Л. Мороза появилась, наконец, и «теоретическая» статья, направленная против работ И.Я. Фроянова, — «Декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета, «мировая закулиса» и самый главный порок». О работах петербургского «историка» Евгения Львовича Мороза нам не удалось собрать сведений. Что же касается его соавтора Ирины Алексеевны Левинской, то, как оказалось, ее научные интересы сосредоточены на истории еврейской диаспоры в Древнем мире, но не только. Активно сотрудничает она и в газете «Демократический выбор» (Новодворская и К⁰), на страницах которой нашел пристанище целый паноптикум не-

¹ Токарева М. Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

довольных нынешней властью демократов. Шокирующие опусы некоторых из них приводит в своей статье В. Карабанов, к которой мы и отсылаем читателя¹.

Что касается идейной, общественно-политической позиции И.А. Левинской, то иначе как просионистскую ее охарактеризовать трудно. Характерны в этом плане ее слова из выступления в суде Смольнинского района Санкт-Петербурга 15 августа 2001 года на слушании дела по иску доцента В.М. Воробьева к «Общей газете»: «Историк, который одобряет труды Фроянова, является антисемитом, как и тот, кто их написал»². Это уже не диагноз. Это — клиника!

Стоит ли после этого удивляться, что И.А. Левинская — не просто ведущий сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории РАН, но и еще по совместительству учредитель «Антифашистского журнала «Барьер». Задача, которую ставит перед собой его редакция, — не более и не менее как борьба с «угрозой фашизации российского общества», правда, не на свои, как говорится, кровные, а на спонсорские деньги некоего Института Джорджа Белла из Великобритании, при финансовой поддержке которого время от времени и выходят отдельные номера этого странного журнала.

¹ Карабанов В. Паутина // Новый Петербургъ. 2001. № 7. С.5.

² Токарева М. Иск отклонен. История продолжается. Петербургский истфак нуждается в радикальном обновлении // Общая газета. 2001. № 37. 13—19 сентября. С. 4.

Кроме самой Ирины Левинской (главный редактор) среди членов редакционной коллегии значатся: Д. Раскин, Ю. Лесман, Н. Катерли и В. Узунова. А среди его авторов (в качестве примера возьмем только один номер — 1(5) за 1999 год) — опять же Д.И. Раскин (статья «От Коммунистического Интернационала к национальному социализму»), Р.Ш. Ганелин («О русском фашизме прежде и теперь»), Е.Л. Мороз («Наследие евразийцев. Между историософией и политикой»), Ю.М. Лесман («Миф о русской свастике»), Татьяна Вольтская («Партийность, православие, народность») и, конечно же, сама госпожа Ирина Левинская (статья «Удар щекой и его альтернатива»).

И надо же было такому случиться, что практически все они в полном составе «засветились» в качестве застрельщиков и организаторов антифрояновской кампании. И дело тут не в самом Фроянове или, вернее, не только в нем. Под обстрелом этих господ оказываются святые для каждого русского человека понятия: государственность, вера, народность и патриотизм. Что касается веры, то она не устраивает этих господ из-за присущего ей, говоря их же словами, «антилиберального, авторитаристского, антизападнического, националистического потенциала нынешней Русской Православной церкви»¹.

«Опора на патриотизм и исторические традиции, — предупреждают нас эти господа, — тоже

¹ От редакции // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1(6). С. 2.

может быть небезобидна»¹ (Интересно, для кого? — Конечно же, для господ Левинской, Мороза и К^о.: — Б.В.). Особое неудовольствие у них вызывает политика нынешнего президента России. Нет, не за то, что благодаря деятельности наших реформаторов огромное число россиян оказалось за чертой бедности, выбраться из которой им едва ли удастся на протяжении ближайших десятилетий, а совсем по другой причине. Оказывается, что вопреки их прямым рекомендациям «новая власть демонстративно стремится опереться на традиционные для России идеи державности, патриотизма и православия»². Что вполне естественно, добавим мы от себя, на что же ей еще опираться? Никакой другой серьезной опоры сегодня у нынешней власти в нашей стране просто нет.

Стремясь не допустить такого поворота событий, радикалы-западники, чувствуя свою полную безнаказанность, не останавливаются даже перед прямым шантажом сегодняшних властных структур, недвусмысленно намекая, что от обвинений в фашизме и приверженности фашистским идеям не застрахованы и они. Ведь «хотя нацистские идеи в своем полном объеме вряд ли в обозримом будущем имеют шансы стать официальной государственной идеологией, тем не менее в слегка измененном виде они в нее проникают и успешно влияют на сознание руководителей государственных структур (прежде всего,

¹ От редакции // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1(6). С.2.

² Там же.

силовых ведомств) и всего российского истеблишмента»¹, — читаем мы в предисловии «От редакции» к первому номеру журнала за 2001 год.

И далее Ирина Левинская и ее коллеги тщательно перечисляют «некоторые важнейшие черты», которые (по их мнению) «роднят идеологию нацистских и околонацистских движений с установками определенной части российской политической элиты: культ сильного государства, активно вмешивающегося в экономику и осуществляющего опеку над всеми своими гражданами, насаждаемый сверху патриотизм, включающий в себя активное антизападничество и ксенофобию; ориентация на власть харизматического лидера; всевластие спецслужб; контроль за средствами массовой информации и общественными организациями; откровенно высказываемые этнические предпочтения и легализация национализма титульного (читай: русского. — *Б.В.*) этноса»².

Учитывая то, как дорожит нынешняя власть своим зачастую показным либерально-демократическим имиджем, недвусмысленные угрозы «борцов с русским фашизмом» основательно подпортить его в глазах мировой общественности не могут не оказывать на нее своего магического воздействия. Власть вынуждена маневрировать, «сдавая» государственников и патриотов одного за другим. И дело И.Я. Фроянова — ярчайший и показательнейший тому пример.

¹ От редакции // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1(6). С. 1.

² Там же.

Но вернемся к статье И. Левинской и Е. Мороза. Упомянув для приличия о содержании последних работ И.Я. Фроянова и голословно констатировав якобы присущий их автору «непрофессионализм», И. Левинская и Е. Мороз тут же садятся на своего любимого конька, ловко переводя разговор на некую угрозу, которая якобы исходит от И.Я. Фроянова и его трудов для дела демократии в нашей стране. «Это, — заявляют они, — не может не вызывать беспокойства». Впрочем, «дилетантский уровень последних работ И.Я. Фроянова», по их мнению, еще полбеды. Хуже то, что в книгах Фроянова, страшат они читателя, «развивается традиционная в черносотенной публицистике начала XX столетия концепция так называемого «жидомасонского» заговора, в основе которой лежит знаменитая фальсификация — «Протоколы сионских мудрецов», сфабрикованная агентами российской тайной полиции. А ведь Фроянов не просто доктор наук — он декан исторического факультета, председатель диссертационного совета истфака и, наконец, председатель Головного совета по истории Министерства высшего и среднего образования, т.е. человек, наделенный определенной и немалой властью»¹.

¹ Левинская И.А., Мороз Е.Л. Уроки нацизма (так в первоисточнике. — Б.В.) в СПбГУ. Декан исторического факультета СПбГУ, «мировая закулиса» и самый главный порок // Демократический выбор. Российская либеральная газета. 2000. 28 сентября — 4 октября. С. 3—5. См. также: Клио. Журнал для ученых. 2000. № 2(11). С. 338.

Конечно же, ожидать серьезного разбора последних трудов И.Я. Фроянова в бредовой в полном смысле этого слова статье И. Левинской и Е. Мороза (одно название — «Уроки нацизма в СПбГУ» чего стоит!) не приходится. Единственное разумное их замечание по адресу ученого сводится к указанию на некритическое использование им цитат из сочинения ныне покойного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна «Одоление смуты» (СПб., 1995) и так называемой речи шефа ЦРУ Аллена Даллеса, которая была произнесена им в 1945 году, с изложением плана последовательного уничтожения «самого непокорного на земле народа», то есть нас с вами, уважаемый читатель¹. Как явствует из публикации в газете «Известия» за 23 августа 2000 года некоего Л. Рикенглаза, на которого и ссылаются Левинская и Мороз, первоисточником текста этой «речи» является известный роман писателя Анатолия Иванова «Вечный зов»². Однако не все так просто, ибо очевидно, что как Анатолий Иванов, так и митрополит Иоанн, скорее всего, не «с потолка» взяли эту «речь». Но главное, конечно же, тут совсем не в этом. Говорил А. Даллес приписываемые ему слова или не говорил, по большому счету, не так уж и важно. Ведь изложение свое И.Я. Фроянов строит, что, кстати, характерно для настоя-

¹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999. С. 11—12.

² Известия. 2000. 23 августа.

щих ученых, не на отдельных выдержках из выступлений отдельных лиц, а исходя из совокупности твердо установленных и не подлежащих никакому сомнению фактов. В этом-то, собственно, и состоит непреходящее значение и ценность работы И.Я. Фроянова, и всякие попытки его критиков, ухватившись за обнаруженные ими какие-то отдельные частные сомнительные места, попытаться на этом основании опорочить все исследование ничего не дают, выдавая вместе с тем с головой неблагоприятные замыслы недругов ученого.

Хорошей иллюстрацией того, до какого падения может дойти работающая на заказ современная демократическая журналистика, может служить материал Татьяны Вольтской из журнала «Итоги» за 28 ноября 2000 года. «Коридор исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Обшарпанные стены. Запах туалета. Груда поломанной мебели в углу — к ней я прислонилась, разговаривая со студенткой Ариной, излагающей взгляды своего любимого преподавателя, декана истфака Игоря Яковлевича Фроянова», — так живописует она обстановку на истфаке СПбГУ¹. «Слово «жид», — отмечает журналистка, — на истфаке любят, называют тургеневским словом». И далее: «Профессор Комиссаров — пока единственный преподаватель, отважившийся противостоять тоталитарной системе,

¹ Вольтская Т. Исторический факультет // Итоги. 2000. 28 ноября.

сложившейся на отдельно взятом факультете. Он считает, что «на истфаке установлена диктатура декана Фроянова, который по своим взглядам национал-коммунист, ксенофоб, антисемит. Он искренне верит, что, по крайней мере, в последние три века Россия является жертвой мирового антирусского заговора, и согласно своим теоретическим воззрениям он управляет факультетом. На факультете действует ученый совет, превращенный в карманный, сервильный орган декана, действует абсолютно нелегитимная кадровая комиссия, которая решает вопрос о приеме новых сотрудников. Введена своеобразная должность издателя трудов Фроянова, выходящих без санкции редакционно-издательского совета университета. Эти труды, однако, рекомендованы студентам для изучения, по ним ведется спецкурс»¹.

Книги И.Я. Фроянова, выходящие под грифом университета, отмечает далее Татьяна Вольтская, полны сведений о таинственной «мировой закулисе», десятилетиями плетущей заговор против России, славословиями Октябрьской революции и рассуждениями, оправдывающими сталинские репрессии. И монографии, и учебные курсы, и административная деятельность декана истфака Петербургского университета строятся на мракобесии и ксенофобии. Конечно же, продолжает далее журналистка, каждый во-

¹ Вольтская Т. Истерический факультет // Итоги. 2000. 28 ноября.

лен исповедовать любые взгляды, «какими бы дикими они ни казались; это дело его совести. Но вот если человеку, мягко говоря, со странными убеждениями вверены кафедра, факультет, студенты, — это перестает быть его частным делом»¹.

Последние сомнения относительно того, чем же все-таки было «дело» И.Я. Фроянова, рассеивает интервью уже известного нам пресс-секретаря Санкт-Петербургского союза ученых Андрея Пуговкина, опубликованное в декабре 2000 года в газете «Демократический выбор» под весьма примечательным названием: «Не научная дискуссия, а политический конфликт»². И действительно, какая уж тут дискуссия! Налицо тщательно скоординированное шельмование известного ученого. Не менее характерна и рубрика, под которой напечатан этот материал — «Антифашизм»³.

Как ни злобствовала демпресса по поводу И.Я. Фроянова, даже поверхностному наблюдателю было очевидно, что никаких серьезных претензий к его книгам, кроме, разумеется, навешивания идеологических ярлыков, ее журналисты предъявить не могут. И не потому, что не хотят, а потому, что некомпетентны. С ученым и спорить должен, разумеется, ученый. А вот с ними, и это, пожалуй, самый главный порок организаторов

¹ Вольтская Т. Истори́ческий факультет // Итоги. 2000. 28 ноября.

² Демократический выбор. Еженедельная либеральная газета. № 49(229). 2000. 7 — 13 декабря. С. 3.

³ Там же.

антифрояновской кампании, было, как говорится, не густо. Во всяком случае, среди сколько-нибудь активных «борцов» с И.Я. Фрояновым нам удалось выявить всего трех докторов наук: ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института российской истории РАН Ирину Левинскую, сотрудника того же института члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина и заведующего кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена Владимира Носкова.

Р.Ш. Ганелин, хотя и сыграл важную роль в шельмовании И.Я. Фроянова, от разбора последних книг И.Я. Фроянова уклонился. Не решились на их анализ, не будучи специалистами по русской истории, Владимир Носков и Ирина Левинская. В результате нелегкую задачу научного или, вернее, псевдонаучного анализа последних работ И.Я. Фроянова «Октябрь семнадцатого» и «Погружение в бездну» вынужден был взять на себя Е.Л. Мороз. Его большая статья под характерным названием «Россия и мировая закулиса. Сочинения Игоря Фроянова» была опубликована в 2001 году в уже известном нам «Антифашистском журнале «Барьер»¹.

Уже тот факт, что появилась она не где-нибудь, а в «Антифашистском журнале», не оставляет сомнений относительно того, к какому все-

¹ Мороз Е. Россия и мировая закулиса. Сочинения Игоря Фроянова // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1(6). С. 4 — 28.

таки общественно-политическому направлению современности пытается пристегнуть Е. Мороз научное творчество И.Я. Фроянова. Чего только не найдет читатель в этом многостраничном опусе. Это и обвинение И.Я. Фроянова в научной необъективности¹, его приверженности теории мирового заговора против России², «прославлении коммунистического режима»³, «одержимости психозом жидомасонства»⁴, «полной профессиональной деградации»⁵ и даже в «приверженности идеям националистического терроризма». *«Не следует забывать, — заявляет Е. Мороз, — что идеи митрополита Иоанна, пропагандируемые И.Я. Фрояновым, лежат в основе националистического терроризма»*⁶. Читатель, надеюсь, не подумал, что речь у Е. Мороза идет о чеченских террористах, ибо весь «фокус» как раз и состоит в том, что Е. Мороз имеет в виду террористов именно русских, которыми он готов объявить, и в этом можно не сомневаться, не только И.Я. Фроянова, но и едва ли не всех патриотов России.

Вся эта муть, злонамеренная отсебятина понадобилась Е. Морозу с одной-единственной, можно сказать, целью: путем беззастенчивого

¹ Мороз Е. Россия и мировая закулиса. Сочинения Игоря Фроянова // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1(6). С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 26—27.

⁶ Там же. С. 28.

навешивания идеологических и политических ярлыков уйти тем самым от задачи конкретно-исторического разбора критикуемых им работ И.Я. Фроянова.

Из крупных историков монографии И.Я. Фроянова «Октябрь семнадцатого» и «Погружение в бездну» встретили острое неприятие, пожалуй, только у Р.Ш. Ганелина. *«Человеку очень хочется иметь персонифицированного виновника своих несчастий, — заявил он в интервью Татьяне Вольтской. — Это, конечно, несовместимо с основами научного знания. Но — очень хочется. Явления, подобные тому, которое мы наблюдаем в книгах Фроянова, часто возникают вследствие горестной для российской интеллигентности бесцеремонности поведения Запада. Эти явления, например, «мировая закулиса», ничего общего с наукой не имеют и являются постыдным проявлением ксенофобии. К сожалению, и я, и мои коллеги мало обращаем внимания на эти книги, с ними трудно спорить — они находятся вне логики научного исследования»¹. «Сегодня на истфаке реставрируется атмосфера борьбы с космополитизмом», — пугал демократическое сообщество Р.Ш.Ганелин в беседе с корреспондентом «Общей газеты»².*

«Он превратил истфак в свою вотчину. Люди

¹ Вольтская Т. Истериический факультет // Итоги. 2000. 28 ноября.

² Токарева М. Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

подбираются по принципу личной преданности и идеологической общности. Талантливые выпускники не хотят оставаться в аспирантуре. Идет разрушение научных школ», — поддержал Р.Ш. Ганелина бывший выпускник истфака уже известный нам профессор Владимир Носков¹, защитивший, кстати сказать, докторскую диссертацию в совете, который возглавлял И.Я. Фроянов. «Это курьезная книга, — так отозвался о работе И.Я. Фроянова «Октябрь семнадцатого» сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге Александр Эткинд. — Фроянов находится в двойственной ситуации. С одной стороны, ему нравится революция, с другой — он не признает марксизм. Вывод видится в том, чтобы за кровавые события революции обвинить евреев, как российских, так и заграничных»².

Еще один критик И.Я. Фроянова — некий Д. Дубровский, и опять из Европейского университета (исполнительный директор Центра этноконфликтов). «На всех лотках нашего города, — заявил он на «круглом столе» (1999) по проблемам расизма, организованном некоей правозащитной организацией «Гражданский контроль», — продаются книги профессора и декана исторического факультета госуниверситета Игоря Яковлевича Фроянова... Так вот, если вы

¹ Токарева М. Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

² Вольтская Т. Истериический факультет // Итоги. 2000. 28 ноября.

взглянете на его книгу под названием «Октябрь семнадцатого», то никакое средство массовой информации в виде газеты «Завтра» или еще какой-нибудь одиозной вам не покажется удивительным... В книге повествуется о жидомасонском заговоре...»¹

Свой вклад в травлю И.Я. Фроянова внес и профессор РГПУ им. А.И. Герцена, бывший депутат Законодательного собрания и член партии «Демократический Выбор России» В.П. Островский. Вряд ли он внимательно читал последние книги И.Я. Фроянова, но взгляды ученого заклеил. «Они, — заявил он, — просты. Существует антироссийский мировой заговор во главе понятно с кем (хотя это дается понять более чем тонкими намеками), зло приходит с растленного Запада; в стране есть пятая колонна, получающая прямые указания и средства от «мировой закулисы». Спасение — в общинном, исконно русском образе жизни... В культурной среде такие взгляды принято называть национал-коммунистическими», — делает в заключении вывод Валерий Островский. Это от него, впрочем, и требовалось. Так что понять профессора тут можно.

Но вот следующий пассаж В.П. Островского уже читать без возмущения нельзя. «Откровенно говоря, — пишет он, — самого Фроянова мне просто жаль. Ибо когда он перестанет быть дека-

¹ *Костюковский В.* Город, которого нет. В Петербурге махрово расцветают нацистские идеи // Новые Известия. 2000. 4 июля.

ном, а такое рано или поздно случится, останется почти что в полном одиночестве, и большинство из тех, кто сегодня преданно заглядывает ему в глаза (а в закоулках выражается прямо противоположно), после случившегося в лучшем случае не подадут ему руки, а скорее всего, начнут со сладострастием его топтать»¹.

Сейчас, когда И.Я. Фроянов уже давно не декан и никакой не начальник, у нас есть возможность оценить это пророчество В.П. Островского. Конечно же, прямо надо сказать, и самому Игорю Яковлевичу, и его друзьям, и ученикам эта история далась нелегко. И вели себя они в этой непростой ситуации, конечно же, по-разному. Но не отказался от Фроянова никто.

Идейным вдохновителем травли И.Я. Фроянова, как справедливо было отмечено еще в 2001 году В. Карабановым², стал ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории РАН, член-корреспондент Академии наук, «звезда петербургской исторической науки», как лъстиво окрестили его демократические журналисты³, Рафаил Шоломович Ганелин, об интервью которого в правой прессе мы

¹ *Островский В.* История с Менделеевской // Дело. 2001. 16 апреля. С. 8.

² *Карабанов В.* Паутина // Новый Петербургъ. 2001. 22 февраля. № 7. С. 5.

³ *Токарева М.* Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно // Общая газета. 2000. 31 августа.

уже знаем. Не успокоившись на этом, Р.Ш. Ганелин идет в октябре 2000 года на такой, прямо скажем, неординарный для его положения и возраста шаг, как публикация 12 октября в ведомственном журнале «Петербургский университет» «Открытого письма к членам ученого совета исторического факультета» с выражением своей озабоченности сложившейся на факультете ситуацией.

«Для того чтобы понять этого человека, — пишет В. Карабанов, — мы ознакомимся с аспектами его научных интересов. Первое, что нам попадает, — его работа «Царизм и черносотенство» (какая-то болезненная тема для всех членов этой узкой «общественности»). Начинает эту работу Ганелин словами о том, что в ней он хочет «показать губительную роль черносотенства для судеб российской монархии, несовместимость его с реально существующей государственностью», — и после пространнейших рассуждений приходит к такому, совершенно удивительному (я бы даже сказал, бредовому), заключению о роли черносотенных организаций в смерти Столыпина: «Именно эти силы добились политической смерти Столыпина еще до его убийства в 1911 г.». А мы-то грешным делом думали, что убил его эсер Мордехай Богров... Все о том же — и другие его работы. Приведу из экономии места лишь парочку: «Государственная Дума и антисемитизм 1915—1916 гг.», «Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России».

Такое ощущение, что все человечество поделено этими людьми на них самих и «черносотенцев», только мир об этом даже не подозревает»¹.

Но вернемся к «Открытому письму» Р.Ш. Ганелина. «Как человек, в течение многих лет связанный с историческим факультетом, я, — заявил он здесь, — считаю необходимым высказать свои соображения о решениях вашего Совета, которые обратили на себя всеобщее внимание, поскольку создают на факультете возможности для преследования по политическим мотивам и проведения самостоятельных анкетно-идеологических разысканий». Как выясняется далее из письма Р.Ш. Ганелина, он остался недоволен созданием на историческом факультете комиссии для рассмотрения положения на кафедре новой истории по письму в ученый совет факультета сотрудников кафедры С.И. Ворошилова, С.В. Шершневой, В.Н. Барышникова, А.А. Петровой и Н.П. Евдокимовой, в котором они выражали свое недовольство содержанием и методикой прокламируемых Б.Н. Комиссаровым курсов по новой и новейшей истории. «Вам, историкам-профессионалам, — журит Р.Ш. Ганелин авторов письма, — должно быть известно, что обвинения в сокрытии взглядов служили важным приемом фальсификации различных политических дел»².

¹ Карабанов В. Паутина // Новый Петербургъ. 2001. 22 февраля. № 7. С. 5.

² Ганелин Р.Ш. Открытое письмо членам ученого совета исторического факультета СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. 2000. 12 октября. № 24. См. также: Клио. Журнал для ученых. 2000. № 2(11). С. 341.

Куда метят последние слова Р.Ш. Ганелина, гадать долго не приходится. Неблаговидный и в то же время очевидный смысл его «Открытого письма» — как можно сильнее разогреть «дело» И.Я. Фроянова и подтолкнуть как власть в целом, так и администрацию университета к более решительным действиям против ученого.

Лживость и надуманность выдвинутых против И.Я. Фроянова обвинений не могли не возмутить друзей и коллег ученого, тем более что эти чудовищные и злонамеренные обвинения были выдвинуты не только против одного И.Я. Фроянова лично; под обстрелом «демократов» оказался практически весь исторический факультет, кроме «нескольких кафедр», как изящно выражались оппоненты И.Я. Фроянова. С учетом этого обстоятельства вполне объяснима и крайне негативная реакция ученых факультета на эти нападки.

Свидетельство тому — «Заявление трудового коллектива исторического факультета» на имя ректора университета, опубликованное 3 ноября 2000 года и подписанное практически всеми его преподавателями. «В последние месяцы текущего года, — читаем мы здесь, — в нескольких газетах («Общая газета» от 25.05.2000, «Известия» от 19.07.2000, «Новые известия» от 22.07.2000, «Новая газета» от 23.07.2000, «Общая газета» от 30.08.2000, «Демократический выбор» за октябрь 2000 года) стали появляться статьи, содержащие крайне политизированные по смыслу и необычайно развязные по тону обвинения в ад-

рес завкафедрой и декана исторического факультета профессора И.Я.Фроянова и факультета в целом. Достаточно ознакомиться с названиями статей («Затхлый ветер перемен. Он подул в Петербургском университете», «Когда разум спит мертвым сном», «Исторический сталинизм», «На истфаке правит «черная сотня»?», «Призрак коммунизма прописан на Менделеевской. И чувствует себя комфортно», «Декан исторического факультета СПбГУ, «мировая закулиса» и самый главный порок»), чтобы убедиться в идеологической направленности этих пасквилей...

Трудовой коллектив исторического факультета считает необходимым заявить, что кампания «критики» против И.Я. Фроянова и факультета не имеет ничего общего с научной полемикой — это откровенная и жестокая травля. Она преследует вполне прагматичные цели: во-первых, дезавуировать научные труды И.Я. Фроянова и дискредитировать в глазах общественности его самого как личность; во-вторых, сместить его с должности декана исторического факультета, а если удастся, то и с должности заведующего кафедрой, либо и вовсе изгнать из университета! Впрочем, первое для того и нужно, чтобы добиться второго»¹.

Среди подписавших «Заявление» — профессора Ю.К. Руденко, Г.Л. Курбатов, А.Ю. Дворничен-

¹ Заявление трудового коллектива исторического факультета // Санкт-Петербургский университет. 2000. 3 ноября. № 26—27. С. 31—32.

ко, Н.Н. Калитина, А.В. Гадло, М.Ф. Pollyнов, Г.С. Лебедева, С.Г. Кащенко, Э.В. Летенков, А.Х. Даудов, Д.Г. Савинов, Э.Д. Фролов, Ю.Г. Алексеев, Н.И. Приймак, В.К. Зиборов, В.С. Брачев, М.П. Ирошников, доценты Л.Г. Печатнова, Л.В. Выскочков, С.Е. Федоров, Л.А. Пальцева, М.В. Ходяков, И.С. Ратьковский, В.П. Денисенко, А.Я. Колесников и другие.

На подписавшихся под письмом оказывалось давление, причем не только на личном, так сказать, уровне, но и давление публичное. Показательным примером здесь может служить случай с подписавшей письмо кандидатом исторических наук Ларисой Гавриловной Печатновой, которая была тут же одернута аспирантом Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге Д.А. Браткиным, выразившим свое неудовольствие ее шагом в «Открытом письме», которое, конечно же, тут же было опубликовано¹.

Большой резонанс в научной и околонаучной университетской среде имело и «Открытое письмо» ряда выпускников исторического факультета с протестом против инсинуаций Р.Ш. Ганелина и его единомышленников. «Уважаемые коллеги, — читаем мы здесь. — Мы, выпускники исторического факультета разных лет, выражаем протест против грязной антифакультетской кампании, развернутой в желтой прессе летом-осенью этого года, и выступаем в защиту наших преподавателей, ко-

¹ Браткин Д.А. Открытое письмо доценту исторического факультета СПбГУ кандидату исторических наук Л.Г. Печатновой // Санкт-Петербургский университет. 2001. 10 января. № 1. С.9.

торых мы любим и помним... С.И. Ворошилова, В.Н. Барышникова, Н.П. Евдокимовой, А.А. Петровой, С.В. Шершневой — разных по возрасту и характеру людей». Отметив далее, что все они искренние, добрые и в то же время принципиальные люди, авторы письма выразили протест против попытки Р.Ш. Ганелина представить их как «интриганов, бездельников и бездарных ученых». «Оставим всю эту ложь на совести Р.Ш. Ганелина», — заявили они в заключении. Письмо подписали В.Е. Французов, С.В. Виватенко, А.Г. Новожилов, О.Г. Шевченко¹.

Известны и отдельные выступления в защиту И.Я. Фроянова. Это историки: доктор исторических наук профессор Д.Н. Александров (Москва)², доктор исторических наук профессор И.А. Сенченко³, кандидат исторических наук А.В. Петров⁴, В.В. Пузанов (Ижевск)⁵, профессор Ю.Г. Алексеев (Санкт-Петербург)⁶, филолог

¹ Открытое письмо выпускников исторического факультета // Санкт-Петербургский университет. 2001. 10 января. № 1. С. 8.

² Александров Д.Н. Профессор И.Я. Фроянов и борьба в современной исторической науке. К дискуссии в СМИ // Актуальные проблемы фундаментальной науки / Под ред. Д.Н. Александрова. М., 2002. С. 3—4.

³ Сенченко И.А. Мнение историка // Там же. С. 81.

⁴ Петров А.В. Травля. Враждебные силы пытаются дискредитировать ученого-патриота. Интервью доцента Алексея Петрова // За веру, царя, отечество. 2000. № 3 (ноябрь). С. 2.

⁵ Пузанов В.В. Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Изд. 2-е. Ижевск, 2003. С. 18.

⁶ Алексеев Ю.Г. За отечество свое стоятель // Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 6—7.

профессор В.Е. Ветловская¹ и другие. Однако в целом позиция историков не отличалась особой активностью. Во многом это объясняется чрезвычайной политизированностью развернувшейся вокруг факультета и его декана дискуссии, что отнюдь не вызвало особого желания принять в ней участие.

Нельзя не отметить и поддержку, которая была оказана И.Я. Фроянову директором Пушкинского Дома Николаем Скатовым, покойным ныне академиком Александром Панченко, известным русским художником Ильей Глазуновым, бывшим ректором ЛГУ академиком К.Я. Кондратьевым, лауреатом Нобелевской премии академиком Жоресом Алферовым. Общую позицию этих уважаемых людей хорошо, на наш взгляд, выразил академик Александр Панченко. «Ваш покорный слуга, — заявил он в своем письме в ученый совет университета, — не переносит ни власть имущих, ни революционеров. Ученого надо оценивать по его основным профессиональным трудам. В таком случае оценка трудов Фроянова будет только высокой»².

Поддержали И.Я. Фроянова и русские литераторы патриотического толка: Петр Проскурин, Владимир Карпов и главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев. Не остались в стороне и думцы. Под письмом в защиту

¹ Ветловская В.Е. Сатана там правит бал // Советская Россия. 2001. 4 мая.

² Цит. по: Ветловская В.Е. Сатана там правит бал // Советская Россия. 2001. 4 мая.

И.Я. Фроянова на имя Президента России и министра народного образования и науки подписалось 40 депутатов Государственной Думы во главе с ее тогдашним председателем Геннадием Селезневым¹.

Однако наиболее деятельными защитниками доброго имени И.Я. Фроянова оказались не политики и не ученые мужи, а журналисты из ряда оппозиционных патриотических изданий: собственный корреспондент «Советской России» в Санкт-Петербурге Сергей Иванов (статья «Палачи ждут оваций» («Советская Россия». 04.05.2001), член Президиума ЦК КПРФ Юрий Белов (статья «Месть непокорному» («Советская Россия». 19.09.2000), Дмитрий Григорьев («Показательный процесс над русским историком» («Трибуна». 1.08.2001), Александр Филимонов («Особый случай травли по научному сценарию» («Парламентская газета». 25.08.2001), Владислав Карабанов («Паутина» («Новый Петербургъ». 22.02.2001), Максим Данилин («На месть найдется и возмездие» («Ленинградский вестник». 2000. Ноябрь. № 14), автор ряда публикаций в «Новом Петербурге» Юрий Нерсесов и другие.

Наиболее интересной и глубокой среди них следует признать статью бывшего руководителя ленинградских коммунистов, историка по образованию Юрия Белова «Месть непокорному. Кто

¹ Филимонов А. Травля по научному сценарию // Парламентская газета. 2001. 25 августа. № 161. С. 5.

и как организует травлю ученого-патриота Игоря Фроянова?», автор которой не только убедительно показывает всю беспочвенность и недобросовестность нападок на ученого, но и удачно, на наш взгляд, вскрывает подоплеку антифрояновской кампании.

Особенность переживаемого текущего момента, отмечает здесь Ю. Белов, состоит в том, что момент этот — исторический. Мы являемся и свидетелями, и участниками собирания сил на двух полюсах: сил государственно-патриотических, при всем их политическом многообразии, и сил антигосударственных, вот уже десять лет глумящихся над отечественной историей. Их противостояние становится все более очевидным не только в политике и экономике, но и духовной сфере — в науке, культуре, литературе и искусстве. Но, пожалуй, наибольшей остроты противостояние государственников и антигосударственников достигает в исторической науке, что закономерно: отношение к прошлому определяет отношение к настоящему и предопределяет взгляд на будущее.

«Антигосударственники-либералы, — пишет он, — ничего общего не имеющие с русскими либералами начала XX века (последние, как известно, были государственниками — Струве, Миллюков и др.), из кожи вон лезут, дабы перекроить нашу историю на западный манер. К их услугам прибегают все, кто давно преисполнен желания переписать историю государства Российского.

Непреодолимой научной ценности труды Карамзина, Соловьева, Ключевского для них — не более чем анахронизм. За примерами не надо далеко ходить. Обратимся хотя бы к довольно объемной книге В. Кантора «...Есть европейская держава» с примечательным подзаголовком «Россия: трудный путь к цивилизации» (Москва, 1997). В ней автор восхищается умозаключением, содержащимся в монографии В. Вейдле «Задача России» (Нью-Йорк, 1956): «Воссоединиться с Западом значило для России найти свое место в Европе и, тем самым, найти себя». Нет нужды доказывать культурному человеку, что выдающиеся русские историки никогда не рассматривали развитие нашей истории вне контекста развития истории всемирной, в том числе и западной. Именно данный подход и позволял выделять своеобразие, уникальность и универсальность русской, российской истории. Иными словами; позволял раскрыть ее всемирно-историческое значение. Такое значение, безусловно, имеет и история Запада, и история Востока.

Но либералы видят историю России только в фарватере истории Запада, в качестве придатка последней, что всячески поощряется их зарубежными покровителями. Небезызвестный Сорос — один из могущественных финансовых магнатов США — пошел на немалые затраты для издания в нашей стране учебников, в которых история России, особенно новейшая, оказалась на задворках. До сего времени огромными тира-

жами издается учебник Л. Кредера. В нем новейшая история нашего Отечества описывается, по признанию автора, «с точки зрения образованного европейца». Нетрудно догадаться, как это выглядит. Кредеровский курс истории — не единственный в своем западнопослушном роде. Цель авторов «новистического» взгляда на отечественную историю заключается в том, чтобы доказать: Великий Октябрь — ошибка, в результате чего Россия уклонилась от цивилизационного, конечно же, западного пути развития.

Не дай бог кому-нибудь из историков, да к тому же известных, представить иной взгляд на историю Великой Октябрьской революции, на всю советскую историю, включая ее завершающий трагический период — горбачевскую перестройку. Против того поднимется вся интеллигентствующая либерально-демократическая рать. Все ее агенты влияния в СМИ. Так оно и случилось по отношению к Игорю Яковлевичу Фроянову — декану истфака и заведующему кафедрой русской истории Санкт-Петербургского университета.

За прошедшее лето в «демократической» прессе опубликовано пять (!?) статей, в коих И.Я. Фроянов характеризуется как русский национал-коммунист «со свойственными ему национализмом, ксенофобией, антисемитизмом, мракобесием»¹.

¹ Белов Ю. Месть непокорному. Кто и почему организует травлю ученого-патриота Игоря Фроянова // Советская Россия. 2000. 19 сентября. С. 1—2.

Вы впадаете в бешенство, продолжает Юрий Белов, что в «Октябре семнадцатого» И.Я. Фроянов пишет о закономерности Октябрьской революции и доказывает, что октябрь 1917 года вернул Россию на традиционный путь развития, предотвратив опасность ее распада. Но более всего задевает ваше чувство западноверноподданничества фрояновская мысль о действии «мировой закулисы». Вы совершаете нечто подобное ритуальному танцу шамана, вызывающего священный трепет и страх соплеменников: «Не хватает только утверждений о жидомасонском заговоре» и призывов спасать Россию известными методами «черной сотни» (Б. Вишневский); «Он старательно избегает слишком резких выражений, скажем, «жидомасонского заговора» (В. Костюковский).

«Это вы, господа, за образным выражением «мировая закулиса» видите то, что желаете видеть. Это вы вводите в обиход понятие «жидомасонский заговор», навязываете его читателю, чем, конечно же, содействуете разжиганию антисемитизма. И, сделав эту постыдную работу, тут же обвиняете русского ученого-историка в антисемитизме. Действуете по ветхозаветному принципу профессионального вора, громче всех кричащего после очередной кражи: «Держи вора!»

Разве не было действий мировой закулисы в организации интервенции против Советской России, в планировании ее расчленения по Версальскому договору, в тексте которого мы найдем специальный раздел «Государства на терри-

тории России»? О том и пишет Фроянов. Вы считаете, что он не прав, так докажите обратное. Вступайте в полемику с ним, но ведите ее с точки зрения научной, а не идеологической».

«Погружение в бездну» И.Я. Фроянова, — пишет далее Ю. Белов, — первая попытка научного исследования, посвященного трагедии разрушения Советского Союза. Главный вывод книги — распад СССР не историческая предопределенность, а результат осуществления преступного умысла тех, кто прокрался на вершину власти в правящей партии. Автор доказывает, что СССР не находился в историческом тупике вплоть до самого беловежского сговора.

При этом Юрий Белов справедливо отмечает, что И.Я. Фроянов отнюдь не возводит в абсолют ни фактор внешнего враждебного воздействия, ни внутренние проблемы советской системы. Всякий, кто внимательно прочел книгу Фроянова, не может обойти стороной решающее, по убеждению автора, обстоятельство национально-государственной трагедии: политическое безволие огромной армии коммунистов (почти 20 миллионов человек), покорно согласившихся и на рыночные реформы, и на расчленение великого государства, и на ликвидацию КПСС. Не с позиции идеологической, пишет далее Ю. Белов, а с позиции историко-философской Фроянов пытается ответить на вопрос: почему это произошло? Для этого он обращается к различным периодам нашей истории, анализируя их, и приводит читате-

ля к выводу: национальные бедствия случались в России тогда, когда наделенные высшей властью представители правящих сил предавали забвению культурно-исторические традиции Отечества, геополитические интересы государства Российского. Особое внимание, хотя это и не является главным в книге, Фроянов уделяет анализу сталинского периода советской истории. Именно тогда Россия достигла своего наивысшего могущества, одержав Великую Победу над гитлеровской Германией, угрожавшей существованию цивилизации как таковой. Автор «Погружения в бездну» совершенно правильно рассматривает сталинскую эпоху в единстве ее противоположностей (трагедии и величия). Предлагает читателю свою оценку личности Сталина как личности всемирно-исторического масштаба, как великого государственника, сумевшего (не без жертв) «приживить» социализм к великим историческим традициям России.

«Вы, господа, — обращается Юрий Белов к критикам ученого, — клеймите честное имя Фроянова за то, что он назвал вещи своими именами: горбачевскую перестройку — предательством Советского Союза — России, Горбачева и Ельцина — государственными преступниками. Для вас и тот, и другой — кумиры. Таков ваш взгляд на минувшие пятнадцать лет. Мы на него не посягаем. Но скажите, хулители Ленина, Сталина, была ли в их время Советская Россия субъектом всемирной истории? Является ли, по вашему убеждению, она субъектом этой истории

сейчас? Если на последний вопрос вы отвечаете «да», то представьте доказательства. Объяснитесь, господа!

Фроянов доказывает, что сегодня Россия — объект истории Запада, США в первую очередь. Не согласны — опровергайте. Но вы уже пятнадцать лет занимаетесь этим, да что-то на выходит. Сами в том вынуждены признаться: «История в России — больше, чем история. Не просто свод фактов, бесстрастные хроники, а оголенный провод, больно бьющий током, незаживающая рана, вечная баррикада. Разность отношений к революции, Ленину, Сталину, к перестройке трещиной проходит через все общество, делит и объединяет, примиряет и ожесточает» (М. Токарева).

Да, разность отношений стала фактом, который не объедешь и не обойдешь. Какой выход? Отказаться от идеологической и исторической мести при гарантии права личности на свою оценку истории — прошлой и настоящей. Не доводить разность отношения к ней до ожесточенного гражданского противостояния.

Пятнадцать лет, господа, вы не приемлете этого условия. Подобно тому, как гитлеровская авиация господствовала в небе в 1941 году, вы до сих пор господствуете в СМИ и действуете методом тоталитарного идеологического давления на историческую память советского человека, обманутого (как вы начинали — вся власть Советам!) и оболганного (не вы ли его назвали «совком»?!). Вы мстите Игорю Фроянову за то,

что он не отказался от советской истории. Мстите трусливо и потому нагло. Вас страшит его выражение «определенные силы», под которыми он понимает те силы, что давно получили в истории название «пятая колонна». Понятие «пятой колонны» не претендует на научную строгость. Оно — образное, как понятие «мировой закулисы». Но в народе прижилось. То же самое можно сказать и о понятии «олигархический капитал». И оно — не строго научное. Но когда люди пользуются им, то отлично понимают, о ком и о чем идет речь.

Что такое «определенные силы»? Все, кто разрушал и разрушает государство, доставшееся нам от предков. Все, кто поворачивает Россию на Запад, желая, чтобы она повернулась спиной к своей истории. Александра Солженицына никак невозможно заподозрить в симпатии к коммунистам, но сказанное им о беловежском сговоре повторяет то, о чем давно говорит Геннадий Зюганов: «За несколько коротких дней 1991 года обесмысленны несколько веков русской истории». О том пишет и Игорь Фроянов в книге «Погружение в бездну». Вас, господа, страшит многообразие патриотизма в России. Но больше всего вы боитесь единства этого многообразия. Потому и хватаетесь за «глобалистику» и «новистику», согласно которым наш великий народ непременно должен поступиться своим менталитетом (национальной психологией) во имя менталитета цивилизованных наций.

Иными словами, растворить его в менталитете общечеловеческом.

Вы спрашиваете — что такое «определенные силы»? Так оглянитесь на себя, господа, и найдете ответ»¹.

«Две линии определились сегодня в историографии, — заканчивает свою статью Ю. Белов. — Одна сопряжена с модернизацией России, попытками найти в ней «ростки нового», что связывается с западным путем ее развития. Другая направлена на исследование своеобразия русской, российской истории, при одновременном стремлении найти место России в истории мировых цивилизаций. Эта вторая линия органически связана с именем Фроянова. Выступить против нее — значит, обозначить себя откровенным русофобом. В невозможности сопряжения двух линий заключается вся суть идеологизированной травли Фроянова. Авторы статей, направленных против него, — пешки, но они были пущены в ход в «нужный момент». Все пять упомянутых публикаций вышли в свет именно тогда, когда от тяжкого недуга умирала жена Игоря Яковлевича (речь идет о Елене Львовне Фрояновой (урожд. Аламдаровой), род. 1952, второй жене ученого, на которой он женился 6 ноября 1976 года и от брака с которой имеет дочь Лидию. — Б.В.). Она ушла из жизни в августе этого года. 12 сентября

¹ Белов Ю. Месть непокорному. Кто и почему организует травлю ученого-патриота Игоря Фроянова // Советская Россия. 2000. 19 сентября. С. 2.

убит сын Фроянова — Игорь Фроянов (род. в 1964 году от первого брака И.Я. Фроянова с Солдатовой Татьяной Ивановной, 1933 года рождения. — *Б.В.*), заведующий отделом образования Калининского района Санкт-Петербурга. Убит за то, что посмел наступить на горло мафии в сфере образования. Ему было всего 36 лет... Но и после этого выкатываются на исходные рубежи мортиры для ведения огня по Фроянову. В таких случаях в древней Руси говорили: «Креста на вас нет!»¹

Действительно, какой может быть крест у этой публики?

Апогеем антифрояновской кампании стало знаменитое «Письмо 140» на имя ректора университета. «Глубокоуважаемая Людмила Алексеевна, — зывают подписанты. — Мы, сотрудники СПбГУ и представители научной и культурной общественности Петербурга и Москвы, обращаемся к Вам в связи с обсуждением в печати конфликта между деканом исторического факультета СПбГУ профессором И.Я. Фрояновым и заведующим кафедрой истории нового времени профессором Б.Н. Комиссаровым. Но этот конфликт — не причина нашего обращения, а только повод, поскольку он в очередной раз привлёк внимание общественного мнения к положению, сложившемуся в последние годы на историческом факультете университета. Суть дела в том,

¹ Белов Ю. Указ. соч. С. 2.

что исторический факультет старейшего университета страны решительно не в состоянии стать центром осмысления бурных и болезненных преобразований, происходящих в нашем обществе.

Руководство факультета отказывается осознать необратимость перемен и стремится законсервировать, пусть в микромасштабе, порядки и образ мышления эпохи, безнадежно уходящей в прошлое. В результате не только руководство факультета, но и рядовые сотрудники оказались в значительной мере оторванными от современной интеллектуальной жизни, от процессов обновления научных исследований и высшего образования. Выпускники истфака, в том числе будущие учителя, получают одностороннее представление об истории и слабо владеют методологическим аппаратом современного гуманитарного знания. Без преувеличения можно сказать, что на переломе российской истории университет остался без исторического факультета, а историческая общственность Петербурга — без университета.

Самоизоляция истфака является для декана И.Я. Фроянова средством сохранения режима личной власти. Талантливые сотрудники, поддерживающие контакты с другими общеобразовательными и научными учреждениями, как в России, так и за рубежом, становятся неуютными и изгоняются. На связи с мировой наукой наложен негласный запрет. На истфаке насаждается единомыслие, а патриотизм подменяется ксенофобией и антисемитизмом. Налицо стремление

превратить процесс преподавания в политическую агитацию. По нашему убеждению Ученый совет университета, известный своей приверженностью ценностям социального прогресса, гуманизма и подлинного патриотизма, в сложившейся ситуации не может остаться безучастным»¹.

Как ни крути, но приходится признать, что выдвинутые здесь против И.Я. Фроянова обвинения иначе как политическими назвать трудно. Да и в целом ничего нового авторы этого коллективного письма нам не сказали. Понять это можно. Дело тут совсем не в содержании этого документа, а скорее в его форме, ибо адресован он не кому-нибудь, а ректору университета для принятия скорейших оргвыводов. Производит впечатление и количество подписавшихся под письмом — 140 человек. И хотя ученых лиц, активно работающих в науке, среди подписантов не так уж и много, отмахнуться от этого документа администрация университета никак не могла. Тем более что и обвинения, выдвинутые здесь против И.Я. Фроянова: антисемитизм, ксенофобия, — из разряда таких, не реагировать на которые нынешняя «демократическая» власть не может.

Но оставим пока администрацию с ее проблемами и обратимся к анализу списка подписавшихся под письмом. А он, как нам представ-

¹ Председателю ученого совета Санкт-Петербургского университета академику Л.А. Вербицкой // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 1. С. 10—12.

ляется, очень интересен. Вопреки ожиданиям это отнюдь не преподаватели исторического факультета Санкт-Петербургского университета, а их «добрые», так сказать, соседи как из университетских, так и внеуниверситетских учреждений.

Наиболее представительной среди них выглядит большая группа подписантов из Института российской истории РАН. Это работающие здесь в качестве научных сотрудников: уже известная нам доктор исторических наук И.А. Левинская, кандидаты исторических наук Т.А. Абросимова, Т.В. Андреева, В.И. Мажуга, доктора исторических наук Е.В. Анисимов, А.К. Гаврилов, кандидаты исторических наук В.В. Лапин, С.А. Исаев, доктора исторических наук С.Н. Искюль, Б.И. Колоницкий, В.М. Панеях, В.А. Нардова, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, кандидат исторических наук В.Ю. Черняев, доктора исторических наук В.Г. Чернуха, М.Б. Свердлов, кандидат исторических наук П.В. Седов. Итого 17 человек! Целая армия, можно сказать.

Но это, на самом деле, менее половины историков, работающих в этом почтенном учреждении. Подписались под письмом, таким образом, далеко не все. Особенно бросается в глаза практически полное отсутствие среди подписавшихся специалистов по новейшей истории России (за исключением Б.И. Колоницкого и В.Ю. Черняева), хотя, казалось бы, кому как не им судить о последних работах И.Я. Фроянова. Зато более чем широко представлены среди подписавшихся специалисты

по истории Древней Руси (М.Б. Свердлов, П.В. Седов, В.М. Панеях), XVIII века (Е.В. Анисимов, С.Н. Искюль) и XIX — начала XX веков (В.Г. Чернуха, В.А. Нардова, Т.В. Андreeва, В.В. Лапин, Р.Ш. Ганелин) и даже по Древнему миру (И.А. Левинская, А.К. Гаврилов) и европейскому средневековью (В.И. Мажуга).

Правда, не поставили свою подпись под письмом директор института доктор исторических наук В.Н. Плешков, а также «светила» института академики А.А. Фурсенко и Б.В. Ананьич. Однако торопиться видеть в этом отраднй, так сказать, факт их биографии, в смысле размежевания с организаторами и участниками антифрояновской кампании, не приходится. И чтобы убедиться в этом, далеко, как говорится, ходить не надо. Стоит только заглянуть в опубликованный в 2002 году в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» материал под названием: «Историк А.А. Фурсенко рассказывает», чтобы убедиться в том, что и подписавшие письмо Р.Ш. Ганелин и В.М. Панеях, и не подписавшие его академики А.А. Фурсенко и Б.В. Ананьич на самом деле старинные друзья и полные единомышленники в такого рода вопросах, и не только.

«Уже нет в живых его (т.е. Б.А. Романова. — Б.В.), самого первого ученика, — говорит здесь академик А.А. Фурсенко, — бывшего директора нашего отделения Николая Евгеньевича Носова, но остальные четверо — мы каждый год собираемся в день его рождения вместе для того, чтобы вспомнить и поговорить о своем учителе. Двое его учеников — академики Б.В. Ананьич и я, тре-

тий — Рафаил Шоломович Ганелин — член-корреспондент Академии наук, четвертый — доктор исторических наук Виктор Моисеевич Панеях. Каждый год в день смерти Бориса Александровича мы ездим на кладбище. Поставили ему памятник и сажаем цветы. Память о Борисе Александровиче для нас священна. Как сказал о нем один из его учеников: «В этот день явка обязательна»¹.

То, что ученики профессора Бориса Александровича Романова свято чтут память своего учителя, достойно восхищения. Стоит в связи с этим заметить, что один из этой «великолепной четверки», доктор исторических наук В.М. Панеях, даже написал солидную книгу о Б.А. Романове, реально тем самым показав, что чувство любви и благодарности его учеников к своему наставнику — отнюдь не пустой звук. Безусловное уважение вызывает и чувство дружбы и взаимной поддержки, которые пронесли через всю жизнь эти сегодня, в сущности, совсем уже немолодые люди. Можно не сомневаться, что успеху своей так удачно сложившейся для них научной и административной карьеры — два академика, один членкор и один «простой» доктор наук (правда, долгие годы подвизавшийся в качестве руководителя Феодального сектора и члена ученого совета Санкт-Петербургского филиала института истории) — они во многом обязаны именно этому обстоятельству,

¹ Историк А.А.Фурсенко рассказывает // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 7. С. 156.

что нисколько не умаляет, разумеется, их личного вклада в науку.

Все это было бы прекрасно, если бы не одно «но». Сплоченность и высокое положение этой четверки в институте (следует иметь в виду, что академик А.А. Фурсенко к тому же еще и недавний академик-секретарь Отделения истории РАН и член ее Президиума) привели к тому, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий она фактически «держит в руках» весь институт.

Собственно, этого не скрывает и сам А.А. Фурсенко, подробно поведавший в своем интервью, как и с какой целью они подбирают кадры для своего института и от каких кадров и каким образом избавляются. «Могу сказать, — говорит он, — что суд нашего ученого совета беспощаден. Мы «прокатываем» людей при очередной переаттестации и их увольняем. Таких случаев было несколько. У нас всегда был достаточно строгий отбор. Нужны были авторитетные рекомендации, чтобы человек к нам поступил, а в принципе мы обычно брали тех людей, которые являлись учениками наших профессоров, которые работали в институте. Эта практика себя оправдала. Никто не был уволен. Как известно, уволить человека труднее, чем нанять. Но при проведении очередного конкурса ученым советом мы договаривались и «прокатывали» их со счетом 17 «против» и 2 «за». У нас два раза это было. Мы людей просто изгоняли»¹.

¹ Историк А.А.Фурсенко рассказывает // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 7. С.157.

Крайне странными, если не сказать больше, выглядят в этой связи сетования коллеги и единомышленника А.А. Фурсенко Р.Ш. Ганелина о созданной по инициативе И.Я. Фроянова на историческом факультете так называемой кадровой комиссии (председатель А.В. Гадло), задача которой, по его словам, заключалась в том, чтобы предотвратить проникновение на факультет так называемых деструктивных элементов¹.

Как видим, в практике деятельности по подбору или, правильнее, отбору кадров для своего родного института путем тайного сговора перед голосованием отдельных членов ученого совета ничего предосудительного Р.Ш. Ганелин не усмотрел. Зато деятельность созданной на истфаке по решению его ученого совета легального органа для подготовки бумаг по кадровым вопросам (кстати, ни одна из предложенных кафедрами кандидатур на имевшиеся вакансии не была отклонена) почтенный ученый готов объявить чуть ли не преступлением против науки.

Как представляется, академик А.А. Фурсенко, быть может, и сам того не подозревая, в одночасье раскрыл самую «страшную» тайну своего родного института: кто и как подбирал кадры историков, работающих в этом учреждении в по-

¹ Ганелин Р.Ш. Открытое письмо членам ученого совета исторического факультета СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. 2000. 12 октября. № 24. См. также: Клио. Журнал для ученых. 2000. № 2(11). С. 341.

следние 30 лет. Что же касается духа этих кадров, то дух этот, если судить по числу подписантов антифрояновского письма, самый что ни на есть либерально-демократический, прозападный. Патриотов в Институте российской истории явно не держат.

Мы не случайно так подробно остановились на Санкт-Петербургском институте российской истории. Ибо это многое разъясняет в «деле» И.Я. Фроянова. В частности, такое на первый взгляд странное обстоятельство, как активное участие в антифрояновской кампании преподавателей кафедры всеобщей истории Российского педагогического университета имени А.И. Герцена, в то время как их коллеги с кафедры русской истории от подписания «Письма 140» решительно уклонились. Разгадка в том, что заведующим кафедрой всеобщей истории в этом учреждении является профессор Владимир Носков — ученик А.А. Фурсенко, а вот среди членов кафедры русской истории учеников у последнего, как американиста, понятное дело, не оказалось. Отсюда и результат.

Но вернемся к анализу подписей под «Письмом 140». Из работающих на историческом факультете Санкт-Петербургского университета преподавателей и сотрудников под ним, как уже отмечалось, не подписался никто. Другое дело — подписи «обиженных» в свое время И.Я. Фрояновым бывших сотрудников истфака, вынужденных вследствие этого поменять в свое время место работы: искусствовед профессор А.Н. Немилев

(Академия художеств), доктор исторических наук Г.С. Лебедев (НИИКСИ СПбГУ), доктор исторических наук Г.Л. Соболев (РГИ СПбГУ), доценты И.Д. Чечот (НИИИ РАН) и Н.Е. Копосов (филологический факультет СПбГУ).

Обращает на себя внимание сравнительно большая группа сотрудников филологического факультета СПбГУ: доценты А.Л. Верлинский, В.М. Монахов, Д.Н. Копелев, С.А. Тахтаджян, Е.С. Ходорковская, Д.Р. Хапаева, Ю.В. Шор. Особняком среди них стоит подпись директора Музея истории СПбГУ кандидата исторических наук археолога И.Л.Тихонова, которого в свое время И.Я. Фроянов буквально спас от увольнения с директорской должности.

Пять человек «выставил» против И.Я. Фроянова философский факультет: три доктора (М.С. Каган, Э.П. Юровская, К.А. Рогова) и два кандидата (Ю.М. Лесман и Н.И. Николаев). Из Европейского университета в Санкт-Петербурге письмо подписали Н.Б. Вахтин (доктор философских наук), А.А. Кононов (соискатель), Ю.И. Басилов (аспирант), А.В. Корайковский (аспирант). Из Музея истории религии — Д.А. Браткин (аспирант). Из Академической гимназии при СПбГУ — кандидат искусствоведения М.Л. Лурье, кандидат филологических наук А.Ю. Веселова и кандидат исторических наук Д.В. Панченко. Из Российского государственного исторического архива (РГИА) — доктор исторических наук Б.Д. Гальперина и кандидат исторических наук Д.И. Раскин.

Подписались под письмом и несколько преподавателей кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена, о которой уже шла речь, во главе с ее заведующим доктором исторических наук В.В. Носковым: доценты О.В. Пленков, Т.В. Кудрявцева, А.Б. Шарнина и Н.В. Сторожев. Поставили свои подписи и завкафедрой методики преподавания истории, обществоведения и права этого же института доцент В.В. Барабанов и его коллега доцент А.М. Захаров.

Несколько неожиданным выглядит большое число подписантов из Российской национальной библиотеки, среди которых можно отметить доктора педагогических наук О.С. Острога и доктора исторических наук В.Е. Кельнера. Из прочих сотрудников РНБ этот своеобразный тест на «демократичность» прошли кандидат исторических наук Ц.И. Грин, главный библиограф А.М. Керзум, главный библиограф Т.Э. Шумилова, главный библиограф Э.А. Урусова, старший научный сотрудник отдела рукописей Т.А. Богданова, главный библиограф Н.Н. Антокольская, ведущий библиотекарь И.Г. Лендер.

Удивляться тут, впрочем, особо нечему. Стараниями или, быть может, правильнее, попустительством ее руководства Публичная библиотека уже со времен горбачевской перестройки давно и прочно превращена в своеобразное «осиное гнездо» космополитизма в Санкт-Петербурге. Для сравнения: во второй после РНБ сокровищнице нашей национальной книжной культуры — Библио-

теке Академии наук, поставить свою подпись под письмом счел возможным только один человек — О.А. Красникова. Настолько иной оказалась здесь для организаторов антифрояновской кампании духовно-нравственная и идеологическая атмосфера.

По одному человеку представлены среди подписантов Пушкинский Дом (доктор филологических наук С.Н. Николаев) и Государственный Эрмитаж (доктор педагогических наук Б.Н. Маршак), Леонтьевский центр (доктор экономических наук Б.С. Жихарев), Институт всеобщей истории РАН в Москве (Л.М. Баткин), Институт США в Москве (академик Н.Н. Болховитинов), Институт востоковедения (доктор исторических наук академик Г.М. Бонгард-Левин), Высшая религиозно-философская школа (доктор филологических наук И.Е. Левин), Санкт-Петербургский университет культуры и искусств (преподаватель Е.В. Кулешов) и Русское географическое общество (доктор исторических наук Б.П. Полевой).

Отдельную группу среди подписавших письмо к ректору ЛГУ составляют так называемые технари: кандидат биологических наук, старший научный сотрудник СПбГМУ им. академика И.П. Павлова А.П. Пуговкин, кандидат физико-математических наук А.Я. Ванников, кандидат физико-математических наук Р.И. Джиоев.

Как водится, не обошлось и без «инженеров человеческих душ» в лице демократически ориентированных писателей Санкт-Петербурга: Я.А. Гордина, А.С. Кушнера, А.В. Фролова, не-

кого В.Е. Русакова из АОЗТ «Спецстрой» и К.В. Тублина из издательства «Лимбус-пресс».

Тем временем еще в сентябре 2000 года в связи с антифрояновскими публикациями ученым советом СПбГУ была сформирована специальная комиссия по проверке истфака во главе с Г.Г. Богомазовым. И проверка эта, вопреки ожиданиям недругов И.Я. Фроянова, надеявшихся на скорую расправу над ним, неожиданно затянулась на целых семь месяцев. «Комиссия, — оправдывался ее председатель, — вынуждена была ознакомиться со всеми публикациями в СМИ и прочитать все письма и обращения, поступившие в нее, а также в редакцию журнала «Санкт-Петербургский университет» в связи с делом И.Я. Фроянова. Всего их оказалось 10. *«Мне кажется, — вынужден был констатировать Г.Г. Богомазов в своем интервью корреспонденту журнала «Санкт-Петербургский университет», — что кампания, развернувшаяся вокруг истфака, носит неоправданно политизированный и идеологизированный характер... На мой взгляд, суть конфликта раздута и преувеличена в масштабах. Слишком много эмоций»*¹.

И действительно, страсти вокруг И.Я. Фроянова были накалены к этому времени, можно сказать, до предела. Свидетельство тому — попытка

¹ В марте ученый совет рассмотрит вопрос об истфаке // Санкт-Петербургский университет. 2001. 15 февраля. № 5. С. 1.

неизвестных «доброхотов» И.Я. Фроянова переименовать явочным порядком площадь Академика Сахарова в площадь И.Я. Фроянова. Правда, до срыва официальной таблички на здании Библиотеки Академии наук дело не дошло, но соответствующая надпись под ней появилась, хотя, понятное дело, просуществовала она недолго.

Окончательно ситуация вокруг И.Я. Фроянова и истфака прояснилась только 23 апреля 2001 года. Именно в этот день ученый совет университета решал вопрос: продлевать полномочия И.Я. Фроянова как декана факультета (что требовалось согласно тогдашнему Закону о высшей школе в связи с достижением им 22 июня своего 65-летия) или нет. Изложение драматических событий заседания ученого совета не входит в нашу задачу. Отметим лишь самое существенное: 60 головами «против» и 37 «за» при 8 воздержавшихся И.Я. Фроянову было отказано в продлении его деканских полномочий.

4 мая 2001 года ученый совет исторического факультета обратился с письмом на имя министра общего и профессионального образования Российской Федерации В.Г. Филиппова и председателя комитета по образованию Государственной Думы с мотивированной просьбой об отмене решения ученого совета от 23 апреля 2001 года как *«принятого под влиянием политических мотивов и фактически противоречащего заключению комиссии ученого совета по провер-*

ке факультета»¹. Но ответа на это обращение не последовало.

Не помогло и обращение группы депутатов Государственной Думы во главе с ее председателем Г.Н. Селезневым к Президенту В.В. Путину и Председателю Правительства М.М. Касьянову с просьбой «вмешаться и восстановить справедливость»². 22 июня 2001 года, в день своего рождения, И.Я. Фроянов вынужден был оставить должность декана, а через два года (26 июня 2003), в связи с ее реорганизацией, и заведование кафедрой русской истории.

Надо ли много говорить о том неподдельном и глубоком удовлетворении, с которым встретили итоги голосования на ученом совете университета недруги Игоря Яковлевича? «Конец «черной сотни». Игорь Фроянов больше не будет руководить историческим факультетом Санкт-Петербургского университета», — так озаглавил свою статью в «Новой газете» уже известный нам журналист Борис Вишневский³. Не скрывали своей радости от случившегося и другие застрельщики травли ученого: Татьяна Вольтская (ее статья «Петербургский университет проща-

¹ Истфак защищает своего декана // Советская Россия. 2001. 12 мая. С. 3.

² Восстановить справедливость // Советская Россия. 2001. 23 июня. С. 2.

³ Вишневский Б. Конец «черной сотни». Игорь Фроянов больше не будет руководить историческим факультетом Санкт-Петербургского университета // Новая газета. 2001. 26 — 29 апреля. С. 7.

ется со сталинизмом. Несколько последних лет истфак СПбГУ был центром непримиримой борьбы с инородцами» была опубликована в «Невском времени» № 7 за 26 апреля 2001 года), Лев Лурье и Николай Конашенков (статья в газете «Коммерсантъ» № 109 за 26 июня 2001 года¹) и другие.

И конечно же, не могли наши «демократы» оставить без своего внимания вопрос о преемнике И.Я. Фроянова (статья Льва Лурье «Комиссарова победа. Кто заменит декана истфака Игоря Фроянова?» в «Коммерсанте»²). Правда, здесь их ждал небольшой сюрприз. Деканом истфака был назначен ученик И.Я. Фроянова профессор А.Ю. Дворниченко. Как явствует из статьи Николая Конашенкова и Льва Лурье в «Коммерсанте» за 26 июня 2001 года³, это была совсем не та кандидатура, на которую рассчитывала демократическая общественность. Да и «Комиссарова победа», о которой поторопился возвестить миру Лев Лурье, на поверку оказалась не чем иным, как большим мыльным пузырем: не имея никаких шансов на свое переизбрание в должности заве-

¹ Лурье Л., Конашенков Н. Людмила Вербицкая избавилась от декана-коммуниста // Коммерсантъ. 2001. 26 июня. № 109.

² Лурье Л. Комиссарова победа. Кто заменит декана истфака Игоря Фроянова? // Коммерсантъ. 2001. 8 мая. № 78.

³ Лурье Л., Конашенков Н. Людмила Вербицкая избавилась от декана-коммуниста // Коммерсантъ. 2001. 26 июня. № 109.

дующего кафедрой новой истории, Б.Н. Комиссаров в конце концов принял, как нам представляется, абсолютно верное решение и в 2003 году тихо ушел с факультета.

С уходом И.Я. Фроянова с должности декана сразу же, как по команде, прекратилась и его травля в либерально-демократических средствах массовой информации. Настало время подведения ее итогов, некоторого, хотя бы предварительного, осмысления случившегося. Естественно, что гонители И.Я. Фроянова постарались внедрить в общественное сознание свою версию «дела» И.Я. Фроянова. Причиной случившегося, утверждали, например, в своей аналитической статье, посвященной окончанию «дела» И.Я. Фроянова Николай Конашенков и уже известный нам Лев Лурье, явился *«острый конфликт прокоммунистически настроенного декана с либеральными преподавателями и студентами, который начался осенью прошлого (2000 — Б.В.) года...* Осенью прошлого года декан уволил сразу трех преподавателей. После чего историки и филологи Петербурга и Москвы попросили ректора Санкт-Петербургского университета Людмилу Вербицкую вмешаться в конфликт, а оппозиционные деканату студенты создали в Интернете антифрояновский сайт: istfuck.narod.ru»¹.

¹ Лурье Л., Конашенков Н. Людмила Вербицкая избавилась от декана-коммуниста // Коммерсантъ. 2001. 26 июня. С. 15.

Администрация университета, как того и следовало ожидать, вмешалась, в результате чего общими усилиями студентов и преподавателей университета при поддержке научной, околонуучной и вообще прогрессивной общественности была одержана решительная и бесповоротная победа над тянувшим истфак в прошлое его консервативно настроенным деканом. Такова либеральная версия «дела» И.Я. Фроянова. Насколько она соответствует фактам, судить читателю.

С нашей точки зрения, ближе всего к пониманию сути «дела» И.Я. Фроянова подошел внимательно следивший за ним церковный историк профессор Н.К. Симаков. Первое, на что он справедливо обращает внимание, так это откровенно идеологический характер кампании против И.Я. Фроянова. Ни в одной другой стране мира, заявил он, кроме России, в публичной кампании против историка «не могли быть использованы те обвинения, которые предъявляли Фроянову, — по существу, его преследовали за патриотические взгляды»¹.

На недоуменный же вопрос интервьюировавшего его журналиста: как же такое могло случиться в цивилизованной стране, да еще «после прихода Путина к власти, когда патриотизм у нас едва ли не объявлен государственной политикой»? — Н.К. Симаков вполне справедливо ука-

¹ Симаков Н.К. Умственное иго Европы // Советская Россия. 2001. 4 мая. С. 3.

зал, что патриотизм патриотизму — рознь. Патриотизм, который исповедует сегодня правительство, — это патриотизм либеральный, когда *«говорятся какие-то теплые слова о Родине, но при этом боже упаси указать на виновников современной государственной разрухи»*.

Совершенно иное представление о патриотизме, подчеркивает Н.К. Симаков, озвучивал профессор Фроянов. Дело в том, что история и литература — это те две науки, которые связывают нас с нашей национальной традицией — духовной, культурной, государственной. И честный ученый, в отличие от политика, не может не задаться вопросом о причинах и последствиях нынешней российской трагедии. И в том числе называет виновных — к этому его обязывает просто профессиональная добросовестность ученого.

А официальный патриотизм Путина, по мнению Н.К. Симакова, пытается соединить несоединимые начала. Это, с одной стороны, исторический, великодержавный путь России. А с другой стороны, новейший официальный патриотизм просто боится выговорить, что Россия была, есть и будет империей и иного пути в истории у нее быть не может.

В Кремле патриотизм, отмечает он, сейчас понимается как отстаивание небольших сиюминутных национальных интересов: да, разбить бандитов в Чечне, но — говорить об империи? Нет, нет — ни в коем случае! Почему? А потому что это, видите ли, вызовет протест «всего цивили-

лизованного человечества». То есть официальный патриотизм сейчас таков, чтобы не помешать «цивилизованному человечеству» и дальше осуществлять свои глобалистские планы и превращать Россию в свою сырьевую колонию.

И вот в этом заключается непримиримое противоречие между современным официозным патриотизмом и книгами профессора Фроянова. Отношение к Западу — вот в чем их кардинальное различие. Ясно, например, что истинный патриотизм требует отказа от колониальной экономики, навязанной нам Гайдаром и Чубайсом. Иначе это будет мафиозно-коррупцированная страна, которая станет легкой добычей своих соседей.

И сегодня первоочередной задачей для патриотов должна быть даже не столько защита от «мусульманского терроризма» (хотя и от него тоже), сколько от процессов глобализации, ибо это во стократ страшнее и опаснее. От продвижения НАТО на Восток, от крестового похода Запада на нашу культуру.

Или другой аспект — как, например, патриотизм может сочетаться с проталкиванием закона о продаже земли? Ведь совершенно очевидно, что стоит его принять, и земля уже не будет принадлежать нашему Отечеству. Она будет принадлежать различным частным иностранным компаниям. И где-нибудь на святом острове Валаам поставят табличку: «Частная собственность. Туземным жителям вход воспрещен». Таким обра-

зом, закон о частной собственности на землю по существу сводится к продаже России на совершенно легальной основе. И казенный патриотизм сводится к тому, что Родину продавать можно, но не так чтобы уж совсем по дешевке, а при этом еще и поторговаться.

«Совершенно очевидно, что Европа и Америка смотрят на нас как на легкую добычу. Ясно, что истинный патриотизм диктует и другой очевидный вывод — надо идти на определенный разрыв с западными странами, более того, даже на определенную изоляцию от этих стран. Ибо Америка во сто крат опаснее Чечни. Потому что патриотизм сегодня должен требовать, в первую очередь, возвращения суверенитета: государственного, экономического и, прежде всего — духовного».

— *Однако то, о чем вы сейчас говорите, — вмешивается корреспондент, — казалось бы, в первую очередь должно быть понятно и созвучно чаяниям интеллигенции, наиболее образованной и мыслящей части общества. Но ведь, обратите внимание, именно интеллигенция ополчилась против Фроянова. Как же это объяснить?*

— *Этот вопрос, — отвечает ему Н.К. Симаков, — по существу можно сформулировать так — а что это такое вообще — российская интеллигенция?*

Либералы и западники привыкли отвечать: «соль земли, совесть нации, нравственный камертон» и т.д. Однако здесь не все так просто.

Многие называют отцом русской интеллигенции Петра I, который первым решил разорвать с

прошлым, с «этой Московией», и начать новую историю с нуля. Он насильственно европеизировал Россию, но одновременно и создавал великую Российскую империю, привил идеалы служения государству и Отечеству. Интеллигенция в то время шла все-таки вместе с царем и воплощала его замыслы.

Но вот что происходит с интеллигенцией дальше. Русский историк Ключевский писал: «Что такое русский интеллигент в эпоху Екатерины II? Вольтерьянец и масон». Тогда же в интеллигентской среде вместе с вольтерьянством появляется отношение к своему народу как к темной массе, которую следует европеизировать. Причем европейские идеи интеллигенты той поры брали на Западе как абсолютные истины, как религию. Истину интеллигенты принялись искать не в вере, а в Париже. Начался период западничества, или, как говорил Лев Тихомиров, «умственное иго Европы». Интеллигенция стала как бы культурным колонизатором в своей собственной стране. Отчасти при этом продолжая дело Петра I (европеизация), но от петровских идей государственности, империи русская интеллигенция в конце XVIII века уже отреклась.

А на Сенатской площади дворянская интеллигенция вообще объявила войну русскому государству. С этого начался так называемый «освободительный период русской интеллигенции». В XIX веке она сложилась как орден, напоминающий орден иезуитов или меченосцев, у которых было главное дело — любой ценой свергнуть

«византийское самодержавие» и православию — «эту казенную веру». Вот тогда появились Нечаев и ему подобные. В это же время наблюдается значительный прилив в интеллигентскую среду инородцев. С их приходом в интеллигентской среде пропадает вообще всякая сентиментальность по отношению к России. Как писал в то время о них Достоевский: «Сто тысяч голов ради победы».

И все же нельзя не признать, что даже и в этот период еще сохранялось что-то неотразимо обаятельное в фигуре русского нигилиста XIX века. Интеллигенция была крещена в новую веру и кровью исповедовала ее: народовольцы и эсеры бестрепетно шли на смерть. Потому-то их и любили, потому-то и народ видел в них едва ли не святых мучеников».

Перейдя затем к XX веку, Н.К. Симаков справедливо отмечает, что здесь мы видим совершенно новый лик отечественной интеллигенции. Советская интеллигенция во многом напоминала тех «птенцов гнезда Петрова», которые созидали великую империю. Советская интеллигенция 40—50-х годов — это прежде всего служилый класс, который служил двум идеям — государственности и социальной справедливости. Это они создавали ракетный щит страны, ядерную бомбу, поднимали из руин города. Они хоть в лагерях, хоть за колючей проволокой готовы были работать на укрепление величия и мощи государства.

Но едва только начинается хрущевская оттепель, как старые идеи XIX века вновь овладевают

умами и сердцами образованной части нашего общества. Хрущевская интеллигенция постепенно отходит от служения государству и становится силой, опасной для всех. Как скажет потом философ А. Зиновьев: «Стреляли в коммунизм, а попали в Россию». И с его, Н.К. Симакова, точки зрения, современная российская интеллигенция — это самая разрушительная сила за всю историю Российского государства. И падение Советского Союза — это дело ее рук. Именно советская интеллигенция тогда самозабвенно зачитывалась «Огоньком», рукоплескала новым кумирам и собиралась на многотысячные митинги.

У советской интеллигенции с 60—70-х годов выветрилась вера в социализм, и новое, что они восприняли, — это западная демократия, западная цивилизация, частная собственность, права человека — вот эрзац-религия современной интеллигенции. А Запад — их обетованная земля.

«И что самое страшное, — отмечает он, — либеральный российский интеллигент сейчас выступает правоверным последователем западных глобалистских идей. Он вновь — культурный колонизатор в своей собственной стране. И если в XIX веке «европеизация» — это были еще цветочки, то сейчас мы вкушаем горькие как полынь плоды «глобализации».

Причем современная интеллигенция — это целый клан, даже партия, и сознание ее носит коллективно-партийный характер. И каждый, кто провозглашает социалистические и уж тем бо-

лее — православные ценности, для них ересиарх, против него тут же объявляется крестовый поход. Как, например, они говорили о митрополите Иоанне? Националист, шовинист, антисемит.

В чем обвиняли бульварные демократические газеты Фроянова? Да абсолютно в том же самом. Причем обратите внимание, как у них меняются враги. Сперва врагами номер один либеральные интеллигенты объявили коммунистов. В настоящее время таковыми для них стали патриоты. А завтра, я убежден, наступит черед Русской православной церкви. Если православие не подстроится под глобализм, оно будет объявлено ими красно-коричневой силой.

— Интеллигента привычно представлять себе человеком мягким и податливым. Откуда же берется такая изощренность и беспощадность, когда они всем скопом набрасываются на одного? — задает вопрос корреспондент.

— А чему вы удивляетесь? — отвечает Н.К. Симаков. — *Интеллигенция всегда выступала партийно. Романы Достоевского «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» — она воспринимала как доносы царскому правительству. После выхода романа Достоевского «Братья Карамазовы» совершенно серьезно писалось, что это на самом деле политический донос на русское освободительное движение, и в частности на Каракозова, ни мало не смущаясь, что написан-то роман был за полгода до покушения.*

А когда Гоголь опубликовал свои «Выбранные места из переписки с друзьями», то Белинский заявил ему: «Вы либо сумасшедший, либо пре-

датель». И интеллигентская среда просто отвернулась от Гоголя.

Та же участь постигла Лескова, после того как он написал свои антинигилистические романы «Некуда» и «На ножах» — перед ним закрылись двери всех литературных журналов.

Даже Пушкину либералы ставили в вину его монархические стихи. Лишь впоследствии они же сами создали миф о Пушкине как о революционере-вольтерьянце: на вопрос царя, где бы он был в день восстания декабристов, Пушкин якобы отвечает: «Государь, я был бы с ними». На самом же деле ответ звучал совершенно иначе: «Государь, я, возможно, был бы с ними, но Господь меня спас».

Так что эта среда умеет мстить и мстит изощренно и беспощадно тем, кого считает отступником. Тем, кто оспаривает монопольное право интеллигенции диктовать другим представления о добре и зле»¹.

* * *

Конечно же, отрицать определенную роль в инициировании «дела» Фроянова и противоречий внутриуниверситетского характера, в частности, его разногласий с администрацией университета по вопросам реформы высшей школы (платность и двухуровневая система образования), не приходится². К этому же, если судить по

¹ Симаков Н.К. Умственное иго Европы // Советская Россия. 2001. 4 мая. С. 3.

² Григорьев Д. Показательный процесс над русским историком // Трибуна. 2001. 1 августа. С. 2.

его газетным интервью, склоняется и сам Игорь Яковлевич. «Я до последнего боролся против коммерциализации факультета и введения двухуровневой подготовки выпускников и деления их на бакалавров и магистров»¹, — отмечает он. Однако решающая роль в инициировании и раскручивании его дела принадлежала все же не им, а неким внеуниверситетским, внешним силам.

Что это за силы, становится понятным, если мы обратим внимание на перечень изданий, обрушившихся на И.Я. Фроянова. Напомним — это «Известия», «Новые Известия», «Общая газета», «Новая газета», «Дело», «Демократический выбор». Все это — издания либерального, так сказать, толка, содержащиеся на деньги олигархов (кто же, кроме них, стал бы в нашей стране их поддерживать?) и обнаруживающих так называемый правый спектр политических сил современной России, представленный, в первую очередь, партиями «Яблоко» и «Союз правых сил». Не случись их грубое вмешательство в сугубо университетские дела, никакого «дела» И.Я. Фроянова, скорее всего, и не было.

«Мечь непокорному», — так сформулировал свое понимание «дела» И.Я. Фроянова Юрий Белов². Не вызывает каких-либо сомнений такая

¹ Профессор Фроянов: борьба продолжается // Новый Петербургъ. 2003. 5 июня. С. 5.

² Белов Ю. Мечь непокорному. Кто и почему организует травлю ученого-патриота Игоря Фроянова // Советская Россия. 2000. 19 сентября. С. 1—2.

трактовка «дела» и у других исследователей. «Он (то есть Фроянов. — Б.В.), — излагает свое понимание сути происшедшего от имени недругов ученого петербургский профессор Л. Александров, — не понял наших задач, не спешит переписывать заново историю России — и это приводит в шок пятую колонну. И тут вступает в силу закон войны. Непослушного надо предупредить, запугать (убивают сначала в подъезде его сына). Мало. Тогда обрушиваются на него со всей мощью клеветы и грязи в желтой прессе. Вдумчивый читатель обратит внимание на тех, кто стоит в подметных письмах на стороне радетелей за правильное изучение российской истории. Большинство фамилий еврейского происхождения. Антисемитизм, на который робко ссылаются авторы, здесь ни при чем; борьба идет против России, против русской исторической науки, против российского народа». Западная цивилизация, по мнению Л. Александрова, это миф. «Такой цивилизации, — утверждает он, — на самом деле нет, а есть цивилизация банковского кредита, то есть исторически это иудейская цивилизация и образ мышления общества. Вот куда ведет нас пятая колонна!»¹

Несколько в ином ключе, но, в принципе, с этих же позиций формулирует суть «дела» И.Я. Фроянова профессор Н.К. Симаков. Ученый, по его мнению, стал «жертвой партийной беспощадности современной либеральной интелли-

¹ Александров Л. Конфликт или попытка уничтожения исторической науки в России? // Земля Русская. Орган Петровской академии наук и искусств. 2001. № 1(96). С. 15.

генции. С их точки зрения Фроянов совершил проступок поистине кощунственный — он предельно убедительно на большом фактическом материале показал, что развитие русской традиции продолжалось как в Древней Руси, так и в Советской России. Этому ему простить не могли. Вот если бы он хвалил империю и поругивал совдепию, противопоставлял белую идеологию красной — в этом случае его бы, возможно, и не тронули. Но сейчас либеральная интеллигенция объявила тотальную войну всей русской истории. «История начинается с 1991 года, а до этого в России был ледниковый период», — вот их кредо. Это, на мой взгляд, и предопределило расправу с профессором Фрояновым»¹.

«Организаторы этой постыдной кампании, — справедливо отмечал в связи с «делом» И.Я. Фроянова В. Карабанов, — исповедуют единомыслие в черно-белых тонах, крайнюю степень нетерпимости, огульно, крикливо и злонамеренно выступая против честных и объективных ученых, переживающих за судьбы своей Родины. Подобное поведение очень похоже на травлю людей в те же 30-е годы, когда бурную деятельность развили политические провокаторы, выступавшие как инициаторы преследований деятелей науки и культуры и организаторы кампаний в прессе... Методы, которыми действует и поныне подобная общественность, заставляют задуматься»

¹ *Симаков Н.К.* Умственное иго Европы // Советская Россия. 2001. 4 мая.

маться о ее духовной близости с теми, кто в уже далекие от нас годы пытался, используя доносы и клевету, а также статейки «своих» журналов, добиться достижения своих узкокорыстных целей. Тогда, чтобы убрать неугодного человека и занять его место, доносили и клеветали на него — и люди пропадали в лагерях. И сейчас наследники тех же методов готовы пуститься во все тяжкие»¹.

Понимает это и сам Игорь Яковлевич. «...Война, — заявляет он, — шла не против меня лично, а против русской истории. И совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им просто как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином. А русское национальное самосознание в эпоху глобализации для клиентов Сороса — только лишнее бремя.

Сторонники глобализации в уважаемых научных изданиях уже не скрываясь пишут о том, что «идет процесс исторической десубъективизации России», или, переводя на русский язык, — процесс исчезновения России! Вот на каком рубеже уже идет процесс противостояния в исторической науке. Так судите сами — можем ли мы отступить?»²

¹ *Карабанов В.* Паутина // Новый Петербургъ. 2001. № 7. С. 5.

² *Фроянов И.Я.* «Это счастье служить России» // Советская Россия. 2001. 4 мая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В 1920-Е ГОДЫ . . .	9
1. Идеологические установки 20-х гг.	9
2. На защите интересов науки: С.Ф. Платонов в послереволюционные годы	28
Часть II. «Дело» академика С.Ф. Платонова 1929—1931 гг.: подлинные творцы и «соавторы»	52
1. Прелюдия трагедии — «Академическая» и «Архивная» истории 1929 года	52
2. Арест С.Ф. Платонова и фабрикация «дела» историков-монархистов	95
3. «Долгое время упорно молчал и сознался послед- ним»: показания, ссылка и смерть ученого . . .	101
Часть III. Академик Е.В. Тарле и его «дело» . . .	118
1. Вехи жизненного пути (1874—1929 гг.). Арест (1930) и первые показания ученого	118
2. «...Я все сделаю, чтобы удовлетворить следст- вие»: горькие плоды соглашательства	133

3. Утраченные иллюзии: Е.В. Тарле в борьбе за свое освобождение (1930—1932 гг.) 165
4. «Гордость советской науки»: жизненный путь и труды историка второй половины 1930-х — начала 1950-х гг. 185

Часть IV. Профессор И.Я. Фроянов и его

- «дело» (2000—2001 гг.) 200**
1. Выдающийся исследователь Древней и средневековой Руси 200
 2. «Нет сил внимать равнодушно злу»: работы И.Я. Фроянова по новейшей истории России . 208
 3. «Месть непокорному»: подлинные организаторы травли ученого постарались остаться в тени 240

Брачев Виктор Степанович
ТРАВЛЯ РУССКИХ ИСТОРИКОВ

Ответственный редактор *О. Селин*

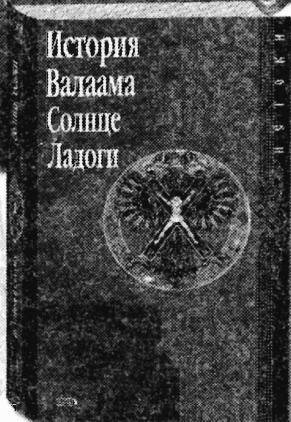
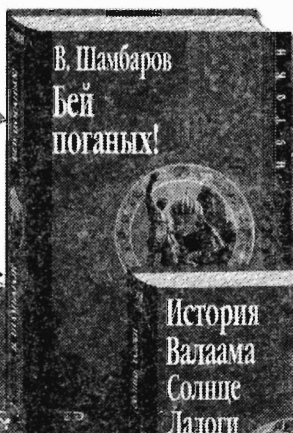
ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02, 733-97-89
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 26.02.2006.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3 000 экз. Зак. № 3014.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

«Истоки»

Серия «Истоки» представляет
уникальные книги,
рассказывающие о тайнах
древней Руси!

**Добро пожаловать в мир наших пращуров,
принадлежащий нам по праву наследия!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

А. Андреев «Соловки: монастырь на островах»,
«История Иерусалима»

А. Асов «Тайны Велесовой книги»

А. Волков «Русская рать: богатыри, витязи и воеводы»

Виктор Бразев

ТРАВЛЯ РУССКИХ ИСТОРИКОВ

Из сводки новостей

от 28. 11. 2005: «На днях была вскрыта квартира известного русского историка-патриота Игоря Яковлевича Фроянова. В квартире был устроен откровенный погром, особенно досталось кабинету ученого. При этом ничего из ценных вещей, включая деньги, не пропало, но злоумышленники вторглись в компьютеры историка, что дает основание полагать – настоящей целью преступников было получение информации, находящейся в распоряжении И. Я. Фроянова».

ISBN 5-9265-0236-5

9 785926 502364

